

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1915 г. Апрѣль.

МОСКВА
ПЕЧАТНІЯ А. И. СПЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПАР., СОВ. Д.
1915

СОДЕРЖАНІЕ.

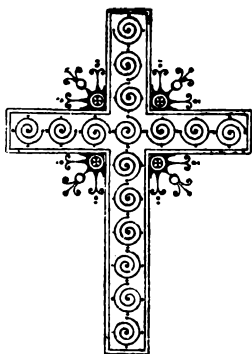
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	Стран.
1. Воспитаніе дѣтей. — <i>Владимірѣ</i> , Митрополитѣ Пётроградскій	3— 10
2. Бесѣда въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ о Самаряныни. — <i>Макарій</i> , Митрополитѣ Московскій	11— 18
3. Вліяніе нѣмцевъ-колонистовъ на религіозно-раціоналистическое движеніе на югѣ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія. — <i>Алексій</i> , Архіеп. Владимірскій.	19— 32
4. Духовный дневникъ. — <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховск.	33— 37
5. Исканіе вѣры. (Стихотвореніе).	38— 40
6. Письма въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго	41— 44
7. Аскетизмъ, какъ основа русской культуры. — Проф. Архимандритѣ <i>Тихонѣ</i>	45— 74
8. Ученіе св. Василія Великаго о Святомъ Духѣ. — Проф. <i>С. Заринѣ</i>	75— 86
9. Обязанности пастыря. — <i>Елена Жадаповская</i>	87— 98
10. „Мученики“. — <i>А. Макарова-Мирская</i>	99—110
11. Часовня — *	111—112
12. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи за послѣднюю четверть истекшаго столѣтія. — <i>Православный Миссіонерѣ</i>	113—129
13. Черты полемики противъ поповщины въ историческихъ сочиненіяхъ безпоповца <i>Ивана Алексѣева</i> и черты исторіи въ полемическихъ. — Проф. <i>П. Смирновѣ</i>	130—148
14. Изъ Россіи во Святую Землю. — <i>В. Н. Поповѣ</i>	149—156

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. „Ночь возрожденія“. — <i>В. П. Быковѣ</i>	157—175
16. Отлики на „Письмо изъ Канады“. — <i>М. Правдолюбовѣ</i>	176—180
17. Мало оцѣненное средство пастырскаго вліянія. — Свящ. <i>Н. Платоновѣ</i>	181—187
18. Библіографія. — <i>И. А.</i>	188—191
19. Стихотворенія. — <i>В. Недзвецкій</i>	192—192

Редакція „Голоса Церкви“ проситъ ускорить взносъ подписныхъ денегъ за 1915-й г. Объявленіе о выходѣ журнала въ 1915 г. смотрѣть на обложкѣ журнала.

О воспитаніи дѣтей*).

2.

О необходимости, сущности и началѣ воспитанія.

Сляцы выю сына въ юности его и со-
круши ребра его, дондеже младъ есть: да
не когда ожестѣвъ не покорить ти ся
(Сир. 30, 12).

Лучшее наслѣдство, которое могутъ родители дать своимъ дѣтямъ, есть доброе воспитаніе. Оно имѣетъ гораздо бѣльшую цѣнность, чѣмъ всѣ богатства и блага земныя. Эту истину хорошо сознавалъ еще древній мудрецъ Плутархъ и въ своей книгѣ о воспитаніи высказалъ ее слѣдующими словами: „ничего нѣтъ выше добраго воспитанія дѣтей; оно должно быть началомъ, серединою и концомъ всѣхъ родительскихъ заботъ. Всѣ блага этой земли обманчивы и случайны, а доброе воспитаніе есть постоянное, прочное божественное благо“. Какимъ же образомъ возможно доставить дѣтямъ это высшее благо и достичь цѣли хорошаго воспитанія?

*) см. Г. Ц. м. Мартъ.

Мы уже знаемъ, что родители главнымъ образомъ отвѣтственны за воспитаніе своихъ дѣтей и вину за дурное воспитаніе ихъ никому не могутъ приписывать, кромѣ себѣ; а теперь скажемъ о томъ: а) нужно ли воспитаніе, б) когда его должно начинать и в) въ чемъ оно должно состоять.

а) Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія во Франціи явился ученый именемъ Руссо, который измыслилъ такое ученіе о воспитаніи дѣтей, которое причинило очень много существеннаго вреда цѣлымъ тысячамъ несчастныхъ дѣтей. Онъ училъ именно, что дитя появляется на свѣтъ совершенно добрымъ и ничуть неиспорченнымъ. Поэтому стоитъ только дитя предоставить самому себѣ, и оно непременно останется цѣльнымъ, неповрежденнымъ, добрымъ. Воспитаніе не только не необходимо, но даже вредно. Когда дитя подвергается воздѣйствію на него воспитателей, родителей и учителей, то оно чрезъ это становится хуже, портится. Только чрезъ воспитаніе, говоритъ Руссо, привходятъ всѣ дурныя наклонности и страсти въ совершенно невинную и неиспорченную натуру дитяти. Какъ ложно и превратно такое ученіе, въ этомъ убѣждаетъ насъ и опытъ и божественное Откровеніе. Руссо, а съ нимъ и многіе другіе вольнодумные, невѣрующіе педагоги говорятъ, что дитя отъ природы неиспорчено. Но ежедневный опытъ рѣшительно ниспровергаетъ такой взглядъ и учитъ насъ совершенно противоположному. Изъ этого опыта мы видимъ, что совершенно маленькія, еще грудныя дѣти, которыя никѣмъ не могли еще быть испорчены, имѣютъ уже свои значительные недостатки и дурныя качества. И они уже бываютъ иногда и самолюбивы, и упорны, и капризны, и вспыльчивы, и раздражительны. Есть дѣти, которыя отъ природы имѣютъ наклонность къ лѣности, другія ко лжи и обману, одни къ изнѣжен-

ности и чувственности, а другія къ лакомству и воровству. Но что можно усматривать, такимъ образомъ, изъ ежедневнаго опыта, это подтверждаетъ и божественное Откровеніе. Именно послѣднее учитъ насъ, что дитя появляется на свѣтъ зараженнымъ наслѣдственнымъ грѣхомъ и что чрезъ этотъ наслѣдственный грѣхъ природа дитяти испорчена и склонна болѣе ко злу, чѣмъ къ добру. Слѣдовательно, эту наклонность ко грѣху и злу дитя имѣетъ въ себѣ самомъ, а не отвнѣ получаетъ ее. Правда, то же христіанское Откровеніе учитъ насъ и тому, что душа дитяти очищается отъ первороднаго, наслѣдственнаго грѣха и освящается во св. крещеніи; но ослабляемая въ этомъ крещеніи наклонность ко грѣху отнюдь, однако, не уничтожается и не искореняется совершенно. Итакъ, и опытъ и Откровеніе учатъ насъ, что дитя появляется на свѣтъ не съ совсѣмъ доброю и неповрежденною природою, но съ испорченною, predisposed ко злу. А отсюда слѣдуетъ, что дитя не должно оставаться безъ воспитанія; напротивъ, чтобы изъ него вышло нравственное и добродѣтельное существо, оно непременно должно подвергаться добродѣльному воздѣйствію на него со стороны воспитателей. Грѣховную наклонность дитяти необходимо подавлять и направлять къ добру. Если дитя предоставить самому себѣ, то въ немъ станетъ развиваться не доброе, болѣе слабое начало, но болѣе сильное, злое, подобно тому, какъ и во внѣшней физической природѣ, коль скоро она предоставляется самой себѣ, произрастаетъ не пшеница, а плевелы, тернія и волчцы.

б) Такимъ образомъ, воспитаніе дитяти необходимо. А если оно необходимо, то когда, съ какого времени, съ какого возраста нужно начинать воспитаніе дитяти? И на этотъ вопросъ даютъ намъ правильный отвѣтъ и опытъ и божественное Откровеніе. Оба они говорятъ,

что воспитаніе должно быть начинаемо съ самой ранней юности. Уже взглядъ на природу убѣждаетъ насъ въ истинности этого положенія. Если кто-либо посадилъ деревцо и желаетъ, чтобы оно выросло прямымъ, то онъ долженъ на самыхъ первыхъ порахъ привязать его къ тычинкѣ и тщательно ухаживать за нимъ; онъ долженъ предохранять его отъ зловреднаго дѣйствія гадовъ и червей, обрѣзать дикіе побѣги и, пока оно еще молодо, давать ему правильное направленіе. Почему и сложилась у насъ пословица: гни дерево, пока оно гнется, т. е. пока оно еще молодо. Если садовникъ хочетъ держать свой садъ въ порядкѣ и чистотѣ, то онъ съ самаго начала долженъ очистить его отъ дикой, сорной травы; въ противномъ случаѣ, т. е., если запустить ее и дождется, когда она разрастется по всему саду, то онъ уже не въ силахъ будетъ преодолѣть ее. Такъ именно слѣдуетъ поступать и въ отношеніи къ дитяти. Дитя—это молоденькое деревцо, а родители—это Богомъ назначенные садовники этого юнаго человѣческаго растенія. Они должны тщательно ухаживать за нимъ съ самаго начала, они должны очищать его отъ скверны грѣха, отъ злыхъ наклонностей и страстей; они должны обрѣзать дикіе отростки самолюбія, упорства и капризовъ; они, наконецъ, должны давать ему правильное направленіе и съ самаго ранняго возраста преклонять его подъ иго христіанскаго послушанія и дисциплины. Сердце дитяти—это садъ, а родители—садовники, поставленные отъ Бога, и садъ сердца своихъ дѣтей они должны съ самаго раннаго возраста ихъ очищать отъ плевелъ и сорной травы. Если они запустятъ зло въ сердцахъ дѣтей своихъ, то они не въ состояніи будутъ очистить ихъ отъ сора. Чему, такимъ образомъ, учить насъ опытъ и природа, это влагается въ сердце родителей и Откровеніемъ. *Суть ли ти чада,*

увѣщаваешь мудрый Сирахъ, *накажи я, и преклони отъ юности выю ихъ*. И въ другомъ мѣстѣ: *сляцы выю сына твоего въ юности его, дондеже младъ есть: да не когда ожестѣвъ не покоритъ ти ся* (7, 25, 30, 12). Итакъ видишь ли ты, христіанскій родитель, откуда происходитъ то, что твои взрослые дѣти отказываютъ тебѣ въ послушаніи и покорности? Это происходитъ отъ того, что ты не нагибалъ ихъ выи, когда они были еще юны; это происходитъ отъ того, что ты не приучалъ ихъ къ строгому послушанію въ то время, когда они были еще маленькими дѣтьми. Послушай, что говоритъ объ этомъ родителямъ св. Іоаннъ Златоустъ: „не самъ ли ты причиняешь себѣ скорбь необузданностію твоего сына? Ты долженъ бы тщательно обуздывать его, приучать его къ порядку, къ аккуратному исполненію своихъ обязанностей и врачевать болѣзни его души, когда онъ былъ еще молодъ и когда это сдѣлать было гораздо легче. Когда поле его сердца еще легко было обрабатывать, тогда еще нужно было тебѣ выдергивать эти плевелы, тогда, когда они не успѣли еще пустить глубокаго корня; въ такомъ случаѣ и страсти дѣтей не усилились бы настолько, что нельзя уже погасить ихъ“.

Есть не мало такихъ родителей, которые думаютъ, что воспитаніе начинается только съ тѣхъ поръ, какъ дѣти вступаютъ въ школу. Въ какомъ заблужденіи находятся такіе родители, это видно изъ слѣдующихъ выраженій мудрецовъ древняго и новаго времени. Одинъ глубокій мыслитель нашего времени утверждаетъ, что воспитаніе оканчивается уже на десятомъ году, а другой великій мудрецъ міра говоритъ: „человѣкъ обыкновенно на всю жизнь свою остается такимъ, какимъ онъ былъ въ продолженіи шести лѣтъ на нѣдрахъ своей матери“. Еще другой говоритъ: „дитя, заслуживающее побои послѣ четырехлѣтняго своего возраста, уже обна-

руживаесть худое воспитаніе“. Снова другой изъ современныхъ намъ знаменитѣйшихъ мыслителей говорить, что съ жизнію ребенка должно начинаться и его воспитаніе. И онъ, конечно, совершенно правъ, ибо не можетъ быть безразличнымъ, будетъ ли мать дитяти въ томъ періодѣ, когда жизнь ея такъ тѣсно связана бываетъ съ его жизнію, жить благочестиво и богобоязненно, или же легкомысленно и нечестиво, такъ какъ ея доброе или дурное душевное состояніе легко можетъ сообщаться и плоду ея тѣла. По крайней мѣрѣ, не даромъ же говорятъ о нравственныхъ недостаткахъ и порокахъ, которые дѣти унаслѣдовали отъ своихъ родителей или всосали въ себя вмѣстѣ съ молокомъ своей матери.

Итакъ, христіанскіе родители, неоспоримо то, что воспитаніе дѣтей нужно начинать съ самаго ранняго ихъ возраста; съ появленія дитяти на свѣтъ, даже болѣе, съ жизнію его—должно начинаться и его воспитаніе.

в) Теперь остается намъ рѣшить еще вопросъ о томъ, въ чемъ должно состоять воспитаніе, т. е. какія свойства и качества нужно развивать въ дитяти при его воспитаніи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: въ воспитываемомъ ребенкѣ должно быть искореняемо все дурное и насаждаемо все доброе. Въ сердцѣ дитяти должно быть подавляемо все дурное. Однако не мало есть родителей, которые нисколько не заботятся о подавленіи нѣкоторыхъ недостатковъ и дурныхъ качествъ въ своихъ малюткахъ, которые иногда даже радуются и забавляются, когда ребенокъ капризничаетъ, обнаруживаетъ самолюбіе, упорство, когда позволяетъ онъ себѣ какую-нибудь ложь, обманъ и т. п. Они думаютъ, что таковы бываютъ и всѣ дѣти, съ которыхъ ничего еще нельзя взыскивать по ихъ глупости, но съ годами, когда

они подростутъ и станутъ смышленнѣе, тогда - де они свободны будутъ отъ этихъ недостатковъ, тогда-де можно будетъ и относиться къ нимъ съ большею строгостію и требовательностью. Великая это ошибка и непоправимое заблужденіе! Нѣтъ, эти шалости и недуги никогда не проходятъ сами собой. Напротивъ, они растутъ вмѣстѣ съ самимъ ребенкомъ и укореняются все болѣе и болѣе, если имъ не противоудѣйствуютъ съ самаго начала, подобно тому, какъ и сорная трава на полѣ, если не выпалывается на первыхъ порахъ, разрастается и пускаетъ все болѣе и болѣе глубокіе корни. Эта истина ясно сознавалась и у язычниковъ. Такъ, наримѣръ, говоритъ мудрый Сенека: „легко исправлять тѣ сердца, которыя еще очень нѣжны и мягки, но очень трудно искоренять пороки, которые выросли вмѣстѣ съ нами“. Точно такъ же говоритъ и Плутархъ: „проступки мальчика ничтожны и легко исправимы; напротивъ, проступки юноши бываютъ уже слишкомъ велики и нерѣдко мало исправимы“. Такимъ образомъ необходимо искоренять все дурное въ дѣтяхъ на самыхъ первыхъ порахъ ихъ жизни. Въ противномъ случаѣ плевелы грѣха настолько разрастутся и усилятся въ сердцахъ ихъ, что впослѣдствіи невозможно будетъ съ ними справиться.

Но воспитаніе должно состоять не въ томъ только, чтобы искоренять въ сердцѣ ребенка все дурное; нѣтъ, вниманіе воспитателей должно быть направляемо и на то, чтобы приучать и упражнять ихъ въ добрѣ. Въ какихъ добродѣтеляхъ нужно главнымъ образомъ упражнять дѣтей, объ этомъ обстоятельнѣе мы будемъ говорить въ слѣдующихъ бесѣдахъ. Основаніе, почему мы такъ рано должны приучать дѣтей къ упражненію въ добродѣтели, указываетъ намъ само Священное Писаніе. Если юноша избралъ путь свой, то онъ не уклонится

отъ него, говорить Сирахъ, и во дни старости, т. е., если человѣкъ еще во дни своей юности вступилъ на путь добродѣтели, то онъ твердо будетъ стоять на немъ и въ старости. Подобную истину выражаетъ и народная пословица: „къ чему въ юности привыкъ, то въ старости сдѣлалъ“.

Не забывайте же, христіанскіе родители, какъ необходимо вамъ насколько можно раньше начинать дѣло воспитанія вашихъ дѣтей, и пусть тѣ изъ васъ, у которыхъ есть еще и сейчасъ малютки, постараются осуществить это на дѣлѣ. Да, не пропускайте вашимъ вниманіемъ ничего дурнаго въ вашихъ дѣтяхъ, какъ бы малы они ни были, — ни своеволія, самомнительности и упрямства, ни лжи и обмана, ни проявленій наклонности къ лѣни, изнѣженности и лакомству. Не считайте ничтожными даже малѣйшихъ проступковъ дѣтей вашихъ, но помните, что эти проступки растутъ вмѣстѣ съ ростомъ самихъ дѣтей. Насаждайте и возвращайте все доброе въ сердцахъ ихъ. Приучайте ихъ съ самаго ранняго возраста къ благоговѣнію предъ Богомъ и молитвѣ, къ послушанію и аккуратности, къ справедливости и откровенности, къ терпѣнію и самоотверженію. И будьте увѣрены, что ваши дѣти, совершая доброе сначала безсознательно, впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, будутъ сознательно продолжать то, въ чемъ упражнялись они въ дѣтствѣ только по привычкѣ.

Владиміръ, Митрополитъ Петроградскій.

Беседа въ хедѣлю 5-ю по Пасхѣ о Самаряныни.

Въ читанномъ сегодня Евангеліи заключается повѣствованіе о томъ, что Господь Іисусъ Христосъ, томимый жаждою, просилъ у жены Самарянской напиться воды изъ колодца, къ которому пришла эта женщина съ почерпаломъ. За эту воду Господь обѣщалъ ей дать и дѣйствительно далъ воду живую, текущую въ жизнь вѣчную. Въ этомъ событіи обращаетъ на себя вниманіе любознательность женщины, любознательность на этотъ разъ похвальная. Видя въ Собесѣдникѣ не простого іудея, а пророка, знающаго тайны ея жизни, она обращается къ нему съ просьбою разрѣшить ей религіозный вопросъ: гдѣ богоугоднѣе поклоняться Богу: здѣсь ли на горѣ, гдѣ стоялъ храмъ самарянской, или въ Іерусалимѣ?

Заслуживаетъ вниманія въ этомъ повѣствованіи любознательность самарянки, какъ черта, особенно свойственная женщинѣ нашего времени — по преимуществу. Въ силу этой любознательности современная женщина усиленно стремится къ высшему образованію и служебной дѣятельности наравнѣ и совмѣстно съ мужчиной. Такое стремленіе современной женщины обратило на себя вниманіе читающей, разсуждающей и пишущей части нашего общества.

Такъ какъ вопросъ о женскомъ образованіи, о правахъ и обязанностяхъ женщины обсуждался съ разныхъ

сторонъ, то намъ прилично освѣтить его съ религіозной стороны и дать соотвѣтствующее по нему заключеніе.

Все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6, ₁₂). Это изреченіе апостола языковъ нужно имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о правахъ, обязанностяхъ и образованіи женщины.

Все, что врождено человѣку, что естественно, то позволительно. Но не все, что возможно, въ то же время и полезно. Есть вещи возможные, но не полезные. Даже и въ Эдемѣ, гдѣ всѣ созданія были добры зѣло, нашлось нѣчто такое, что прародителямъ нашимъ было запрещено употреблять. Это было запретное древо познанія не одного зла, но и добра. Знаемъ, какія печальныя послѣдствія были по нарушеніи заповѣди о запретномъ древѣ.

Да извлекутъ изъ этого урокъ для себя люди, стремящіеся къ познаніямъ разнаго рода, безъ разбора. Заслуживаетъ при этомъ вниманія въ исторіи первозданныхъ людей то обстоятельство, что первой нарушительницей заповѣди о древѣ познанія явилась жена. Да послужить это назиданіемъ для современной женщины, стремящейся къ высшему образованію, соединенному съ познаніемъ не только добра, но и зла, и увлекающейся иногда больше зломъ, чѣмъ добромъ, болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ направленіемъ науки.

Позволительно изучать разнаго рода науки, но не полезно изучать тѣ изъ нихъ, которыя отводятъ отъ познанія Бога, отъ вѣры въ Него.

Позволительно пріобрѣтать знанія, полезные для жизни и доброй нравственности, но не полезно, ради любопытства, узнавать то, чѣмъ можно вредить себѣ и дру-

гимъ, что составляетъ запрещенный плодъ для юноши или дѣвицы.

Мужъ науки, позволяющій себѣ глумиться надъ вѣрой простыхъ людей, надъ религіей вообще, разорвавшій союзъ съ Церковію, возглавляемую Христомъ, не заслуживаетъ почетнаго названія мужа ученаго; ибо истинные ученые мужи были въ то же время людьми вѣрующими, богобоязненными. Безбожіе есть плодъ неразвитости, недомыслия, безумія. Только безумецъ говоритъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Безбожники выходятъ изъ среды развращенныхъ и недоучекъ. Истинная же наука приводитъ къ Богу.

Если непріятно видѣть безбожіе, какъ плодъ легкомыслия и маломыслия въ мужѣ науки, то женщина образованная и въ то же время безбожная и легкомысленная возбуждаетъ къ себѣ отвращеніе. Отъ женщины безъ вѣры, безъ Бога вѣтъ холодомъ, какъ отъ статуи, по виду прекрасной, но лишенной жизни.

Когда мы видимъ пьянаго мужчину, то относимся къ нему довольно снисходительно, какъ къ чему-то обычному. Но пьяная женщина возбуждаетъ къ себѣ глубокое сожалѣніе, переходящее иногда въ отвращеніе. Отчего это? Оттого, что этотъ порокъ ей менѣе свойственъ, и при томъ такая женщина приноситъ больше вреда, какъ для себя самой, такъ и для другихъ, чѣмъ мужчина. При рѣшеніи вопроса о женскомъ образованіи, о правахъ и обязанностяхъ женщины, нужно имѣть въ виду существующій во всей природѣ законъ цѣлесообразности. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе и каждому созданію даны средства для достиженія такого назначенія. Всякая вещь хороша на своемъ мѣстѣ. Мужчина имѣетъ свое назначеніе, какъ супругъ, отецъ и глава семьи, и женщинѣ дано свое назначеніе, какъ супругѣ, матери и помощницѣ мужа.

Уклоненіе мужа или жены отъ своего семейнаго назначенія сперва порождаетъ взаимное между супругами недовольство; недовольство приводитъ къ разладу, разладъ приводитъ къ разстройству; разстройство—къ разрушенію, разрушеніе къ страданію, несчастію и гибели.

Назначеніе женщины въ семействѣ не господственное, а подчиненное. *Къ мужу твоему стремленіе твое*, сказано было первой женѣ, *и онъ будетъ господствовать надъ тобою* (Быт. 3, ₁₆). Ея поле дѣтельности, прежде всего, въ домѣ. А власть въ семьѣ принадлежить мужу. Но его дѣятельность по преимуществу внѣ дома, въ полѣ, на государственной, общественной и военной службѣ.

Современная женщина стремится освободиться отъ подчиненнаго положенія; ей хочется перенести свою дѣятельность изъ семейнаго очага на службу общественную и государственную. Напрасное стремленіе! Какъ противная ея призванію, служба ея внѣ дома не принесетъ ей счастья. Жена, освободившись отъ власти мужа, въ общественной или государственной службѣ подпадаетъ подъ болѣе жестокую власть начальника. Дочь, освободившись отъ власти родительской, легко можетъ сдѣлаться рабой страстей и наслѣдовать себѣ позоръ. Вышедши изъ подъ власти отъца и матери, дѣвица попадаетъ подъ власть начальника службы, подъ власть холодную, немилостивую, требовательную.

Да и нѣтъ надобности женщинѣ домогаться полной свободы и независимости, вѣдь не въ этомъ ея счастье. Всегда было и есть весьма много женщинъ, настолько счастливыхъ въ семейной жизни, что онѣ даже и не замѣчаютъ своего подчиненнаго положенія. Находясь въ состояніи подчиненія, онѣ сумѣли такъ устроить свою семейную жизнь, что казалось, не онѣ были подчинены, а имъ все подчинено. Мужъ такой жены отнюдь

не желаетъ заявлять ей о своихъ преимуществахъ, не только грубымъ образомъ, но и тонкимъ намекомъ. Счастливая такимъ положеніемъ въ семьѣ женщина чужда всякаго желанія выступить на поприще общественной, а тѣмъ менѣе государственной службы.

Впрочемъ, если бы женщина, оставаясь одинокою, или при мужѣ, но съ согласія послѣдняго, захотѣла избрать себѣ службу на общественномъ полѣ дѣятельности, то она могла бы найти для себя такого рода дѣятельность, которая для нея будетъ вполне прилична, неблаженна, безгрѣшна и многополезна. Это, во первыхъ, учительство, и учительство по преимуществу въ низшей и средней школѣ. Дѣтѣучительство составляетъ неотъемлемую принадлежность женщины. Женщина является первой учительницей въ семьѣ. Она преподаетъ первые уроки дѣтямъ по всѣмъ предметамъ дѣтскаго пониманія. Ея первые материнскіе уроки служатъ основой для всѣхъ послѣдующихъ знаній. Женщинѣ всего приличнѣе вести и дальнѣйшее школьное образованіе дѣтей. Это наиболѣе сподручная работа для дѣвицы до ея замужества, если она желаетъ и можетъ посвятить себя такого рода общественной дѣятельности.

Кромѣ учительства, можно указать еще нѣкоторые виды общественной дѣятельности, наиболѣе свойственные женщинамъ. Жизнь христіанокъ апостольскихъ и послѣдующихъ временъ можетъ служить примѣромъ въ этомъ отношеніи для современной женщины. Такъ, нѣкоторыя жены и дѣвы раздѣляли проповѣдническіе труды апостоловъ. Равноапостольная Нина была просвѣтительницей Грузіи. Было особенное сословіе діакониссъ, посвящавшихъ себя на служеніе церкви, собственное для женщины. И въ наши времена въ ино-вѣрныхъ странахъ и въ нашей Православной Руси

многія женщины посвящаютъ себя на служеніе миссіонерское какъ среди язычниковъ, такъ и среди христіанъ, находящихся подъ властію нехристіанскихъ правительствъ, напримѣръ, въ Палестинѣ.

Какой великій подвигъ, какая честь была бы для нашей образованной женщины, если бы она посвятила себя на столь высокое и плодотворное служеніе миссіонерское среди разноплеменныхъ и разновѣрныхъ инородцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества!

Есть и еще благотворный и весьма похвальный видъ общественной дѣятельности для образованной женщины. Это—разнаго рода благотворительность. Примѣры для этого представляетъ та же христіанская древность. „Какія у христіанъ жены!“ восклицали язычники, при видѣ разнообразной благотворительной дѣятельности благочестивыхъ христіанокъ; „онѣ посѣщаютъ въ темницахъ страдальцевъ за вѣру, обмываютъ раны мучениковъ; онѣ подбираютъ больныхъ и умирающихъ, брошенныхъ язычниками во время эпидемическихъ болѣзней, закрываютъ глаза умирающихъ, погребаютъ ихъ, дѣлаясь иногда сами жертвами своего челоуѣколюбиваго подвига. И все это дѣлается во имя Христова, изъ любви ко Христу“. Для такого рода благотворительности во имя Христова подавали прекрасный примѣръ для другихъ женщины высшаго класса тогдашняго современнаго общества. Нельзя сказать, что современныя намъ женщины не занимаются дѣлами благотворенія. Но, къ сожалѣнію, велика разница между древней и современной благотворительностью. Прежде, занимались дѣлами благотворенія, какъ дѣломъ любви христіанской, во имя Христова; а нынѣ благотворятъ ради моды, изъ приличія, нельзя-де отставать отъ другихъ. Прежде жертвовали своимъ, нынѣ жертвуютъ

чужимъ; прежде творили милостыню ради Христа, а нынѣ стыдятся помянуть имя Христово, жертвуютъ для своей славы и для своего удовольствія. Не такова желательна благотворительность отъ истинно образованной и благовоспитанной женщины.

Наконецъ, напомнимъ еще объ одномъ видѣ общественной дѣятельности, также весьма приличной для женщины. Это—лѣченіе и уходъ за больными. Женщина-врачъ для лица своего пола, женщина-акушерка, женщина-сидѣлка у одра больныхъ—все это такого рода дѣятельность, которая наиболѣе свойственна женщинѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключительно ей принадлежащая.

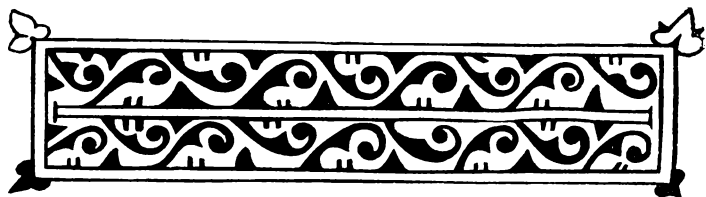
Этихъ трудовъ служенія обществу для женщины было бы весьма довольно. Такого рода служеніе обществу доставитъ ей истинную славу и послужитъ наилучшимъ ея украшеніемъ. Напрасно женщина стала бы искать себѣ большихъ правъ, чѣмъ какіе ей дарованы. Не въ томъ ея счастье, чего она теперь добивается, Ея благо, ея миръ, ея честь—быть подъ охраной мужа и въ то же время быть его охраной; ея счастье—быть сокровищемъ для своего мужа и въ то же время быть хранительницей его сокровища. Она должна быть царицей дома, когда мужъ оставляетъ домъ, и признавать его господство, когда онъ возвращается въ домъ; ихъ счастье—въ единеніи, въ вѣрности другъ другу; ихъ счастье—въ раздѣленіи труда: мужъ—въ домѣ, жена—въ народѣ, жена—среди семьи; у мужа—разнаго рода орудія, у жены—домашняя обстановка; у мужа—отцовская строгость, у жены—материнская нѣжность. Довольно для каждого своего дѣла и своихъ способностей! А для незамужней женщины наиболѣе ей свойственной и приличной дѣятельностью

можетъ служить среди семьи помощь родителямъ по домохозяйству, обученію и воспитанію младшихъ членовъ семьи; а внѣ дома—разные виды учительства и благотворительности.

Вотъ идеаль истинной образованной женщины; вотъ предметъ для удовлетворенія ея любознательности; вотъ права и обязанности, могущія сдѣлать ея дѣятельность богоугодною, для людей вождельною, для нея самой отрадною и достославною!

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Вліяніє нѣмцевъ-колонистовъ на релігійно-раціоналістическое движеніе на югѣ Россіи во второй половинѣ ХІХ-го столѣтія. *)

Въ нашу задачу не входитъ прослѣдить тѣ сокровенные пути, которыми релігійный раціоналізмъ изъ внутренней Россіи проникъ на Украину и далѣе въ южно-русскія степи и выразился въ формѣ разныхъ сектъ. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что уже въ первой половинѣ ХVІІІ в. мы встрѣчаемся въ Украинѣ съ релігійнымъ броженіемъ, съ вполне сложившимся вѣроученіемъ въ духѣ протестантизма, съ крайнимъ отрицательнымъ направленіемъ. Мы говоримъ о духоворческомъ движеніи нынѣшней Харьковской губ., начавшемся въ 30—40 гг. ХVІІІ-го столѣтія въ с. Охочемъ (нынѣ въ Зміевскомъ у.), въ то время принадлежавшемъ къ Бѣлгородской губ. Личность положившаго начало этому движенію осталась для исторіи неизвѣстной: одни (Новицкій) называютъ его прусскимъ унтеръ-офицеромъ; другіе (Ливановъ) считаютъ его унтеръ-офицеромъ русской службы; но интересъ событія заключается не въ личности главнаго виновника его, а въ самомъ фактѣ распространенія на югѣ Россіи сектантскаго движенія, который служитъ нагляднымъ доказательствомъ того релігійнаго и политическаго настроенія, которое переживало

*) См. „Г. Ц.“ 1915 г. м. мартъ.

русское общество въ началѣ XVIII-го столѣтія. Это было, какъ мы уже сказали, настроеніе недовольства какъ условіями гражданскаго общежитія, такъ равно и состояніемъ православной церкви, и оно было вынесено на Украину изъ внутреннихъ губерній и главнымъ образомъ изъ Москвы тѣми оппозиціонными правительству и церкви элементами, которые бѣжали оттуда на югъ въ степи, ища здѣсь свободы убѣжденій и дѣйствій. На велико-русское происхожденіе его указываетъ и то, что первоначальные духоборцы Харьковской губ. носили великорусскія фамиліи (Щокинъ, Зайцевъ, Рѣпинъ и др.) и были выходцами изъ Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и другихъ великорусскихъ губерній¹⁾. Со стороны догмы вѣроученіе харьковскихъ духоборцевъ, насколько о немъ можно заключить изъ показаній, данныхъ ими на судебныхъ допросахъ, представляетъ собою развитіе общепротестантскаго принципа оправданія одною вѣрою, откуда у нихъ—отрицаніе обрядовъ, таинствъ, церковной іерархіи, и вообще то, что мы видимъ у русскихъ шундистовъ въ первые моменты появленія ихъ²⁾.

1) А. Лебедевъ. Духоборцы въ Слободской украинѣ, стр 26—28.

2) Вотъ, болѣе характерныя показанія харьковскихъ духоборцевъ объ ихъ вѣроученіи: Осипъ Зайцевъ показалъ: „въ рукотворенную церковь я не хожу, ибо отъ нея спасенія и святости не чаю; молюся Господу Богу въ домѣ и на всякомъ мѣстѣ владычества Его; крестнаго ручного знаменія на себѣ не полагаю; понеже ручное крещеніе не есть истовая молитва; иконамъ и кресту, сдѣланнымъ изъ дерева или какого метала, кланяться за спасительное дѣло не почитаю, а кланяюсь живому Богу вѣрою и правдою; христіанскую вѣру contenu какъ въ символѣ изображено; священниковъ за пастырей я не признаю, ибо единъ есть учитель и священникъ Христосъ; исповѣдуюсь Богу Небесному, а духовныхъ отцевъ не принимаю, въ тайнѣ причащенія я подъ видомъ хлѣба и вина за тѣло и кровь Христову не почитаю и причащаюсь словомъ Господнимъ; постъ содержу духовный, а въ пищахъ никакого поста не держу“. Духоборецъ Алексѣй Головинъ Харьковскому Совѣстному Суду 31 октября 1793 г. далъ показаніе, что онъ а) христіанскую вѣру, не именуя христіанскою, просто называетъ Божіею; б) исповѣдываясь и пріобщаясь каждый годъ, разумѣетъ исповѣдываніе грѣховъ покаяніемъ, а о тайнѣ причащенія, чтобы истинное тѣло и кровь Христовы были не вѣрить, думая, что виды хлѣба

Нѣкоторые историки духоборцевъ (напр., Новицкій) производятъ ихъ отъ квакеровъ ¹⁾, на томъ основаніи, что главный догматъ духоборцевъ о пребываніи Бога-Слова въ душѣ каждаго человѣка одинаковъ у нихъ съ квакерами. Но если вѣрить преданіямъ о харьковскихъ духоборцахъ, сохранившимся въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго поселенія, то секта ихъ образовалась раньше квакерской: въ то время, къ которому относится образованіе секты квакеровъ (половина XVII в.), мы видимъ духоборцевъ, какъ уже вполне сложившуюся секту, представители которой уже съ 1670 г. стали искать удобныхъ для своего поселенія мѣстъ въ гостепріимной Украинѣ, направляясь изъ губерній Тамбовской, Пензенской, Нижегородской и др. ²⁾. Въ виду этого духоборчество, какъ возникшее, по нашему мнѣнію, раньше квакерства, не могло получить свое начало отъ этого послѣдняго. Что касается сходства духоборцевъ съ квакерами въ ученіи о внутреннемъ просвѣщеніи каждаго человѣка Богомъ-Словомъ, то въ сущности это догматъ общепротестантскій, такъ какъ религіозный индивидуализмъ протес-

и винограднаго вина не могутъ быть истиннымъ тѣломъ и кровью Христовой; въ церковь ходитъ потому, что принуждаютъ, а святости въ оной и божества тамо, яко въ видимой вещи, не сознаетъ, а разумѣетъ, что церковь Божія не въ бревнахъ и не въ каменныхъ стѣнахъ (такъ какъ и дерево и камни сдѣланы единственно для теплоты), но въ ребрахъ и сердцѣ человѣческомъ; в) крестъ полагать на себѣ ни тремя, ни двумя перстами не хочетъ, считаетъ, что въ семь дѣйствій никакого нѣтъ спасенія, также иконамъ должнаго поклоненія не чинитъ, утверждаетъ, что въ видимой вещи Божества нѣтъ; д) мыслить, что Богомъ созданы всѣ равными, и начальникомъ Богъ никого не сотворилъ и начальниковъ не надобно потому-де, что они даны тянуть (т. е.—посягаютъ отъ себя Судъ—подати взыскиваютъ), а дани никакой никто давать не будетъ, когда таковое ученіе по всему свѣту установится“. (Лебедевъ А. Тамъ же, стр. 5—6).

¹⁾ *Quaker*—*Трясунъ*. Секта эта образовалась въ половинѣ XVII в. Основателемъ ея былъ англичанинъ Дж. Фоксъ. Отличительную особенность ихъ догмы составляетъ ученіе о пребываніи Бога въ человѣкѣ и о внутреннемъ свѣтѣ. Авторъ.

²⁾ Лебедевъ А. Тамъ же, стр. 28.

стантовъ на томъ именно и основывается, что каждый протестантъ вѣрить въ то, что дѣло спасенія его дѣлаетъ за него Самъ Христосъ, а ему только остается вѣрить въ это и покаянно вздыхать, такъ что и съ этой стороны сходство духоборчества съ квакерствомъ не больше, чѣмъ сходство всякой другой протестантской секты. Наконецъ, отрицаніе войны, присяги и т. п., что также является общимъ у духоборцевъ съ квакерами, еще менѣе можетъ говорить въ пользу генетической ихъ связи, такъ какъ войну, присягу и проч. гораздо раньше квакеровъ отрицали и продолжаютъ отрицать меннониты. Начало секты духоборцевъ, по нашему мнѣнію, должно искать среди тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ мечтателей, которые появились уже при жизни Лютера, какъ прямое слѣдствіе объявленнаго имъ принципа религіознаго индивидуализма,—мечтателей, которые создавали свои религіозныя системы, учили и основывали секты. Одно съ несомнѣнностью можно сказать, что зерно духоборчества заимствовано изъ протестантизма и принесено въ Россію послѣдователями одной изъ протестантскихъ сектъ въ то время, когда въ религіозно-нравственномъ настроеніи русскаго народа была почва раціонализма.

Изъ с. Охочаго духоборчество быстро распространилось по другимъ селамъ нынѣшней Харьковской губ., вездѣ возбуждая въ мѣстномъ населеніи религіозные споры, вражду и раздѣленіе, чѣмъ обращало на себя вниманіе правительства и вызывало его на тѣ или иныя мѣропріятія. Такъ, въ царствованіе Императора Павла I (1800—1801) духоборцы въ числѣ 200 душъ изъ Харьковской губ. были выселены частью въ Динамюндскую крѣпость, частью въ Екатеринбургъ, на самыя тяжкія работы (изъ города Славянска, изъ селеній: Салтоваго - Терноваго, Петровскаго, Охочаго, Верхнихъ Березъ, Большихъ Проходовъ); но указомъ Императора Александра I отъ 17-го марта 1801 г. большая часть сосланныхъ была возвращена въ мѣста прежняго

своего жительства. Ссылка очевидно не оказала благотворнаго вліянія на нравы и убѣжденія духоборцевъ: они возвратились изъ ссылки на свои прежнія мѣста еще болѣе озлобленными на православныхъ жителей и снова въ мѣстахъ населенія духоборцевъ начались религіозныя раздѣленія, вражда и споры, часто переходившія въ мятежи; снова началась административная переписка о духоборцахъ, какъ безпокойномъ элементѣ въ населеніи, „отъ которыхъ, по словамъ жителей с. Салтоваго-Терноваго, только одно развращеніе и прельщеніе православныхъ жителей происходит“ ¹⁾. Подъ вліяніемъ многочисленныхъ фактовъ несогласія и вражды, внесенныхъ духоборцами въ жизнь мирнаго населенія Украйны, правительство пришло къ мысли выдѣлить духоборцевъ изъ массы православнаго населенія въ отдѣльныя поселенія. Указомъ Императора Александра I отъ 25 января 1802 г. повелѣно было: „духоборцевъ Слободской Украйны и Екатеринославской губ. переселить въ Новороссійскую губ. на обильныя поля, лежащія по теченію р. Молочной, съ назначеніемъ на каждую переселившуюся душу по 15-ти десятинъ земли, съ освобожденіемъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей на пять лѣтъ и съ выдачею изъ казны при самомъ переселеніи на подъемъ по сту рублей на семейство взаимобразно ²⁾... Переселившихся было 296 душъ; они образовали первую духоборческую колонію на р. Молочной и назвали ее Богдановкой.

Въ началѣ XVIII ст. духоборчество появляется въ Азовской крѣпости (нынѣ посадъ Донской области). Съ 1699 г. Азовъ былъ сдѣланъ мѣстомъ ссылки, куда повелѣно было „колодниковъ“, которые по дѣламъ нынѣ есть и впредь получатся изъ мастеровыхъ и посадскихъ людей и къ смертной казни они по тѣмъ дѣламъ не подлежатъ, посы-

1) Лебедевъ А. Тамъ же, стр. 13.

2) Новицкій. „Духоборцы“, стр. 58—63.

латъ въ Азовъ съ женами и дѣтьми и съ ихъ пожитки на вѣчное житіе“¹⁾. Въ 1703 г. этотъ указъ былъ подтвержденъ новымъ, которымъ было повелѣно: „За бунтъ, измѣну и душегубство казнить смертію, а которые люди явятся опричь сихъ винъ, тѣхъ ссылатъ на каторгу въ крѣпость Азовскую“²⁾. Изъ донесенія Екатеринославскаго губернатора фонъ-Берга Министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 1802 г. видно, что въ Азовскую крѣпость были сосланы духоборцы въ 1762 г. изъ Тамбовской губ., и въ 1767 г. изъ Воронежской губ.³⁾. Насколько было велико вліяніе Азовскихъ духоборцевъ на окружающее ихъ населеніе можно видѣть уже изъ одного того, что жители Азова цѣлыми семьями переходили въ секту. Такъ однажды пятнадцать душъ изъ жителей Азова заявили своему приходскому духовенству, что они болѣе не будутъ принимать его съ требамъ, перестали посѣщать храмъ и даже не пускали туда своихъ дѣтей⁴⁾. Если при этомъ принять во вниманіе, что Азовъ въ то время былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ, чрезъ который направлялись товары въ Москву, и имѣлъ большую ярмарку—„Петровскую“ (29-го іюня), то вполнѣ справедливымъ будетъ заключить, что вліяніе Азовскихъ духоборцевъ не ограничивалось населеніемъ только Азова, но вмѣстѣ съ товарами выходило далеко за его предѣлы.

Около 1740 г. духоборчество появилось въ с. Никольскомъ (Екатеринославской губ.). Основателемъ здѣсь секты духоборцевъ былъ мѣстный житель Силуанъ Колесниковъ. Можно утверждать за положительное, что съ ученіемъ духоборцевъ С. Колесниковъ познакомился чрезъ харьковскихъ духоборцевъ, по разнымъ побужденіямъ бывавшихъ

¹⁾ Полн. Собр. Закон. т. III, № 1690.

²⁾ Полн. Собр. Закон. т. IV, № 2218.

³⁾ См. Новицкій. Тамъ же, стр. 41—42.

⁴⁾ Изъ донесенія Екатеринославскаго губернатора министру Внутреннихъ Дѣлъ. Новицкій. Тамъ же, стр. 45.

въ Екатеринославской губерніи. Умный отъ природы, начитанный, обладавшій даромъ слова С. Колесниковъ въ короткое время пріобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, которые въ свою очередь распространяли ученіе новой секты въ разныхъ уголкахъ Новороссіи. Благодаря такой энергичной проповѣди С. Колесникова и его учениковъ, уже при жизни самого Колесникова, продолжавшейся до глубокой старости, въ Екатеринославской губ. образовалось нѣсколько общинъ духоборцевъ и ученіе ихъ тамъ никогда не прекращалось. Къ концу XVIII в. пропаганда духоборчества въ Екатеринославской губ. велась такъ смѣло и открыто, что на нее правительство обратило серьезное вниманіе и въ 1799 г. за открытое отрицаніе властей и проповѣдь неповиновенія имъ тридцать одинъ человѣкъ изъ Екатеринославскихъ духоборцевъ были сосланы въ Екатеринбургъ на вѣчныя тягчайшія работы въ рудникахъ, дабы, какъ сказано было въ Высочайшемъ указѣ отъ 28-го августа, сіи духоборцы, отвергающіе высшую власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ установленную, возчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, злодеямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе“ ¹⁾. Но указомъ Императора Александра I отъ 17-го марта 1801 г. духоборцы были возвращены изъ ссылки, а 25 января 1802 г. Екатеринославскіе духоборцы вмѣстѣ съ харьковскими были поселены на р. Молочной, гдѣ они образовали уже упомянутую колонію Богдановку.

Въ Таврической губ. духоборчество появилось сравнительно позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ юга Россіи. Происхожденіе его здѣсь нѣкоторые приписываютъ ученію менонитовъ, занесенному сюда солдатами, возвратившимися изъ Пруссіи послѣ „Семилѣтней войны“. Но болѣе вѣроят-

¹⁾ Собраніе постановленій по расколу, состоявшихся по вѣдомству Св. Синода, стр. 771.

нымъ должно признать, что въ Таврическую губернію духоборчество проникло изъ сосѣдней Екатеринославской губ., благодаря тѣмъ торговымъ и общественно-экономическимъ сношеніямъ, въ которыхъ находилось населеніе названныхъ губерній. Въ 1775 г. духоборцы, какъ организованная секта, появились въ селѣ Васильевкѣ въ средѣ крестьянъ дворянина Попова. Въ 90-хъ годахъ XVIII в. духоборчество достигло значительнаго развитія въ Перекопскомъ у. Вѣроятно, пропаганда Перекопскихъ духоборцевъ велась слишкомъ открыто и приняла рѣзкія формы, если правительство, не смотря на свою гуманность по отношенію къ сектантамъ, вынуждено было 34 человѣка изъ нихъ предать строжайшему суду и подвергнуть жестокимъ наказаніямъ: ихъ закованныхъ въ цѣпи сослали въ Екатеринбургъ на вѣчныя и тяжкія работы въ рудникахъ ¹⁾. Въ 1805 г., въ царствованіе „человѣколюбиваго“ Императора Александра I, сосланные просили возвратить ихъ въ Таврическую губ., но обратное переселеніе было признано „затруднительнымъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ было повелѣно поселить ихъ въ Сибири на удобныхъ мѣстахъ и предоставить имъ тѣ права и льготы, какія вообще были предоставлены духоборцамъ манифестомъ 25 января 1802 г. Въ 1810 г. таврическіе духоборцы возбудили ходатайство о переселеніи въ Таврическую губ. сосланныхъ въ разное время въ Сибирь ихъ единовѣрцевъ, но и это ходатайство не имѣло успѣха, такъ какъ многіе умерли, другіе за соvrращеніе православныхъ были отданы въ солдаты на рудники. Въ 1804 г. уполномоченные отъ духоборцевъ Тамбовской и Воронежской губ. принесли на Высочайшее имя просьбу, „дабы во избѣжаніе обидъ и притѣсненій, чинимыхъ имъ не только поселянами, но и нѣкоторыми чиновниками, един-

¹⁾ Ливановъ. „Молокане и духоборцы“. Вѣстникъ Европы. 1868 г. декабрь, стр. 817 и сл.

ственно по разномыслию въ вѣрѣ, дозволено имъ было перейти въ Таврическую губернію, какъ это указомъ 25 января 1802 г. дозволено духоворцамъ, жившимъ въ губерніяхъ слободоукраинской и екатеринославской“ ¹⁾). Просьба была удовлетворена, и указомъ, даннымъ по сему предмету, духоворцамъ переселившимся въ Таврію были предоставлены земельныя преимущества и льготы, впрочемъ, во многомъ уступавшія привиллегіямъ и льготамъ, дарованнымъ нѣмцамъ - колонистамъ Императрицею Екатериною II-ой ²⁾).

Въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка въ средѣ духоворцевъ произошло раздѣленіе на почвѣ вѣроученія, окончившееся

1) Новицкій. Тамъ же, стр. 64.

2) Вотъ главный положенія изъ названнаго указа: 1) духоворцамъ, кои въ Воронежской и Тамбовской губ. изъявятъ желаніе переселиться въ Таврію, то имъ дозволить; 2) время переселенія предоставить имъ самимъ назначить, стараясь по возможности, чтобы наибольшее ихъ число туда отправилось и чтобы такимъ образомъ секта сія не оставляла уже тутъ слѣдовъ своихъ; 3) переселеніе сіе произвести имъ на собственномъ ихъ коштѣ; 4) дать имъ полную свободу распорядиться своимъ имуществомъ, какъ они сочтутъ за лучшее; земли же, конми они пользуются, принявъ въ вѣдомство казенное, предоставить въ надѣлъ казеннымъ крестьянамъ; 5) позволить имъ, буде пожелаютъ, для осмотра и выбора подъ поселеніе земель послать довѣренныхъ людей; 6) увѣдомить ихъ, что на каждую переселяющуюся мужскаго пола душу дается имъ по 15-ти десятинамъ изъ казенныхъ свободныхъ земель въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, по удобности къ Молочнымъ водамъ, и что тѣ, кои переселятся, освобождены будутъ отъ всѣхъ государственныхъ податей на пять лѣтъ, считая съ будущаго 1805 года, хотя бы кто изъ нихъ и позже переселеніе предпринялъ“. Въ то же время указомъ на имя Херсонскаго военнаго губернатора, которому подчиненъ былъ губернаторъ Таврическій, предписывалось: „Препоручая губернскому таврическому начальству защищать переселенцевъ отъ всякихъ стѣсненій и благопріятствовать водворенію ихъ, вы должны при томъ поставить ему въ виду о непремѣнномъ наблюденіи, дабы ни подъ какимъ видомъ духоворцы, какъ нынѣ на Молочныхъ водахъ находящіеся, такъ и вновь въ Мелитопольскомъ уѣздѣ поселились имѣющіе, бѣглыхъ не принимали, въ секту свою никого не совращали; таковое размноженіе оной и таковыя безпорядки отнюдь терпимы быть не могутъ и мѣстное начальство со всею строгостію законовъ поступать должно съ духоворцами, кои такимъ образомъ дерзнуть оныя нарушить“. (См. Новицкій. Тамъ же, стр. 64—65).

выдѣленіемъ изъ среды ихъ секты молоканъ. Виновникомъ этого раздѣленія явился крестьянинъ Тамбовской губ. Семенъ Уклеинъ. Познакомившись съ наставникомъ Тамбовскихъ духоворцевъ, Иларіономъ Побирохинымъ, онъ какъ человѣкъ искусный въ обращеніи, скоро вошелъ въ довѣріе къ Побирохину, женился на его дочери, оставивъ первую жену отъ православнаго брака, и сдѣлался главнымъ помощникомъ его въ распространеніи ученія духоворцевъ. Какъ человѣкъ обладавшій даромъ слова и хорошо начитанный въ Св. Писаніи, Уклеинъ скоро пріобрѣлъ расположеніе въ средѣ духоворцевъ и ослабилъ тѣмъ самымъ во мнѣніи ихъ авторитетъ Побирохина. Начались споры, которые съ почвы личныхъ отношеній скоро перешли въ область вѣры: Побирохинъ, какъ человѣкъ несвѣдущій въ Св. Писаніи, запрещалъ читать Библію духоворцамъ, называя ее большою „хлопотницею“. Уклеинъ наоборотъ училъ признавать за истину только то, что написано въ Библии, а все не имѣющее ясныхъ основаній въ ней признавалъ вымысломъ человѣческимъ. Такимъ образомъ центр тяжести въ ученіи Уклеина переносился въ Библію, какъ главный источникъ вѣроученія, чѣмъ, какъ это вполне понятно, въ корнѣ подрывался основной догматъ духоворцевъ „о внутреннемъ просвѣщеніи“, какъ главномъ источникѣ Боговѣдѣнія. Правда Уклеинъ вполне не отрицалъ „внутренняго просвѣщенія“, какъ источника Боговѣдѣнія, но подчинялъ его буквѣ Св. Писанія, требуя отъ своихъ послѣдователей данныя „внутренняго просвѣщенія“ провѣрять Библіей, въ результатѣ чего получалось все же отрицаніе авторитета главнаго догмата духоворцевъ. Уклеинъ сначала проповѣдывалъ въ Тамбовской губ., откуда преслѣдуемый правительствомъ, перешелъ въ Воронежскую губ., а отсюда по той же причинѣ въ Саратовскую. Онъ вездѣ пріобрѣталъ много послѣдователей своему ученію, главнымъ образомъ изъ среды духоворцевъ, но въ числѣ

его послѣдователей было не мало и изъ православныхъ. Во время этихъ „странствованій“ Уклеинъ встрѣтилъ наставника секты субботниковъ (іудействующихъ) Семена Далматова, обратилъ его въ свою вѣру и въ послѣдствіи совмѣстными усиліями они привели вѣроученіе молоканъ въ систему, въ которой оно молоканами уклеинскаго толка удерживается и до настоящаго времени.

Въ 1801 г. Императоръ Александръ I указомъ 17-го марта, какъ объ этомъ уже сказано выше, возвратилъ духоборцевъ изъ ссылки, а указомъ 25 января 1802 г. повелѣно было духоборцевъ Харьковской и Екатеринославской губ. переселить на Молочныя воды въ Таврическую губ.; вмѣстѣ съ духоборцами на мѣста новаго поселенія ушли и молокане, которыхъ долгое время правительство не отличало отъ духоборцевъ, а вмѣстѣ съ ними туда же проникли и религіозные споры и несогласія, внесенные въ среду духоборцевъ Уклеиномъ. Въ 1805 г. молокане выступаютъ предъ правительствомъ, какъ уже вполне опредѣленная секта, отличная отъ секты духоборцевъ: уполномоченные отъ молоканъ—борисоглѣбскій мѣщанинъ Петръ Журавцевъ и крестьяне Новохоперскаго у. (Воронежской губ.) с. Макарова Максимъ Юсеевъ и Матвѣй Мотылевъ лично представили Сенату правило вѣры молоканъ, и имъ Высочайше было разрѣшено повсемѣстно исповѣдывать свою вѣру. Въ 1821 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе отвести для молоканъ участокъ земли въ Бердянскомъ у. (Таврической губ.), куда и направлена была партія молоканъ изъ разныхъ селъ Тамбовской губ. въ числѣ 150 душъ муж. п., къ которымъ вскорѣ были присоединены сосланные сюда по судебнымъ рѣшеніямъ въ числѣ 20 душъ. Такъ образовалось въ Таврической губ. первое поселеніе молоканъ, названное Ново-Васильевкой. Передъ новыми поселенцами растиались обширныя дѣвственныя степи, гдѣ изрѣдка встрѣчались поселенія нѣмцевъ-колонистовъ,

въ то время еще немногочисленныхъ, и бродили съ своими стадами ногайцы. Пользуясь глушью и просторомъ степей, гдѣ такъ легко было укрыться отъ правительственнаго взора, молокане стали принимать къ себѣ разныхъ бѣглецовъ: солдатъ, крѣпостныхъ людей, осужденныхъ въ ссылку и проч., въ надеждѣ, какъ они сами говорили, заслужить этимъ спасеніе душъ, а на самомъ же дѣлѣ въ томъ разчетѣ, чтобы имѣть дешевыя рабочія руки, въ которыхъ они нуждались для обработки своихъ обширныхъ участковъ. Бѣглецы скоро увеличили населеніе молоканскихъ колоній и своимъ дешевымъ трудомъ обогатили молоканъ, но они же внесли въ среду ихъ религіозные раздоры, окончившіеся распаденіемъ молоканъ на толки, о чемъ будетъ сказано ниже.

Послѣ завоеванія Крыма, когда въ 1781 г. была учреждена Таврическая губернія, началась въ новопріобрѣтенномъ краѣ старообрядческая колонизація. Князь Потемкинъ, намѣстникъ новыхъ областей, очень былъ занятъ заселеніемъ ихъ. Ему представился счастливый случай: старообрядцы-поповцы г. Москвы и иныхъ городовъ, а равно стародубскихъ слободъ (въ Черниговской губ.), сознавъ неправильность своего внѣ-церковнаго состоянія, рѣшили имѣть „своего“ епископа и обратились къ всесильному въ то время кн. Потемкину, „аки къ цареградскому патріарху“, съ просьбой исходатайствовать имъ епископа подъ именемъ „хорепископа“; уполномоченные отъ старообрядцевъ, „нѣкій чернецъ и старикъ купецъ“, явились къ князю Потемкину и изложили предъ нимъ свою просьбу, на которую онъ отвѣтилъ просителямъ, что добыть имъ „своего“ епископа дѣло очень трудное и его пока нужно оставить, но что священниковъ имъ дадутъ и церкви на старыхъ обрядахъ имѣть дозволять, если они пожелаютъ на жительство въ Таврическую область. Какъ бы въ подтвержденіе достовѣрности своего обѣщанія, въ

1785 г. кн. Потемкинъ по Высочайшей волѣ „учинилъ письменное воззваніе къ старообрядцамъ, существенный смыслъ котораго заключался въ слѣдующихъ словахъ: „желающіе высокомонаршею милостію пользоваться, какъ духовными правами, равно и всѣми чувственными выгодами, приходили бы въ Таврическую область ¹⁾. На это приглашеніе отозвались прежде другихъ Черниговскіе старообрядцы изъ стародубскихъ слободъ: они въ числѣ 60—70 семействъ пришли въ Таврическую губ. и поселились на берегу Днѣпра ниже Большой Знаменки. Къ нимъ скоро присоединился старообрядческій архимандритъ съ чернецами, — тотъ самый, котораго „собили“ епископомъ. Но первый опытъ поселенія старообрядцевъ въ Таврической губ. былъ неудаченъ: старообрядцы испытывали большую нужду въ землѣ, лучшіе участки которой были розданы нѣмцамъ-колонистамъ и помѣщикамъ, а главное они были обмануты въ надеждѣ имѣть своего епископа. Въ виду этого, старообрядческая колонизація въ Таврической губ. остановилась и впослѣдствіи приняла другое направленіе—въ восточные уѣзды нынѣшней Екатеринославской губ.: Павлоградскій и главнымъ образомъ Славяносербскій, въ послѣднемъ изъ которыхъ они образовали цѣлый рядъ поселеній: Городище, Ольховатка, Орѣхово и др. Говоря о старообрядческой колонизаціи Новороссійскаго края нельзя не обратить вниманія на то, что она является скорѣе личнымъ дѣломъ кн. Потемкина, чѣмъ правительственною мѣрою, предпринятою съ ясно сознаннымъ цѣлью: Потемкинъ желалъ представить Екатерину II, во время ея плаванія по Днѣпру, Новороссійскій край заселеннымъ и культивированнымъ, для чего онъ и „сгонялъ“ народъ на берега Днѣпра. Кажется, этимъ только и можно объяснить усиленное зазываніе имъ старообрядцевъ на Таврическіе берега Днѣпра, окончив-

¹⁾ Маркіановъ К. „Къ исторіи колонизаціи Новороссіи“, Кіевская Старица, 1885 г. Мартъ, стр. 539.

шееся такъ неудачно. Понятно, что вопросъ объ экономическомъ устройствѣ старообрядцевъ-колонистовъ мало занималъ Потемкина: все сводилось къ эффекту, который имѣлось въ виду произвести на императрицу зрѣлищемъ заселенныхъ, цвѣтущихъ, культурныхъ береговъ Днѣпра. Нѣмцы-колонисты въ этомъ отношеніи были несравненно счастливѣе: имъ не только были отведены для поселенія огромные участки плодородной земли, но они въ избытокъ были снабжены лѣсомъ и разными хозяйственными предметами, получивъ при этомъ множество разныхъ привиллегій и льготъ. Этотъ контрастъ весьма рѣзко выступаетъ на примѣрѣ старообрядцевъ, вызванныхъ кн. Потемкинымъ въ Таврическую губ.: они „съ плачемъ“ вынуждены были два раза перемѣнять мѣста своего поселенія, такъ какъ въ первый разъ заняли по невѣдѣнію землю частнаго лица, а во второй разъ имъ дали землю, покрытую горами песку, которая затрудняла проѣздъ въ поле. Въ средѣ многочисленной администраціи Новороссійскаго края не нашлось человѣка, который взялъ бы на себя руководство неопытными колонистами.

Алексій, Архіепископъ Владимірскій и Суздальскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Духовный дневникъ.

*„Всѣ вы—сыны свѣта и сыны дня...
Будущи сынами дня, да трезвитесь,
облекшись въ броню вѣры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Тес-
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*

О священномъ Преданіи.—Протестанты отвергаютъ Преданіе. Они говорятъ, что истина заключена только въ Св. Писаніи, а Преданіе нужно отнести къ измышленіямъ человѣческимъ. Но мы спросимъ—обходятся ли сами протестанты безъ Преданія? Вѣдь у нихъ существуетъ извѣстный порядокъ богослуженія и ихъ пастыри надѣваютъ при богослуженіяхъ особую одежду и т. д., вѣдь и это все у нихъ дѣлается по преданію. Но они скажутъ: такъ дѣлалъ Лютеръ. Теперь и сравните. Протестанты основываютъ свое преданіе на Лютеръ и другихъ подобныхъ ему реформаторахъ церковныхъ, а мы Преданіе основываемъ на Св. Церкви, которая дана намъ по Слову Божію, какъ непогрѣшимая истолковательница и хранительница Св. Преданія. Только то, что проходитъ черезъ сознаніе церковное, что принято Св. Церковью, то только и признается у

насъ истиннымъ преданіемъ. Впрочемъ, протестанты не дорожатъ своимъ преданіемъ и готовы его измѣнять, и это у нихъ выходитъ послѣдовательно, ибо всякое человѣческое измышленіе, дѣйствительно, измѣнчиво. Мы же не можемъ такъ относиться къ Преданію, ибо это значило-бы поправлять Св. Церковь, которая дана намъ, какъ чистая невѣста, не имущая скверны и нечистоты, и ни иного чего отъ таковыхъ.

Церковь дана намъ, какъ столпъ и утвержденіе истины. И какое счастье имѣть Преданіе церковное! Представьте себѣ,—вы входите въ домъ, въ которомъ не находится ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, не имѣется здѣсь скамеекъ, гдѣ бы можно было вамъ присѣсть, нѣтъ стола, на которомъ вы могли бы вкусить пищи, нѣтъ камина, у котораго могли бы обогрѣться. Или вы входите въ домъ устроенный, тамъ все для васъ готово и вы довольны, счастливы и утѣшены. То же и въ Церкви Христовой. Преданіе исполнило ее богатствомъ и обиліемъ духовнаго благолѣпія. Здѣсь ты найдешь для своей души все, потребное для спасенія; въ Церкви Православной ты не будешь жаловаться на неуютность, пустоту и скуку. Она, Св. наша Церковь, благодаря Преданію, дала просторъ для развитія всѣхъ благородныхъ искусствъ и дарованій духа человѣческаго, дала возможность развиваться нашему духу до совершенства, къ которому призвалъ его нашъ Творецъ.

Псалтирь.—Псалтирь — книга молитвенныхъ изліяній души ко Господу. Псалтирь написана по вдохновенію отъ Духа Святаго. Поэтому чтеніе и пѣніе псалмовъ спасительно для души христіанской. Какъ богодохновенные, псалмы, и особенно нѣкоторые, имѣютъ по-

истинѣ чудодѣйственную силу. Таковъ псаломъ 50-ый или покаянный. Святитель Иннокентій Херсонскій о немъ говоритъ: въ 50-ый псаломъ такое вложено чувство покаянія, что врагъ рода человѣческаго и доселѣ отъ чтенія его трепещетъ и бѣжитъ ¹⁾). Большую пользу приносятъ христіанину чтеніе его при бореніяхъ и искушеніяхъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ молитвою Іисусовой, которую подвижники рекомендуютъ читать при бореніяхъ. Не меньшую силу имѣетъ псаломъ „Живыи въ помощи“. Его читаютъ въ путешествіяхъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, на полѣ брани. Помнится, какъ отецъ, отправляя насъ изъ провинціи въ школу, въ губернской городъ, становился предъ иконами, прочитывалъ этотъ псаломъ и затѣмъ уже преподавалъ прощальное благословеніе. Много передаютъ разсказовъ о томъ, какъ предохраняетъ воиновъ отъ пуль въ битвѣ сей псаломъ, который, если не читается ими, то, по крайней мѣрѣ, носится на груди зашитымъ въ ладонкѣ.

Великую силу имѣетъ и псаломъ: „Благослови, душе моя, Господа“. Чтеніе его высоко настраиваетъ нашу душу и исполняетъ сердце благоговѣйныхъ чувствъ предъ Творцомъ вселенной. Псаломъ этотъ полезно читать при помыслахъ невѣрія, которое исчезаетъ, пропадаетъ при чтеніи и пѣніи его. Древніе христіане весьма любили псалмы. Св. Амвросій Медиоланскій свидѣтельствуется, что выйдешь въ поле, встрѣтишь земледѣльцевъ, услышишь здѣсь навѣрное и пѣніе псалмовъ, войдешь въ домъ, застанешь за прялкой женщинъ—здѣсь и аллилуія. Наши предки русскіе также не разставались съ псалтирю. Они даже учились по ней. И какъ это хорошо! Грамота открываетъ наши очи

¹⁾ Слово въ нед. Св. Праотецъ.

„еже разумѣти доброе и злое“. И вотъ, если обученіе грамотѣ происходило по Богодохновенной священной книгѣ, то не закрѣплялось ли черезъ это само наше сердце въ добрѣ, а очи наши не привыкали ли только зрѣть святое и отвращаться отъ суеты и скверны?

Между прочимъ, у насъ и доселѣ есть обычай читать псалтирь по покойникамъ. Прекрасный обычай. Чтеніе псалмовъ успокаиваетъ, умиротворяетъ, утѣшаетъ,—а какъ это все нужно бываетъ для насъ, когда мы переживаемъ скорбь отъ потери близкихъ намъ людей!

Берегите вѣру.—Какъ опасно пренебрегать религіозными обязанностями. Сначала простая лѣнь, нежеланіе потрудиться, пойти лишній разъ въ храмъ, затѣмъ охлажденіе, отчужденіе отъ всего церковнаго, религіознаго, и, наконецъ, полная индифферентность въ дѣлѣ вѣры, забвеніе Церкви и ея установленій, когда человѣкъ уже не дорожитъ своею вѣрою. И какъ постепенно идетъ охлажденіе въ вѣрѣ, такъ и, наоборотъ, вѣра возвращается съ большимъ трудомъ. А это-то и страшно! Безвѣріе начинаетъ беспокоить, томить, мучить человѣка. Временами вспоминается счастливое время вѣры и пробуждается желаніе снова вѣрить, но нелегко вѣру возвратить... Мы знаемъ много случаевъ, когда потерявшій вѣру при всемъ своемъ желаніи снова вѣрить—не можетъ. Такой человѣкъ часто плачетъ о потерянной вѣрѣ, какъ о потерянной жемчужинѣ. И даже какія-то внѣшнія причины, или лучше препоны, начинаютъ тормозить его пробудившееся религіозное чувство. Одинъ мой знакомый, 15 лѣтъ не бывшій у исповѣди и св. причащенія и совершенно забывшій храмъ, рѣшилъ, наконецъ, поговѣть. И что же?! Много

времени и усилій ему пришлось потратить, чтобы привести свое намѣреніе въ исполненіе. Вотъ онъ уже соберется и назначить день для исповѣди, какъ физическая болѣзнь или необычайный страхъ остановятъ его. Пришлось не считаться съ его выборомъ дня, а употребить нѣкоторую властность надъ его волею—приказать ему явиться въ такой-то день въ храмъ. Такимъ людямъ непременно нужно протягивать руку помощи, а безъ этого они безпомощны. И если Господь поможетъ имъ возстановиться въ вѣрѣ, о, тогда необыкновенно трогательна бываетъ ихъ вѣра! Они говорятъ о ней уже, какъ о миломъ, дорогомъ для сердца сокровищѣ, которое стараются всячески беречь, боясь снова потерять его. Они способны дѣлаются тогда къ исповѣдничеству.

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Исканіе вѣры.

Когда противъ воли сомнѣнье
Твоей овладѣетъ душой—
Страшися ума разсужденья
О таинствахъ вѣры святой;
 Страшися пустыхъ убѣжденій
 Забывшихъ о Богѣ людей,
 Страшись ихъ опасныхъ ученій,
 Не слушай ихъ лживыхъ рѣчей.
Ужели неправду людскую
Ты вѣрѣ святой предпочтешь,
Создашь себѣ вѣру иную
И истину ложью сочтешь?
 Зачѣмъ же свой духъ просвѣтленный
 Стремившійся въ высь къ небесамъ,
 Какъ нѣжный цвѣтокъ благовонный
 Открылъ ты сомнѣнья вѣтрамъ?
Смотри, какъ той бурей сраженный,
Печально склонившись къ землѣ,
Небеснаго свѣта лишенный
Онъ гибнетъ въ невѣрія мглѣ.
 Страшись отрицанія ядомъ
 Прельщенный свой умъ отравить,
 Безбожія гибельнымъ смрадомъ
 Святой ароматъ заглушить.

Неправдѣ людской уступая,
Ужели измѣнишь Христу?
За что же? Не насъ ли спасая,
Онъ былъ пригвожденъ ко кресту?
 Но если ужъ злое сомнѣнье
 Умомъ овладѣло твоимъ—
 Вопросовъ ищи разрѣшенъе,
 Не слѣдуя мнѣнъямъ чужимъ:—
Ищи съ неослабнымъ терпѣньемъ,
Прилежно съ упорнымъ трудомъ,
Ищи не пустымъ разсужденъемъ,
Не жалкимъ пытливымъ умомъ;
 Но сердцемъ ищи непрестанно,
 Испрашивай вѣру мольбой,
 Ищи, и зывай неустанно
 О помощи скорбной душой;
Пусть кажется трудъ твой безплоднымъ,
Пусть слабъ и подавленъ твой духъ,
Пусть, кажется, въ сердцѣ холодномъ
Небесный огонь ужъ потухъ;
 Не слушай ума возраженья.
 И душу къ мольбѣ понуждай;
 Молись же, молись безъ смущенья
 И опытомъ правду познай.
Не будетъ исканіе тщетно,
Но сжалится Богъ надъ тобой
И въ сердце твое незамѣтно
Проникнетъ лучъ вѣры живой;
 И духъ твой мгновенно воспрянетъ,
 И душу любовь озаритъ,
 И умъ возражать перестанетъ,
 Предъ истиной ложъ замолчитъ.
Когда же, молясь въ умиленъи,
Почувствуешь близость Христа—

Какъ мудрость безбожныхъ ученій

Покажется сердцу пуста!

Тогда-то достигнешь ты цѣли—

— Исчезнетъ туманъ предъ тобой

И ясно познаешь на дѣлѣ,

Что есть Вседержитель благой.

Познаешь въ тотъ мигъ просвѣтленья,

Что вѣра не есть лишь мечта!..

Какое тогда разсужденье

Отторгнетъ тебя отъ Христа?....

Письма въ Возѣ почившаго Высокопреосвященнаго Николая,
Архіепископа Японскаго.

4/17 Сент. 1907.
Токіо.

Высокочтимый отецъ

Архимандритъ Павелъ!

Съ симъ заявляется къ Вашему Высокопреподобію Г. Акаба́не, подданный Японской Имперіи, прекрасный ушной врачъ, вызванный въ Корею въ Японскій госпиталь для практическаго примѣненія своихъ знаній тамъ. Онъ лѣчилъ меня здѣсь отъ ушной болѣзни, и я имъ всегда былъ очень доволенъ. Если понадобится и у Васъ, въ Миссіи, его знаніе, я увѣренъ, Вы также найдете его прекраснымъ врачомъ. Онъ расположенъ и къ христіанству, хотя еще не христіанинъ. Прошу Вашей любезности къ нему.

Съ почтеніемъ и любовью къ Вамъ остаюсь

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ

Архіепископъ Николай.

10 Сент. 1907.
Токіо.
Русская Дух. Миссія.

Досточтимый и достолубезнѣйшій отецъ

Архимандритъ Павелъ!

Запоздалъ отвѣчать на Ваши милыя письма по разнымъ причинамъ: былъ въ отлучкѣ — ѣздилъ въ Мацуяма по-

смотрѣть мѣсто для Церкви, которую начнемъ строить съ 1-го октября н. ст.—въ поминовеніе военноплѣнныхъ, умершихъ тамъ. Потомъ—много дѣла, потомъ карбункулъ сѣлъ на лобъ, и докторъ запретилъ даже письма писать,—иначе-де карбункулъ внутрь головы переберется. Теперь еще съ звѣздою на лбу, но писать можно.

Первое Ваше письмо очень мило моему сердцу. Начать съ того, что въ Вашемъ знаменитомъ спорѣ я ни на той, ни на другой сторонѣ, а это потому, что сами же Вы похерили обѣ стороны и 25-лѣтниковъ и 6-лѣтниковъ Вашимъ заключительнымъ словомъ, подъ которымъ я подписываюсь обѣими руками. Пишете: „подбодрилъ я въ сердцѣ своемъ, съ помощію Божіею, всѣхъ спорящихъ (и себя конечно, въ томъ числѣ) удержать до ихъ кончины въ Корей“¹⁾. Именно это и должно быть. Аминь!

Проектъ Вашъ „питать Корейскую Церковь (въ матеріальномъ отношеніи) съ самаго начала ея собственными соками“ очень хорошъ²⁾. Дай Вамъ Богъ осуществить его! А осуществить можно, при твердости и послѣдовательности. Воспитывать катихизаторовъ такъ, какъ Вы думаете, нѣтъ ничего лучше, да и легче, мнѣ кажется, только надо прозорливо выбирать людей,—не измѣнчивыхъ (а Корейцы, кажется, не отличаются постоянствомъ, не своекорыстныхъ, способныхъ умственно, безупречныхъ сердцемъ: все это между новыми христіанами найти можно, п. ч. вѣдь благодать Божія дѣлаетъ христіанами, а благодати удостоиваются люди добрые, близкіе къ Богу,—и они потомъ могутъ удалиться; вотъ тутъ и нужна прозорливость,—кто

¹⁾ Споръ состоялъ въ томъ, что нѣкоторые изъ членовъ Корейской Миссіи говорили, что каждому изъ нихъ Архіеп. Николай завѣщаетъ прослужить 25 л., а не 6 л. въ Корей.

²⁾ Проектъ заключался въ томъ, чтобы, какъ въ первые вѣка христіанства, брать служителей Церкви изъ наличнаго состава общинъ,—людей обеспеченныхъ своимъ домою и хозяйствомъ и хорошо знакомыхъ съ Христовымъ ученіемъ: служили бы они безъ жалованія.

именно благодаренъ къ удержанію себя въ осіяніи благодатію,—такихъ и дѣлають катихизаторами, а изъ нихъ потомъ ставить священниковъ. Дай Богъ мудрость, прозорливость, твердость въ осуществленіи Вашего плана Вамъ и Вашимъ сотрудникамъ!

Мы на нынѣшнемъ соборѣ уволили 30 катихизаторовъ со службы. Какихъ уволили? Священники назначили къ увольненію; я сличилъ ихъ списокъ съ моимъ—тѣхъ, кого и я мысленно назначилъ къ тому же, и имя въ имя наши списки сошлись. Изъ этого уже можете догадаться, что уволены люди, завѣдомо годные именно только къ увольненію, т. е. плохіе, не дѣятельные катихизаторы, которые были до сихъ поръ лишь—такъ сказать—сторожами ихъ Церквей,—хотя и это тоже небезъизвѣстно было для Церкви вообще. Между уволенными есть и кончившіе Семинарію, т. е. знающіе русскій языкъ (хотя говорить не могушіе), но ни одного изъ нихъ я Вамъ порекомендовать не могу,—у Васъ тоже будутъ лѣниться и ничего не дѣлать. Но мысль Ваша—добыть отсюда катихизаторовъ для Японцевъ, живущихъ въ Корей—совпадаетъ съ нашими мыслями. Мы и прежде думали о томъ; а на нынѣшнемъ соборѣ было большое разсужденіе о томъ. Дѣло въ томъ, что сами Японцы изъ Кореи очень просятъ себѣ катихизатора; по ихъ просьбѣ ѣздилъ туда одинъ изъ нашихъ священниковъ, о. Петръ Сибаяма, прожилъ тамъ, въ Фузанѣ, недѣли двѣ, проповѣдую, окрестилъ 7 человекъ, отчасти подготовленныхъ къ крещенію самими христіанами, онъ на соборѣ сильно выставялъ просьбу христіанъ Фусана послать туда катихизатора, до того сильно, что мы порѣшили и послать, но запросили телеграммой, дадутъ ли христіане 25 енъ въ мѣсяцъ на содержаніе катихизатора. Они отвѣтили, что еще не готовы къ тому, и посылка катихизатора не состоялась, порѣшили на томъ, что о. Сибаяшевъ будетъ иногда посѣщать ихъ,—а они будутъ присылать ему дорожныя для того, какъ уже дѣлали это.—

Теперь, Вы готовы дать на содержаніе катихизатора 25 енъ. Но мнѣ кажется, лучше, чтобы Японцы сами содержали его, когда будутъ въ состояніи дѣлать это. Теперь же кстати мы не можемъ отдѣлить Вамъ для Кореи порядочнаго катихизатора,—всѣ заняты на своихъ мѣстахъ. Итакъ пусть это до времени останется не осуществленнымъ, рано или поздно непременно надо отсюда послать катихизатора для Японцевъ въ Корей.

Въ Хакодате у насъ, дѣйствительно, все сгорѣло,—даже антиминса не спасли. Жаль, конечно, и сердечно благодаренъ Вамъ за соболѣзнованіе. Но если Богу не угодно было защитить, то значить, Его воля и да будетъ! Во всемъ прочемъ — тоже! Мы не самостоятельные дѣятели на нивѣ Божіей,—пусть все будетъ какъ Хозяину угодно!—Поклонъ привѣтъ Вамъ и всѣмъ братьямъ у Васъ. Съ любовію и уваженіемъ, весь Вашъ.

Архіепископъ Николай.

Аскетизмъ, какъ основа русской культуры¹⁾.

Мы уже перестали удивляться тѣмъ жестокостямъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ звѣрствамъ нѣмцевъ, о которыхъ теперь документально засвидѣтельствовано и голосомъ военачальниковъ, и воззваніями ученыхъ, и протоколами цѣлыхъ комиссій, и протестами правительствъ всѣхъ воюющихъ съ нѣмцами державъ. Мало того, путемъ многочисленныхъ справокъ теперь доказано, что такое поведеніе нѣмецкихъ солдатъ, отъ низшаго и до высшаго, является не какой-нибудь случайностью, аффектомъ, а сознательной, планомѣрной, заранѣе принятой въ расчетъ тактикой. Оказывается, что эти звѣрства коренятся на философскихъ предпосылкахъ самыхъ блестящихъ представителей нѣмецкой мысли и науки, оправдываются нѣмецкими и учеными, и богословами, и моралистами, предписываются, и уже давно, самыми выдающимися ихъ государственными дѣятелями и полководцами. А по сему не только у насъ въ Россіи, но и въ другихъ культурныхъ странахъ очень удивляются, какъ могла развиться такая планомѣрная жестокость, такая сознательная грубость нравовъ. Вѣдь Германія — культурнѣйшая страна, вѣдь нѣмцы — одинъ изъ передовыхъ, об-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на годичномъ собраніи Кіевского Православнаго Религіозно-просвѣтительнаго Общества, 28 янв. 1915 года.

разованнѣйшихъ, культурнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ народовъ. Естественно, посему, что удивительные, потрясающіе, кошмаромъ давящіе факты послѣдней войны поставили подъ сильное подозрѣніе самую культуру нѣмецкаго народа. Въдѣ если русскій народъ, далеко не славившійся своимъ образованіемъ, наполовину даже и неграмотный, мало-культурный, показываетъ на тѣхъ-же поляхъ сраженій дивные, чисто евангельскіе подвиги любви и состраданія даже къ жесточайшему, озлобленному врагу, то ужъ, дѣйствительно, не виновата ли въ сплошныхъ фактахъ нѣмецкой жестокости и звѣрствъ именно ихъ культура? Уже не разница ли въ культурѣ между нѣмцами и русскими и сказывается въ разницѣ поведенія нѣмецкаго и русскаго солдата? Вотъ почему въ послѣднее время начали такъ настойчиво говорить объ особенностяхъ культуры у нѣмцевъ и у русскихъ. Вотъ почему теперь настойчиво и всюду говорятъ о необходимости пересмотра нашихъ взглядовъ на образованіе, культуру, проповѣдуютъ о цѣнности самобытной русской культуры, о необходимости тщательнаго изученія особенностей и основъ послѣдней. Дѣйствительно, дерево познается по плодамъ своимъ (Лук. 6, 44), не собираютъ на рѣпейникѣ смоквы, и на терновникѣ—винограда (Мѣ. 7, 16). Итакъ, постараемся и мы разобраться, въ чемъ заключаются основныя черты различія между нѣмецкой и русской культурами, давшими столь различные плоды при испытаніи, постигшемъ тотъ и другой народъ.

Подъ именемъ нѣмецкой культуры обыкновенно разумѣется такъ называемая западная культура, что, какъ увидимъ, имѣетъ свои серьезныя причины. Основнымъ элементомъ того, что именуется западной культурой, является, несомнѣнно, европейское просвѣщеніе. Основными же чертами европейскаго просвѣщенія, какъ извѣстно, является раціонализмъ, индивидуализмъ и матеріализмъ.

Еще съ начала эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, когда даже въ кельѣ монаха на Западѣ затеплилась лампада предъ статуей Аристотеля, дерзкій разумъ человѣческій, противоборствовавшій смиренной вѣрѣ, сталъ быстро входить въ свои мнимыя исключительныя права въ дѣлѣ руководства жизнью человѣчества. И вотъ, чрезъ нѣсколько столѣтій въ храмѣ Богоматери, въ столицѣ тогдашняго культурнаго міра торжественно провозглашается культъ разума! А разумъ уже въ первое время своего господства смѣло заявилъ устами Декарта, что истиннымъ можно признать только то, что ясно для него—разума. А посему вскорѣ единственно реальными фактами стали признавать только явленія, подлежащія наблюденію нашихъ внѣшнихъ чувствъ, отвергнувъ все, что лежитъ за предѣлами нашего эмпирическаго познанія¹⁾. А такъ какъ идея Бога и большинство истинъ религіознаго вѣдѣнія наблюденіямъ внѣшнихъ чувствъ не подлежатъ, то отрицаніе бытія Бога и, вообще, духовнаго міра стало обычнымъ фактомъ на Западѣ. Но если нѣтъ Бога, то, значить, Богъ—это я,—такъ неизбѣжно долженъ умозаключить гордый разумъ человѣка. И вотъ человѣкъ становится мѣрою всѣхъ вещей. И дѣйствительно, на западѣ уже давно, слѣдомъ за раціонализмомъ, сталъ развиваться крайній индивидуализмъ.

Личность, поставившая себя на мѣсто Бога, должна была, конечно, требовать полной независимости отъ кого-бы то ни было, полной свободы. Поэтому поднялась на Западѣ многовѣковая борьба за всевозможныя права личности, свободы. И доселѣ тамъ всюду говорятъ и требуютъ всевозможныхъ правъ, но совсѣмъ мало говорятъ и проповѣдуютъ объ обязанностяхъ къ другимъ-ли, къ себѣ-ли самому, а тѣмъ болѣе—къ Богу. Многовѣковая борьба

¹⁾ П. И. Бугославскій. Французское общество наканунѣ отдѣленія церкви отъ государства, Черниговъ, 1912, стр. 3.

за всевозможныя свободы дала на Западѣ въ области религіозной протестантство, въ области государственной—длинную и широкую волну революцій, государственныхъ переворотовъ и всевозможныхъ системъ устроения государственной жизни, вплоть до анархизма, въ области личной жизни эта борьба привела ко всѣмъ извѣстному ученію Фридриха Ницше и многочисленныхъ его послѣдователей о такъ называемомъ сверхъ-человѣкѣ или, какъ теперь всѣмъ стало яснымъ, о человѣкѣ-звѣрѣ.

Съ другой стороны, крайности раціонализма привели Западъ къ самому широкому и всестороннему матеріализму, опредѣлившему всѣ области его жизни. Не только отрицаніе, но даже одно сомнѣніе въ бытіи духовнаго міра производитъ полный переворотъ въ жизни человѣка. Дѣйствительно, если жизнь человѣка ограничивается только земнымъ пребываніемъ, то прежде всего должно рѣзко измѣниться представленіе о жизни человѣка. Всѣ интересы его тогда ограничиваются землей и періодомъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, характеръ этихъ интересовъ поэтому станетъ исключительно матеріальнымъ. Вѣдь коль скоро со смертію уничтожается человѣкъ, то цѣль земной жизни можно находить только въ земномъ счастьѣ, подъ которымъ въ такомъ случаѣ будутъ разумѣваться прежде всего матеріальныя, плотскія удовольствія: они вѣдь особенной яркостью и привлекательностью отмѣчаются. „Тѣло въ такомъ случаѣ относится къ самой сущности человѣка,—мало того: тѣло во всей его цѣлостности и есть самая сущность человѣка. Это тѣло ощущаетъ и размышляетъ, желаетъ и любитъ“¹⁾. Какъ же относиться къ его запросамъ? „Пользуйтесь, говоритъ Фейербахъ, благомъ жизни и, по мѣрѣ силъ и возможности, уменьшайте ея зло (ма-

¹⁾ По Фейербаху. См. *П. П. Курявцевъ*. Абсолютизмъ или релятивизмъ? Кіевъ, 1908, стр. 176.

теріальное)“. Яркую эту мысль рисуетъ Гейне. Въмѣсто пѣсни „о юдоли земной, о счастіѣ, всегда скоротечномъ, о мірѣ загробномъ, гдѣ духъ просвѣтленъ, въ блаженствѣ купается вѣчномъ“,—эта пѣснь ему не по душѣ—„нѣтъ, говоритъ онъ, новую пѣснь, о друзья, пропою для васъ я, пѣснь лучшаго склада: устроить небесное царство себѣ намъ здѣсь, на землѣ, уже надо. Ужъ здѣсь, на землѣ, будемъ счастливы мы. Про голодъ—ни слуху, ни духу! Того, что добыто прилежной рукой, не жрать ужъ лѣнивому брюху!“¹⁾. „Назначеніе человѣка, говорятъ социалисты, быть счастливымъ, но счастливъ только тотъ, кто имѣетъ возможность удовлетворить свои потребности и въ этомъ удовлетвореніи находить наслажденіе. Чѣмъ больше наслажденій и чѣмъ разнообразнѣе потребности, тѣмъ больше счастья“²⁾. А такъ какъ для удовлетворенія потребностей нужны деньги, деньги же для большинства пріобрѣтаются тяжкимъ трудомъ, то вся Европа постепенно погрузилась въ трудъ чрезмѣрный, поистинѣ каторжный, подрывающій силы, здоровье, сокращающій жизнь.—Съ другой стороны, потворство потребностямъ развиваетъ и умножаетъ ихъ. Онѣ обращаются въ страсти, которымъ и предѣла нѣтъ на землѣ. /Такъ, постепенно, освободивъ себя отъ власти Бога, человѣкъ западной культуры подчинился грубой природѣ и при томъ—ея худшей сторонѣ. Законы природы стали считать обязательнымъ закономъ для человѣка³⁾. А такъ какъ основной законъ природы — борьба за существованіе, то поэтому основой жизни человѣка стали считать не любовь, а эгоизмъ. Сверхъ-человѣкъ Ницше ненавидитъ любовь и состраданіе, не признавая никого достойнымъ своего вни-

1) Тамъ-же, стр. 186—187.

2) *Архим.* (нынѣ архіеп.) *Шлатонъ*, Христіанство и социализмъ, Кіевъ, 1900, стр. 4.

3) *С. Знаменскій*, Современный индивидуализмъ въ эпическомъ отношеніи, Богосл. Вѣст., 1906, III, 707.

манія, кромѣ своего „я“. Итакъ, по мнѣнію западной культуры, „у человѣка нѣтъ другого Бога для поклоненія, кромѣ самого себя; нѣтъ другой души для облагороженія, кромѣ мозга; нѣтъ другой религіи, кромѣ той, къ которой склоняется капризный человѣческій вкусъ; нѣтъ другого различія между добромъ и зломъ, какъ то, которое ему угодно выбрать; нѣтъ будущей жизни, кромѣ воспоминанія въ потомствѣ; нѣтъ другого Промысла, кромѣ роковыхъ законовъ необходимости“ ¹⁾).

Итакъ, раціонализмъ, враждующій противъ Бога и религіи, индивидуализмъ, возводяцій человѣка на мѣсто Бога и освобождающій его отъ всякихъ законовъ и обязанностей, и матеріализмъ, погружающій человѣка въ заботы объ удовлетвореніи плотскихъ потребностей и страстей, — вотъ тѣ основы, на которыхъ зиждется образованіе на Западѣ. Можно-ли на такомъ „древѣ“ ожидать „плода добра“?

Но намъ скажутъ, что таково образованіе не въ Германіи только, но и вездѣ на Западѣ, даже и у насъ въ Россіи; однако, ужасные результаты его мы видимъ только у нѣмцевъ. Дѣйствительно, это такъ. Но это свидѣтельствуешь только о томъ, что культура не исчерпывается однимъ образованіемъ: оно только одинъ изъ составныхъ элементовъ культуры, правда, элементъ самый важный и устойчивый. Содержаніе и характеръ культуры зависитъ еще и отъ природныхъ дарованій, и особенно — отъ религіи каждаго народа. Вѣдь въ одной школѣ у одного-же учителя каждый ученикъ имѣетъ свою индивидуальность, то-же наблюдается и среди народовъ, подлежащихъ одной и той-же системѣ образованія. И вотъ оказывается, что западное образованіе особенно благопріятную почву нашло

¹⁾ Дюпанлу, Бесѣды о проповѣдничествѣ, СПБ., 1899, III, 1. Ср. *Бугославскій*, цит. соч., стр. 3.

у нѣмцевъ, въ природныхъ особенностяхъ ихъ характера, а особенно — въ ихъ религіи.

Нѣмцы издревле отличались своею грубостью, эгоизмомъ, жестокостью, разбоями, грабительствомъ, гордостью, высоко-мѣріемъ. Изучающій нѣмецкую миеологію, въ коей несомнѣнно выявились національныя особенности характера нѣмецкаго народа, невольно убѣждается, что западное, матеріалистическое, индивидуалистическое образованіе какъ бы нарочито выработано для нѣмцевъ. По нѣмецкой миеологіи, міръ созданъ на убійствѣ: изъ трупа и крови великана Импера, убитаго богомъ Однимъ. Вся загробная жизнь по этой миеологіи протекаетъ въ ожесточенной борьбѣ, ради самой борьбы, ради какъ бы кровожадныхъ звѣрскихъ инстинктовъ. Души умершихъ героев стекаются въ чертоги бога Одина и каждое утро выѣзжаютъ въ сопровожденіи Одина на бой; они дѣлятся на партіи и рубятъ другъ друга, сколько хватить силъ. Къ вечеру отрубленныя части срастаются, раны заживаютъ съ тѣмъ, чтобы на завтра опять можно было заняться тѣмъ-же упражненіемъ, тою-же рѣзней: въ ней, очевидно, содержится весь смыслъ ихъ жизни, все ихъ блаженство. Эта безумная, хуже чѣмъ звѣрская борьба самоистребленія закончится борьбой всѣхъ стихій міра, въ которой погибнетъ все, и міръ, и души, и самъ Одинъ ¹⁾. Конечно, только такому народу, съ такимъ преданіемъ прошлаго, съ такими національными особенностями характера, особенно близокъ принципъ борьбы за существованіе, эгоизма, гордости, самомнѣнія.

Съ другой стороны, нѣмецкому усвоенію принциповъ западнаго образованія способствуетъ и религія нѣмцевъ. Дѣло въ томъ, что образованіе далеко не всей массѣ на-

¹⁾ В. З. Завитневичъ, Банкротство началъ германской культуры. Тр. II. К. Д. Академіи, 1915, I, 49.

рода доступно. Если человекъ прошелъ школу среднюю, а то и высшую, но по условіямъ своей жизни не имѣетъ возможности продолжать своего развитія путемъ самообразованія, то онъ, въ концѣ концовъ, не выработавъ самостоятельнаго цѣльнаго міровоззрѣнія, живетъ уже готовымъ, наполняющимъ всю окружающую его сферу міровоззрѣніемъ. Большинство-же, особенно простого народа, будучи совсѣмъ лишено возможности самостоятельно вырабатывать свое міровоззрѣніе, живетъ міровоззрѣніемъ религіознымъ, доступнымъ всякому, самому простому, необразованному человеку. Поэтому всюду народныя массы и даже въ большинствѣ низшіе слои интеллигенціи живутъ міровоззрѣніемъ не господствующихъ по преимуществу философскихъ и научныхъ системъ, а скорѣе міровоззрѣніемъ ихъ религіи. Религія—это могучая сила въ созиданіи культуры. Она могуче вліяетъ даже на людей, ее отрицающихъ. И вотъ, оказывается, что религія нѣмцевъ—протестантизмъ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ началамъ именно западнаго образованія. Раціонализмъ, на которомъ выросло это образованіе,—лежитъ въ основѣ и протестантизма. Индивидуализмъ—отличительная черта характера этого образованія,—является основной чертой и протестантизма: послѣдній, какъ мы сказали и выросъ изъ борьбѣ религіозной личности за свою свободу. Личность въ протестантизмѣ не имѣетъ никакихъ ограниченій. Въдѣ въ протестантизмѣ Слово Божіе, почитаемое за основу религіи и культа, истолковывается разумомъ каждаго, а потому каждый имѣетъ право видѣть и находить тамъ все, что ему заблагоразсудится. Церкви, какъ среды, ограничивающей религіозный произволъ личности, въ протестантизмѣ нѣтъ: тамъ каждый спасается самъ собой. Съ такими основными чертами протестантизмъ явился самой благопріятной почвой для произрастанія и расцвѣта матеріалистическаго и индивидуалистическаго направленія, науки и образованія въ нѣмецкомъ народѣ.

Итакъ, мы видимъ, что именно у нѣмцевъ западная культура могла найти свое полное воплощеніе. Поэтому вполне справедливо принято въ послѣднее время именовать западную культуру культурой нѣмецкой. Упомянутые-же факты настоящей войны наглядно показываютъ, какова эта культура, куда она ведетъ, что она можетъ сдѣлать не только съ отдѣльнымъ человѣкомъ, но даже съ цѣлымъ народомъ при благопріятныхъ для ней условіяхъ. Имя нѣмцевъ стало синонимомъ варварства. А между тѣмъ весь культурный міръ и теперь слѣдуетъ тому-же образованію, видя въ немъ послѣднее слово истины. Правда, это образованіе только у нѣмцевъ дало такіе горькіе плоды, но это не значить, что подобныхъ-же плодовъ оно не можетъ принести у другихъ народовъ. Если у другихъ народовъ отрицательное его вліяніе встрѣчаетъ препятствіе со стороны природныхъ особенностей національнаго характера, то вѣдь извѣстно, что у человѣка бываетъ и другая природа: привычка, говорятъ, вторая природа; извѣстно, что продолжительнымъ, настойчивымъ и сильнымъ вліяніемъ можно и природные наклонности и задатки измѣнить, извратить или растерять. Если у другихъ народовъ западное образованіе встрѣтило противодѣйствіе со стороны религій, то мы видѣли, что это образованіе очень усиленно борется съ религіей, ведетъ къ ея уничтоженію, а образованный классъ всего культурнаго міра достаточно ясно говоритъ, что дѣлается съ религіозными убѣжденіями подъ вліяніемъ такого образованія. Значить, нѣмецкая культура—зло угрожающее всему міру. А между тѣмъ такъ недавно весь міръ, а мы—русскіе особенно, преклонялись предъ этой культурой. Мы всѣ такъ искренне скорбѣли о своей русской отсталости, некультурности. Теперь, съ наступленіемъ отрезвленія отъ этого упоенія нѣмецкой культурой, на обязанности каждаго образованнаго русскаго человѣка лежитъ не только себѣ самому уяснить идеалы нашей родной рус-

ской культуры, ея основъ и особенностей, но и настойчиво проповѣдывать объ этомъ всюду и всегда.

Конечно, основы и особенности нашей родной культуры мы не должны искать у образованнаго нашего класса, въ достаточной мѣрѣ и степени уже зараженнаго нѣмецкой культурой. Мы должны обратиться къ простому русскому народу. Это уже давно лучшими русскими людьми славянофилами не только сознано, но и смѣло высказано въ печати. А если такъ, то намъ нѣтъ нужды доказывать, что въ основѣ русской культуры лежитъ не раціонализмъ, а вѣра и при томъ въ самой чистой, въ самой истинной формѣ православія. Всѣмъ вѣдь извѣстно, что почти единственной культивирующей силой для всего русскаго народа въ допетровское время и для всего простого народа до послѣднихъ дней была и есть православная Церковь. И русское христіанское воинство въ настоящее время всему міру доказало, насколько глубоки корни этой силы въ русскомъ сердцѣ и до сего дня. А если такъ, то наша задача упрощается: коль скоро русская культура—культура православнаго христіанства, многое становится понятнымъ. Нѣтъ нужды, напр., говорить подробно о полной противоположности русской культуры культурѣ нѣмецкой. Въ ея основахъ нельзя искать нѣмецкой гордости индивидуалиста—сверхъ-человѣка,—въ ней заложено смиреніе, самоуничженіе, любовь къ ближнему; нѣтъ въ ней того обміршенія, матеріализма, эвдемонизма, какимъ пропитана нѣмецкая культура,—въ основѣ ея заложено ученіе о загробной жизни, какъ послѣдней цѣли человѣка, о ничтожности, бренности и преходящемъ характерѣ всѣхъ земныхъ благъ, удовольствій и радостей, ученіе о культурѣ не плоти, а духа своего. Все это становится само собою понятнымъ, коль скоро признано, что русская культура есть культура Православной Церкви. Но намъ хотѣлось остановить ваше благосклонное вниманіе на одной основной чертѣ русской

культуры, которая является самой характерной чертой, отличающей ее отъ культуры нѣмецкой. Эта черта стала изглаживаться не только въ нашемъ образованномъ классѣ, но отчасти и въ простомъ народѣ, но она является самой яркой, самой естественной, можно сказать — единственной формой воплощенія началъ христіанской культуры въ личной жизни cadaго, а поскольку личность вліяетъ на общество, и въ жизни общества, а то — и государства. Мы хотимъ говорить объ аскетизмѣ, какъ основной чертѣ русской культуры, поскольку эта послѣдняя является культурой православной. Въ послѣднее время объ аскетизмѣ говорятъ и пишутъ много и нерѣдко относятся къ нему отрицательно, но если мы дадимъ правильное понятіе объ аскетизмѣ и заглянемъ въ основы, на которыхъ онъ коренится, то для насъ станетъ яснымъ, что подобныя рѣчи вытекаютъ изъ неправильнаго понятія о немъ или изъ недостаточно отчетливаго представленія о его основахъ.

Слово аскетизмъ происходитъ отъ греческаго глагола *ἀσκήω* — старательно, искусно обрабатываю, обдѣлываю, прилежно занимаюсь чѣмъ, упражняюсь, особенно-гимнастикой, приучаю себя, привыкаю дѣлать что, вообще—упражняюсь, стараюсь, занимаюсь. У св. подвижниковъ, отцевъ и учителей Церкви, равно какъ и въ богословской литературѣ слово аскетизмъ употребляется въ двухъ смыслахъ — въ широкомъ и узкомъ.

Аскетизмъ въ широкомъ смыслѣ означаетъ основной законъ жизни христіанина, опредѣляющей его отношеніе къ себѣ самому и повелѣвающей ему путемъ постоянной борьбы съ искушеніями, отъ міра, плоти и діавола приходящими, побѣждать съ помощью Божіей господствующія въ немъ страсти и склонности, приобрѣтать и развивать въ себѣ силы для достиженія нравственнаго христіанскаго совершенства, для уподобленія Христу, для воплощенія въ себѣ закона евангельскаго.

Аскетизмъ въ узкомъ смыслѣ означаетъ извѣстную форму жизни христіанина въ отреченіи отъ міра, внѣшнихъ благъ, собственности, отъ воли своей, отъ брака—ради всецѣлаго посвященія себя на служеніе Богу. Это—всѣмъ извѣстная форма жизни—монашество.

Поскольку мы взялись говорить объ аскетизмѣ, какъ основѣ русской культуры, мы беремъ аскетизмъ въ широкомъ смыслѣ. Именно въ такомъ смыслѣ аскетизмъ требуется отъ cadaго христіанина, кто-бы онъ ни былъ. Эта общеобязательность аскетизма особенно наглядно выступаетъ при уясненіи основъ, на которыхъ базируется аскетизмъ христіанскій: онъ неразрывно связанъ, онъ логически вытекаетъ изъ самыхъ основныхъ положеній христіанскаго міровоззрѣнія.

Богъ, по ученію христіанскому, не только Творецъ, но и Промыслитель, и Спаситель міра. Ни одинъ волосъ на головѣ человѣка не падаетъ безъ Его благой воли, и воля эта направляетъ все въ мірѣ къ добру, а посему человѣкъ долженъ всецѣло подчинять свою волю благой волѣ Божіей, долженъ всячески ограничивать свою волю на каждомъ шагу. Не гордость, а смиреніе, самоуниженіе—вотъ идеалъ христіанина въ такомъ случаѣ. „Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли“, или какъ взывалъ Богочеловѣкъ къ Отцу Своему: „не Моя, но Твоя воля да будетъ“—вотъ постоянная арена обязательной для cadaго христіанина работы надъ своимъ своеволіемъ, надъ своей свободой. Эта борьба, это постоянное самоограниченіе и есть аскетизмъ, обязательный для cadaго. Понятіе о Богѣ Промыслителѣ и Спасителѣ, такимъ образомъ, требуетъ отъ cadaго христіанина аскетизма.

Міръ, по ученію христіанскому,—твореніе Божіе, о которомъ Онъ Самъ сказалъ: „добро зѣло!“ Но грѣхъ человѣка повредилъ всю природу. Міръ весь во злѣ лежитъ (Іоанн. 5, ₁₉), а посему цѣлью жизни—человѣка на землѣ

должны быть не земныя радости, услады, а вѣчная, загробная жизнь. Земная жизнь—это школа для подготовки къ жизни вѣчной, и потому она имѣетъ цѣнность только постольку, поскольку благоприятствуетъ этой подготовкѣ. Правда, христіанство не отрицаетъ и земныхъ радостей: царство Божіе, миръ, радость о Дусѣ Святѣ начинается уже здѣсь, на землѣ, поскольку это возможно среди земныхъ условій жизни. Но такъ какъ многія земныя удовольствія, радости и наслажденія удаляютъ человѣка отъ Бога, отъ главной цѣли его жизни, то христіанинъ обязанъ ограничивать свои привязанности къ этому міру со всѣми его радостями и наслажденіями. Христіанинъ имѣетъ право и ѣсть, и пить, и иное что дѣлать, но такъ, чтобы все это было во славу Божію (1 Кор. 10, ₁₃). Значить, въ своихъ отношеніяхъ къ міру каждый христіанинъ долженъ быть насторожѣ, долженъ заботиться не о расширеніи земныхъ радостей и удовольствій, какъ учить нѣмецкая культура, а объ ихъ сокращеніи, о воздержаніи. А это и есть основной принципъ аскетизма.

Но особенно ясно выступаетъ общеобязательность аскетизма въ христіанствѣ изъ ученія о природѣ человѣка. Человѣкъ, по слову Божію, созданъ по образу и подобию Божію и есть вѣнецъ всѣхъ твореній Божіихъ; но грѣхъ прародителей извратилъ природу человѣка, помрачилъ въ ней образъ Божій, хотя, правда, и не уничтожилъ его. Послѣ этого человѣкъ всегда чувствуетъ въ себѣ два закона: одинъ влечетъ его къ Богу и ко всему, въ чемъ выражаются свойства Божіи,—къ истинѣ, къ добру, къ красотѣ, а другой законъ влечетъ человѣка къ міру, во злѣ лежащему, ко злу, къ плоти. Эти два закона жизни личности постоянно противоборствуютъ другъ другу за обладаніе всѣмъ человѣкомъ, и перевѣсъ одного влечетъ за собой ослабленіе другого. Трогательно изображаетъ безпомощность человѣка въ этой борьбѣ св. ап. Павелъ: „Знаю,

что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человекъ!“ (Рим. 7, 18—19, 21—24). Борьба этихъ двухъ законовъ идетъ не въ душѣ только, но и въ тѣлѣ; но такъ какъ тѣло больше склонно къ подчиненію закону грѣха, то на богословскомъ языкѣ все въ природѣ человека, что влечетъ его ко грѣху, исходитъ-ли оно отъ тѣла или отъ души его, именуется плотью; высшая-же сторона души человека, влекущая его къ Богу, именуется духомъ. Итакъ, въ человекѣ всегда идетъ борьба между духомъ и плотью. Само собою разумѣется, что на обязанности каждаго христіанина лежитъ, поэтому, быть всегда насторожѣ въ этой брани, всегда бороться съ закономъ грѣха, всегда поддерживать, укрѣплять и развивать законъ духа. А это и есть аскетизмъ.—Мало того, о той же необходимости и общеобязательности аскетизма говорятъ самые законы психической жизни человека, законы его духовнаго умиранія или возрастанія. Извѣстно, что всякая, самая естественная потребность, даже высшія наши стремленія, при постоянномъ, настойчивомъ ихъ удовлетвореніи, развиваются, переходятъ въ навыки, а навыки переходятъ въ страсти, страсти-же въ своемъ развитіи не имѣютъ границъ. Самая естественная потребность въ пищѣ переходитъ въ чревоугодіе; потребность въ питіи раждаетъ пьянство; потребность въ одеждѣ и жилищѣ ведетъ къ безумной роскоши, расточительности; инстинктъ къ продолженію рода

переходить въ мерзкое распутство; даже стремленіе къ истинѣ переходить часто въ сатанинскую гордость, вражду къ вѣрѣ; стремленіе къ любви—въ злобную ревность; стремленіе къ красотѣ—къ уродству футуристовъ и т. п. Поэтому христіанинъ обязанъ заботиться не о развитіи, а о воздержаніи, объ ограниченіи, объ отсѣченіи страстей, о борьбѣ съ ними, о направленіи ихъ на путь ко Христу. / Съ другой стороны, и на пути нравственного совершенствованія человѣкъ можетъ двигаться только постепенно, только путемъ постояннаго, настойчиваго упражненія въ добрѣ, путемъ созиданія въ себѣ добрыхъ привычекъ, наклонностей, а все это опять требуетъ отъ человѣка постоянной борьбы съ косностью, съ лѣнностью, съ инертностью. Итакъ, христіанское понятіе о природѣ человѣка ясно говоритъ, насколько общеобязателенъ аскетизмъ въ христіанской культурѣ. Считаемо возможнымъ упомянуть при этомъ, что эта психологическая основа аскетизма такъ настойчиво говоритъ о его необходимости для нравственной жизни каждаго человѣка, что, выходя изъ этой основы, всѣ религіи и даже лучшія философскія системы, имѣвшія ввиду нравственное развитіе человѣка, проповѣдывали и проповѣдуютъ аскетизмъ, конечно, своеобразный. Такъ было у грековъ, и у евреевъ, и у индусовъ, и у буддистовъ, и у магометанъ, и у древнихъ философовъ, и у современныхъ теософовъ и пр. Итакъ, аскетизмъ, какъ основной принципъ нравственной жизни человѣка, есть обязанность каждаго христіанина.

Со стороны своего воплощенія этотъ принципъ жизни христіанской представляетъ собою весьма разнообразныя виды, формы упражненій въ духовной жизни по заповѣдямъ Божиимъ, въ зависимости отъ индивидуальности каждаго христіанина. Съ одной стороны мы видимъ здѣсь цѣлыя системы духовной, такъ сказать, медицины, изслѣвающей и лечащей болѣзни духа человѣческаго, а съ

другой стороны, это цѣлая сложная школа, система воспитанія человѣка во Христѣ, возрастанія его въ жизни духовной, святой; здѣсь мы видимъ цѣлую длинную „лѣствицу восхожденія къ небеси“.

Теперь, если мы сравнимъ аскетическія начала и основы христіанской культуры съ началами культуры нѣмецкой, то мы увидимъ, насколько эти культуры противоположны одна другой. Нѣмецкая культура основана на раціонализмѣ, борьбѣ съ религіей; она отрицаетъ Бога, загробную жизнь, ограничиваетъ интересы человѣка земными радостями и наслажденіями, ревнуя объ ихъ умноженіи и расширеніи, проповѣдуетъ крайній эгоизмъ, индивидуализмъ, неограниченную никакими нравственными законами свободу. Христіанская-же культура основана на вѣрѣ, коренится въ религіи, цѣлью своею имѣетъ служеніе человѣка Богу, вводитъ аскетическое отношеніе къ міру, къ себѣ самому, ведетъ борьбу съ грѣховными наклонностями, страстями, видитъ назначеніе человѣка въ загробной жизни, вѣчномъ блаженствѣ, проповѣдуетъ смиреніе, самоотреченіе, самоотверженное служеніе Богу и ближнимъ. Таково міровоззрѣніе, лежащее въ основѣ христіанской культуры.

Теперь если мы обратимся къ русскому народу, то легко убѣдимся, а) что онъ по самымъ природнымъ особенностямъ своего характера представляетъ собою самую благопріятную почву для насажденія именно такой культуры, б) что со времени просвѣщенія русскаго народа свѣтомъ вѣры Христовой именно эта культура насаждалась въ сердцахъ и умахъ русскихъ людей, в) что она именно вошла въ плоть и кровь русскаго народа и принесла достойные себя богатые плоды на русской землѣ и, наконецъ, г) что эта культура сохранилась въ глубинѣ души русскаго народа и до сихъ поръ.

Еще до принятія христіанства русскіе славяне обнаружили черты характера, наиболѣе благопріятныя для вос-

пріятія сѣмянъ христіанской культуры. Ихъ отличительной чертой, по свидѣтельству и иноземныхъ историковъ и древнихъ русскихъ былинъ, были—смиреніе, терпѣніе, кротость, доброжелательство, миролюбіе, чувства, какъ видимъ, совершенно противоположныя тому, что восхваляется въ нѣмецкой мифологіи. По словамъ Прокопія, у славянъ не было „ни зложелательства, ни коварства“. Импер. Маврикій и Гельмгольдъ подчеркиваютъ ихъ благосклонность и гостепріимство къ чужестранцамъ, сердечное отношеніе къ бѣднымъ, къ нищимъ, къ роднымъ, къ плѣннымъ, къ рабамъ, ихъ миролюбіе, отвращеніе къ войнѣ. О томъ-же говорятъ раскопки въ древнихъ славянскихъ курганахъ, гдѣ находятъ почти исключительно предметы мирной жизни и весьма рѣдко—оружіе. Тѣ же самыя черты народнаго характера ярко выразились въ былинномъ образѣ Ильи Муромца, которому отецъ не даетъ благословенія на худыя дѣла и внушаетъ: „Не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина“, или—Добрыни Никитича, скорбящаго о томъ, что ему по обязанности хранителя Руси приходится „убивать неповинныя души, проливать кровь напрасную, слезить отцевъ, матерей, вдовить молодыхъ женъ, пускать (по міру) сиротъ малыхъ-дѣтушекъ“. Если и мечтаетъ русскій богатырь Никула Селяниновичъ о радостяхъ земныхъ, о веселіи, то онъ понимаетъ веселье это въ очень скромныхъ, благородныхъ и мирныхъ формахъ: только въ обществѣ другихъ, послѣ тяжелыхъ мирныхъ трудовъ, за чарой домашняго пива ¹⁾).

Когда-же русскій народъ принялъ христіанство, то на цѣлый рядъ вѣковъ укрѣпилась на Руси проповѣдь строго-аскетическаго св.-отческаго міровоззрѣнія, принесеннаго къ намъ изъ Византіи, гдѣ это міровоззрѣніе къ этому времени достигло наивысшаго развитія. Аскетическими

¹⁾ В. З. Завитиневичъ, цитов. статья.

идеалами пропитана вся древне-русская, переводная и оригинальная литература. Изъ св.-отеческой литературы переводились почти исключительно только аскетическія и правоучительныя творенія; любимымъ чтеніемъ были житія святыхъ, главнымъ образомъ подвижниковъ и мучениковъ, особенно ярко воплотившихъ въ себѣ аскетическій идеалъ; таковымъ-же содержаніемъ наполнены и Прологи. Эта богатая литература очень усердно читалась въ храмахъ во время богослуженія, гдѣ, напр., на утрени полагалось по три объяснительныхъ чтенія изъ св. отцевъ и „чтеній отъ бытія“—житій святыхъ, коими замѣнялось чтеніе паремій. Чтенія эти были очень продолжительны, по полтора, два часа. Эта-же литература была и домашнимъ любимымъ и единственнымъ чтеніемъ русскаго народа ¹⁾. Даже всѣ лѣтописи наши пропитаны глубокимъ аскетическимъ духомъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что самое богослуженіе православной Церкви, вполне понятное въ то время въ своей правоучительной части русскому человѣку, такъ же цѣликомъ пропитано тѣми-же аскетическими идеями. Мировоззрѣніе, проводимое всей этой литературой и просвѣтительной дѣятельностью Церкви, отличается необыкновенной цѣльностью, стройностью, единствомъ и величайшей авторитетностью. Все оно говоритъ настойчиво объ аскетизмѣ въ строгомъ смыслѣ, о подвижничествѣ, о монашествѣ, объ отреченіи отъ міра, о жизни вѣчной.

Здѣсь самыми яркими чертами изображается контрастъ между „будущими благами непроходимыми и вѣчными, царствіемъ небеснымъ безконечнымъ“ и „прелестью житія сего суетнаго, въ немъ-же вся мимо текутъ и мимо ходятъ“. Служенію міру—это рабство діаволу ²⁾. „Не воз-

¹⁾ В. А. Кожевниковъ, О значеніи хр. подвижничества въ прошломъ и настоящемъ, Хр. Чт. 1909, № 1 1400 стр.

²⁾ Яковлевъ, Памятники русской литературы XII и XIII вв., СПб., 1872, стр. 100.

любите отъ сего ничего-же: вся бо сія, яко дымъ, исче-
зають, и яко прахъ, отъ вѣтра разметаються, и яко цвѣтъ
и злакъ травный, увядають и въ персть вселяются“ ¹⁾.
Аще ли любо мудрецъ желаетъ быти, не веселися о крас-
ныхъ житія, о безуміи міра сего прелеснаго“ ²⁾. Мерзка
есть жизнь сія и тяжка, Божія-же служба и работа легка
и сладка“ ³⁾. — Чисто аскетическій взглядъ приводится
здѣсь и на природу человѣка: она грѣхомъ растлѣна, пад-
кая до грѣха, нѣтъ мѣста чистаго въ ней, „дѣла чело-
вѣка — бездна отчаянія“, самая правда человѣческая —
„тина злосмрадная“, самая любовь мірская — не любовь ⁴⁾.
Очень настойчиво поэтому проповѣдуется здѣсь предпоч-
теніе духовныхъ благъ мірскимъ, тѣлеснымъ. „Да оставимъ,
бр., тѣлесныя похоти, но, духовныхъ дѣлъ плоды творяще,
будемъ подобни ангеломъ“ ⁵⁾. Тѣло поучаетъ на грѣхи, а
душа на добродѣтель... Не на сію-бо жизнь сотворени бы-
хомъ, но на райскую“ ⁶⁾. „Предпочитай путь узкій, труд-
ный, острый, иже скорбенъ грѣха ради, веселье же о
Бозѣ“ ⁷⁾. Да и вообще всюду здѣсь проповѣдуется, какъ
идеаль, жизнь монашеская, отшельническая. „Даже худая
монашеская жизнь, по словамъ Кирилла Туровскаго, не-
сравненно честнѣй и блаженнѣй свѣтлой жизни мірской“ ⁸⁾.
И этотъ идеаль считается здѣсь обязательнымъ не для
монаховъ только, но и для въ мірѣ живущихъ: „Не мни-

¹⁾ Житія муч. Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, сент. 10, и св. Софій и чадъ ея, сент. 17.

²⁾ Прологъ на 21 сент., — Слова св. отцевъ како подобаетъ жити крестьяномъ.

³⁾ Прологъ на 31 окт., — Слово Петра Черноризца.

⁴⁾ *Еп. Евгений*, Творенія св. Кирилла Туровскаго, Кіевъ, 1880. Молитва св. Кирилла Туровскаго.

⁵⁾ *Пономаревъ*, Памятники др.-русской учительн. литерат., СПБ., 1894, III, 31. Слово св. Апостолъ и св. Отецъ, како жити христіаномъ.

⁶⁾ Тамъ-же, III, 83. Слово св. Отецъ о словѣ міра сего.

⁷⁾ Тамъ-же, III, 17. Стословецъ св. Геннадія.

⁸⁾ Слово о мірскомъ сану и мнишескомъ чину.

хомъ токмо, и молчальное и пустынное житіе держащимъ, но и всѣмъ сущимъ въ городахъ и селахъ, живущимъ и съ женами и чады“. „И въ міру сый, подвигнися угодити Богу! Мощно-бо и въ міру сущу каждому творити заповѣди Божіи,... а не творимъ, то о томъ намъ будетъ лютъ отвѣтъ“. „Не мѣсто спасаетъ, ни ризы черныя, ни монастырь, ни пустыня“ сами по себѣ, „а дѣла“! Правда, мірянѣ „не погубятъ ризы бѣлыя“; правда, заботы о женѣ, о дѣтяхъ, о родныхъ не только не грѣховны, наоборотъ, обязательны для семейнаго человѣка; правда, даже „и богатство нѣсть зло, аще добрѣ строимъ“¹⁾, но всѣмъ этимъ можно пользоваться только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ отношеніи ко всему этому лежалъ аскетическій принципъ воздержанія, смиренія, милосердія, постоянное убѣжденіе, что все это не самодовлѣющія блага, а средство приобрѣтенія благъ вѣчныхъ, при пользованіи ими во славу Божию.

Эта настойчивая широкая проповѣдь аскетизма наложила глубокій отпечатокъ на всю жизнь русскаго народа. Аскетическимъ идеаломъ пропитаны были всѣ слои русскаго народа. Исторія ясно говоритъ объ этомъ. Русскій витязь, бояринъ, князь, равно какъ и крестьянинъ, мечтали о монашествѣ, какъ о самомъ лучшемъ образѣ жизни, и хотя предъ смертью принимали постриженіе. Монастыри на Руси умножились до того, что имъ, какъ извѣстно, принадлежала $\frac{1}{3}$ всей территоріи русскаго государства. Да и мірская жизнь на Руси сложилась по монашескому уставу: отрицательное отношеніе къ забавамъ и развлеченіямъ, похвала слезъ и безмолвія, воздержаніе, простота въ пищѣ, питьѣ, жилищѣ и обстановкѣ, любовь къ богослуженію.

¹⁾ Пономаревъ, Памятники, III, 42—44. Ср. В. А. Кожевниковъ, цит. статья, стр. 1406—1407; тамъ-же, стр. 1403—1405, ср. предшествующія выдержки изъ др.-русской письменности.

строжайшее соблюденіе постовъ, домовые храмы, ежедневныя домашнія церковныя службы съ многочисленными поклонами—вотъ обычныя черты жизни русскаго народа, какъ воплощеніе аскетическаго идеала, настойчиво внушавшагося литературой и церковью¹⁾. Конечно, нѣтъ нужды говорить и объ отрицательныхъ явленіяхъ въ жизни русскаго народа. Эти явленія еще ярче подчеркиваютъ высоту аскетическаго идеала жизни русскаго народа, ибо эти отрицательныя явленія находили самое смѣлое и строгое обличеніе не только въ устахъ проповѣдниковъ, пастырей церковныхъ, но и въ народномъ самосознаніи, въ народной литературѣ и поэзій. Въ отвѣтъ на проповѣдь Церковью аскетическаго идеала русское общество дало чудный памятникъ того, насколько этотъ идеалъ вошелъ въ плоть и кровь русскаго народа. Мы говоримъ о „Домостроѣ“—этомъ мірскомъ уставѣ частной, семейной и общественной жизни русскаго человѣка. Здѣсь мы читаемъ тотъ-же, что и въ духовной литературѣ, призывъ „уцѣломудритися, живя по заповѣдемъ Господнимъ и отеческому преданію, дабы въ покаяніе и въ чювьство и въ страхъ внити... путемъ ускимъ и прискорбнымъ, широкій и просторный вводяи—бо въ пагубу“²⁾. Вся домашняя обстановка жизни здѣсь построяется по образу монастырской жизни, приближается къ храму³⁾. Здѣсь рекомендуется совершать ежедневно дома со всей семьей, съ женой, дѣтьми и домочадцами, службы церковныя⁴⁾. Словомъ, настойчиво регламентируется все то, что вѣками внушалось русскому человѣку духовной письменностью и Церковью русской.

¹⁾ *Кожевниковъ*, цитов. статья, стр. 1409—1411, гдѣ приводятся многочислен. выдержки изъ др.-русской письменности, подтверждающія всѣ эти пункты.

²⁾ Домострой, изд. Орлова, М., 1908, 6. 21. 23. 24.

³⁾ Тамъ-же, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 11.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, что этотъ идеаль нашель на Руси цѣлый сонмъ самыхъ яркихъ воплощеній въ лицѣ сотенъ великихъ русскихъ подвижниковъ изъ всѣхъ классовъ общества,—и изъ крестьянъ, и изъ духовенства, и изъ бояръ, и изъ ратныхъ людей, и изъ князей ¹⁾. Ихъ святое сѣмя, имъ-же стоитъ русская земля, не прекратилось и досель на св. Руси. Мы увѣрены въ этомъ, мы знаемъ это! Такъ глубоко запалъ въ душу русскаго народа аскетическій идеаль!

Но не только лучшіе люди на Руси воплощали въ себѣ этотъ идеаль. Нѣтъ, къ нему стремились всегда и при первой возможности воплощали въ своей жизни и самые послѣдніе люди на Руси, отбросы общества. Замѣчательно трогательно объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ памятникъ XVII в.: „Исторія объ азовскомъ осадномъ сидѣніи донскихъ казаковъ“. Горсть казаковъ въ 14 т. была осаждена цѣлой арміей турокъ въ 240 т. съ цѣлой сотней пушекъ. Надежды на спасеніе человѣческими силами не было никакой. Да и сами казаки считали себя послѣдними людьми, никому ненужными, не годными. Это вѣдь были бѣглецы изъ русской земли, нерѣдко—преступники, бѣжавшіе отъ суда и висилицы. „Мы сами знаемъ, говорятъ они, какіе мы люди на Руси, очередь свою мы сами вѣдаемъ... Насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго“. При такомъ смиреніи одна у нихъ надежда: на Господа и св. угодниковъ Божіихъ. И вотъ, готовясь къ вылазкѣ, какъ къ смерти, они держатъ „постъ и чистоту душевную“, обращаются къ Богу съ горячей трогательною молитвою предъ иконами Николая Чудотворца и Ивана Предотечи. Горячая молитва ихъ утѣшаетъ, ободряетъ: „люди видѣли ясно, что отъ образа Ивана Предотечи, отъ суха дерева, течаху многи

¹⁾ Почти всѣ канонизованные на Руси святые были иноками (болѣе трехъ—сотъ).

слезы, аки струя“. И вотъ, взявъ съ собою дорогія для нихъ св. иконы, они дѣлають такую смѣлую, стремительную вылазку, что турки въ страхѣ разбѣгаются. Что же казаки? При своемъ величайшемъ смиреніи они не себя приписываютъ эту блестящую побѣду. „Милостію Божіею, говорятъ они, и молитвами Пречистыя Богородицы и заступленіемъ небесныхъ силъ и помощію ихъ угодниковъ Предотечи Іоанна и Николы Чудотворца мы на вылазкѣ бусурмановъ побили и въ морѣ потопили“. Ихъ подвигъ покрылъ русскаго царя и государство великою славою, а имъ самимъ, „остальцамъ“, которыхъ „осталось всего полчетверта тысячи“, славы земной не нужно: они „взяли икону Іоанна Предотечи и Николы Чудотворца... и пошли на свой тихій Донъ и тамъ сотворили обитель Іоанна Предотечи, атамана поставили игуменомъ и въ монастырѣ учили жить и Богу молиться“ ¹⁾. Вотъ чудный образъ русскаго человѣка, вотъ дивные плоды многовѣковой аскетической русской культуры!

Но мы съ великой радостью свидѣтельствуемъ, что этотъ дивный идеаль русской культуры, проникнутой аскетическими началами, не забытъ и до сихъ поръ русскимъ народомъ, не смотря на тотъ страшный переворотъ, который совершили въ русской жизни грубыя реформы Петра Великаго. Нужно ли намъ говорить о томъ, какъ и теперь простой русскій народъ любитъ монастыри, св. мѣста. Десятки тысячъ простого народа ежегодно пѣшкомъ проходятъ цѣлыя тысячи верстъ, лишь бы своими глазами полюбоваться на идеаль, радость своей жизни, услышать слово изъ устъ какого-нибудь чтимаго схимника или отшельника. Нужно-ли говорить, какъ русскій народъ лю-

¹⁾ В. З. Завитневичъ, Что слѣдуетъ понимать подъ такъ называемымъ „разрывомъ“ русскаго интеллигентнаго общества съ народомъ, Тр. К. Д. Акад., 1907, II, 360—361.

бить длинныя монастырскія службы, какъ строго онъ соблюдаетъ посты, какъ скромнѣнъ онъ и простъ въ своей жизни, и въ пищѣ и въ одеждѣ и въ жилищѣ, какъ неохотно онъ умножаетъ свои потребности, какъ онъ вообще нетребователенъ, терпѣливъ, выносливъ, какимъ смиреніемъ, самоуничженіемъ, любовью къ страждущему онъ отличается! Не сотни, а тысячи примѣровъ всего этого теперь на поляхъ сраженій удивляютъ весь міръ! Весь міръ заговорилъ о русскомъ мужикѣ, какъ поразительномъ подвижникѣ - христіанинѣ. Когда читаешь многочисленныя письма нашихъ солдатъ, невольно чувствуешь родство ихъ съ героями „азовскаго осаднаго сидѣнія“: тѣ-же мысли, тѣ-же чувства, то-же настроеніе, и иногда тѣ-же выраженія! Но этого мало. Мы съ радостью убѣдились теперь, что и наша интеллигенція, не смотря на всѣ язвы нѣмецкой культуры, сплошнымъ слоемъ покрывшія жизнь ея, въ глубинѣ души не забыла началъ русской культуры: религіозность, смиреніе, самоотреченіе, выносливость, самоотверженная любовь явлены многими членами нашей интеллигенціи, подвизающимися на полѣ бранномъ. Впрочемъ, мы и раньше должны были знать, что русская интеллигенція никогда не могла удовлетворяться слишкомъ плотскими, земными идеалами нѣмецкой культуры. Она всегда стремилась къ чему-то высшему, небесному, чувствуя неудовлетворенность среди житейской суеты. Объ этомъ ясно говорятъ и лучшіе наши поэты, и классическіе наши писатели, и наши философы, и наши художники, и наши композиторы. Объ этомъ же свидѣтельствовали издавна, да и теперь свидѣтельствуютъ даже иностранцы. Вильямъ Пальмеръ, напр., ознакомившись съ русскимъ народомъ, говорить: „Я былъ очень удивленъ въ первое время моего пребыванія въ Россіи, насколько значительнѣе характеръ носить (здѣсь) отпечатокъ смиренія, братской доброжелательности, теплаго чувства и почитанія къ святымъ вещамъ.“

и вѣрѣ, чѣмъ у насъ въ Англіи. Я зналъ и прежде, что насъ справедливо обвиняють въ гордости и эгоизмѣ, но раньше, чѣмъ я увидѣлъ здѣсь противоположное, я не имѣлъ представленія о степени зла“. Еще Ренанъ, признавъ славянъ людьми „полными первобытныхъ соковъ“, которые „въ одно время и новы въ жизни, и древни по своему существованію“, преклонялся предъ „изумительнымъ славянскимъ духомъ съ его пламенною вѣрою, съ его глубокою проницательностью, съ его особеннымъ понятіемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества, съ его жаждою идеализма, съ его упорнымъ оптимизмомъ, съ непоколебимою вѣрою въ будущее человѣчества“. Еще недавно французскій общественный дѣятель Клемансо указывалъ на Россію, какъ на страну, гдѣ хранятся „непочатая залежи идеализма, открывающія для человѣчества необъятныя перспективы“. Наконецъ, на дняхъ опубликованные—адресъ англійскихъ писателей къ русскимъ и рѣчи на обѣдѣ въ клубѣ путешественниковъ, въ Лондонѣ, самыми яркими штрихами рисуютъ тотъ же чудный образъ русскаго народа. Тогда какъ „матеріалистическая европейская цивилизація, по словамъ англійскихъ писателей, подписавшихъ адресъ, обнаруживаетъ лживость своей сердцевины, Россіи суждено внести въ эту работу нѣчто свое, ибо объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ, что русская „литература для англичанъ послѣднихъ двухъ поколѣній“ была „источникомъ неизсякаемаго вдохновенія“ своимъ „неизмѣннымъ тяготѣніемъ къ цѣнностямъ духовнымъ въ обходъ матеріальныхъ“, своимъ „неизмѣнно присущимъ духу русскаго народа глубоко человѣчнымъ, что запечатлѣлось въ произведеніяхъ его искусства, литературы и науки“. Русский народъ, по словамъ членовъ лондонскаго клуба путешественниковъ, „самый сердечный народъ въ мірѣ“, „благороднѣйшій народъ“. Особенно цѣнно свидѣтельство члена этого клуба, знаменитаго путешественника,

Макензи Уозлесса, нѣсколько лѣтъ нарочито жившаго въ разныхъ слояхъ русскаго народа и написавшаго капитальный трудъ—„Россія“: „Какъ у васъ въ Россіи все стильно: жилъ я у священника, обстановки почти никакой, но внутренняя семейная жизнь чудная! Навѣщалъ крестьянъ — избы почти голыя, но недовольства этимъ не замѣтилъ. Зашелъ къ студенту—вернуться негдѣ! Только въ церквахъ у васъ благолѣпіе! И ни въ комъ изъ васъ не видно огорченія отъ отсутствія комфорта въ жилищѣ, нѣтъ этой рабской погони за роскошью. Вы всѣ въ какомъ-то созерцаніи чего-то высшаго, духовнаго. Величіе вамъ готовитъ исторія!“¹⁾).

Итакъ, основной яркой отличительной и драгоценной чертой самобытной русской культуры является аскетическій принципъ, настойчиво проводимый въ жизни и дѣятельности. Значить, теперь, когда мы воочию увидѣли ужасные плоды нѣмецкой культуры, когда весь міръ убѣдился въ лживости матеріалистической европейской цивилизаціи и съ упованіемъ ждетъ „свѣта съ востока“, на нашей обязанности лежитъ сосредоточить свое вниманіе на особенностяхъ родной культуры, изучать ихъ, проповѣдывать о нихъ, воплощать ихъ и въ личной, и въ семейной, и въ общественной и въ государственной жизни. Правда, часто раздаются голоса противъ аскетизма и въ свѣтской и даже въ богословской литературѣ. Говорятъ, что аскетизмъ ведетъ къ умерщвленію тѣла, къ уничтоженію радостей земныхъ, къ гордости, къ эгоизму, что онъ несовмѣстимъ съ общественнымъ служеніемъ, требуетъ обязательнаго удаленія изъ міра въ пустыню и т. п. Намъ нѣтъ возможности разбираться въ настоящее время во всѣхъ

¹⁾ В. З. Завитневичъ, Банкротство началъ германской культуры. Тр. И. К. Д. Акад., 1915, 74. Газета „Кіевъ“, 1914, № 336, стр. 2, Англичанинъ о русскихъ, Сѣдой Судья (Д. Т. Туткевичъ).

этихъ возраженіяхъ. Они только доказываютъ, насколько мало у насъ знаютъ истинный, христіанскій, православный аскетизмъ, насколько поверхностно иные о немъ трактуютъ. Здѣсь-же мы скажемъ только, что всѣмъ извѣстные примѣры аскетовъ даже нашихъ современниковъ опровергаютъ всѣ эти возраженія. Развѣ неизвѣстно, какою радостью всегда было переполнено сердце Серафима Саровскаго, всегда напѣвавшаго въ этой радости пасхальный канонъ? Развѣ неизвѣстно, какою радостью всегда свѣтилось лицо приснопамятнаго Амвросія Оптинскаго, прикованнаго многолѣтнею болѣзнію къ одру, и какую радость влиvalo въ сердце богомольцевъ каждое слово этого старца? Развѣ о гордости, объ эгоизмѣ, объ удаленіи отъ міра, развѣ о несовмѣстимости аскетизма съ общественнымъ служеніемъ говоритъ примѣръ дивнаго Іоанна Кронштадтскаго? Нѣтъ, мы должны говорить только о томъ, что, конечно, нелегко проводить принципы аскетизма въ теперешній строй жизни русскаго интеллигентнаго и, вообще, городского общества, почти насквозь пропитаннаго нѣмецкой культурой. Но трудное не есть невозможное, тѣмъ болѣе что теперь уже многіе сознали, насколько этотъ принципъ необходимъ во всѣхъ сферахъ и формахъ жизни. Каждый долженъ, изучая аскетизмъ, брать изъ него то, что соотвѣтствуетъ формѣ и обстоятельствамъ его жизни. Ты человѣкъ весьма богатый, развѣ тебѣ ненуженъ аскетизмъ? развѣ онъ несовмѣстимъ съ твоимъ богатствомъ? Нѣтъ, если ты не будешь прилагать сердце свое къ богатству своему, если ты, умножая богатство, не будешь употреблять его только на умноженіе своихъ прихотей, если ты будешь стыдиться утопать въ роскоши, въ то время, когда тысячи голодныхъ просятъ куска хлѣба, то ты будешь проводить въ своей жизни принципъ аскетизма, ты будешь воздержанъ и въ пищѣ, и въ питіи, и въ одеждѣ, и въ жилищѣ и, зная, что дающаго рука не оскудѣетъ, ты будешь жить такъ, что из-

бытки твоего богатства осушать тысячи плачущихъ глазъ, накормятъ тысячи голодныхъ, одѣнутъ тысячи нагихъ, пріютятъ тысячи безпріютныхъ. Примѣры этому бываютъ даже въ наше время! Ты общественный дѣятель, ты ратуешь объ упорядоченіи общественной и государственной жизни, развѣ тебѣ и твоей проповѣди нѣтъ дѣла до аскетизма? Но какъ-же ты можешь править общественными дѣлами, когда ты, пренебрегая аскетизмомъ, самъ — рабъ своихъ страстей; какъ-же ты можешь надѣяться на введеніе порядка въ томъ обществѣ, гдѣ господствуетъ разнузданность, эгоизмъ, гордость, безнравственность — плоды пренебреженія аскетизмомъ. Ты крупный предприниматель, фабрикантъ, купецъ и т. п., у тебя тысячи рабочихъ. Развѣ аскетизмъ заставить тебя обязательно бросить свое дѣло? Нѣтъ, смотри на свое дѣло, какъ на общественное служеніе, а не какъ на предметъ своей личной наживы, позаботься о душевномъ и тѣлесномъ мірѣ своихъ рабочихъ, служащихъ, дай имъ возможность жить по человѣчески, постарайся видѣть въ нихъ своихъ братьевъ, и ты будешь проводить въ своемъ важномъ общественномъ служеніи принципъ аскетизма. Ты, ученый дѣятель, вѣчно занятъ наукой. О, тебѣ знакомъ аскетизмъ: ты прикованъ къ своему ученому кабинету, тебѣ нѣтъ времени на удовольствія, ты блюдешь діету въ пищѣ, знакомъ ты и съ другими формами воздержанія, но тебѣ нуженъ и христіанскій аскетизмъ: если ты видишь, что твоя ученая мысль работаетъ во зло ближнему, во зло вѣрѣ, религіи, оскорбляетъ святню, идетъ противъ Бога, останови ее, воздержись, одумайся, смирись... и ты будешь истиннымъ христіанскимъ аскетомъ. Ты педагогъ... Если ты правильно понимаешь задачи своей дѣятельности, то нѣтъ нужды доказывать тебѣ, какъ полезны тебѣ принципы аскетизма: вѣдь ты долженъ не только научить, но и—сотворить, ты долженъ не только сообщать извѣстный кругъ свѣдѣній своимъ пи-

томцамъ, но и быть ихъ воспитателемъ; а воспитаніе совершается не словомъ, а личнымъ примѣромъ, а потому тебѣ особенно нужно быть строгимъ къ себѣ самому, ты долженъ быть строгимъ аскетомъ. Ты бѣдный человѣкъ, рабочій, труженикъ... Нужно-ли говорить, какъ полезенъ для тебя аскетизмъ. Онъ тебѣ скажетъ, что не твоя воля, а воля Божія совершается въ твоей бѣдности, что не въ земныхъ удовольствіяхъ и радостяхъ счастье человѣка, что претерпѣвый до конца, той спасется, что блаженіи плачущіи нынѣ, яко тѣи утѣшятся, и ты въ бѣдности своей не только будешь счастливъ, доволенъ, но и будешь щедрить совѣмъ неимущему. Ты семьянинъ... О, какъ драгоцененъ аскетизмъ для тебя: онъ внесетъ довольство, миръ, упорядоченность, стройность въ семью твою; твоя семья будетъ тогда малой церковью, на которой явно будетъ пребывать благодать Божія; изъ твоей семьи будутъ тогда выходить чудные труженики, полезнѣйшіе работники, дивныя чада Церкви, слуги Царю и отечеству, и слава ихъ будетъ твоею славою! Но, довольно! Нѣтъ такого человѣка, нѣтъ такого положенія, гдѣ-бы неумѣстенъ, бесполезенъ былъ аскетизмъ!

Итакъ, современныя событія призываютъ насъ къ аскетизму. Школа аскетизма извѣстна и доступна русскому народу: это — чудное церковное богослуженіе, это дивная духовная литература. Аскетическая литература у насъ богата трудами даже современниковъ нашихъ: какое чудное чтеніе для развитія духа аскетизма представляютъ собою творенія недавно почившихъ Теофана Затворника или Іоанна Кронштадтскаго! А какое чудное наставленіе въ аскетизмъ представляютъ и доселѣ дивныя житія св. угодниковъ Божіихъ, въ изд. хотя бы Св. Синода или Поселянина! Но вотъ наступаетъ Великій Постъ, время особенно благоприятное для аскетическихъ подвиговъ, когда Церковь особенно настойчиво призываетъ къ воздержанію тѣлесному

и духовному. Кто хочет постигнуть всю прелесть христ. аскетизма, воспользуйся всецѣло этимъ временемъ. Постѣй неуклонно чудныя великопостныя службы, прислушайся, вникай въ каждое слово, чтное и поемое тамъ, и ты постигнешь глубины хр. аскетизма. Одни чудныя меѳимоны сколько скажутъ твоему сердцу и уму! А чудныя воспоминанія страдальцевъ за вѣру Христову, поклоненіе кресту животворящему, прославленіе Іоанна Лѣствичника, Маріи Египетской и пр. и пр., о, какое во всемъ этомъ богатство уроковъ въ аскетизмѣ. Можно рѣшительно утверждать, что если бы кто изъ насъ рѣшился всецѣло предаться водительство Церкви хотя бы на одинъ Великій Постъ, онъ вышелъ бы изъ него перерожденнымъ, онъ постигъ бы великую прелесть, увлекательность, сладостность христіанскаго аскетизма и, какъ наши предки, сказалъ бы: вкусивши сладкаго, не хочу горькаго. Онъ сталъ бы ревностнымъ проповѣдникомъ аскетизма, а съ нимъ—и самобытной русской культуры. О, если бы больше было такихъ людей: жатвы много, дѣлателей же мало! Весь міръ ждетъ свѣта съ востока, зари новой культуры. Молитесь же Господину жатвы, да пошлетъ Онъ дѣлателей на ниву свою!

Профессоръ—Архимандритъ Тихонъ.

Ученіе св. Василія Великаго о Свя- томъ Духѣ.

Четвертый вѣкъ христіанской эры былъ временемъ особливо возбужденія богословской мысли и въ этомъ отношеніи по всей справедливости можетъ быть названъ „золотымъ вѣкомъ“. Онъ оказалъ незамѣнимую услугу вообще нашей догматикѣ и въ частности дѣлу раскрытія и уясненія вопроса о Св. Духѣ. На этомъ поприщѣ потрудились такія свѣтила богословской мысли, какъ Аѳанасій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и въ числѣ ихъ св. отецъ Василій Великій, еп. Касарійскій. Онъ жилъ и дѣйствовалъ во время разгара аріанскихъ и, такъ называемыхъ, духоборческихъ (послѣднихъ часто подъ прикрытіемъ и именемъ аріанства) волненій. Конечно, и прямые послѣдователи Арія представляли по разсматриваемому нами вопросу для церкви опасность—изъ аріанскихъ воззрѣній логически вытекала и тварность Св. Духа. Но такая опасность со стороны Аріанъ умѣрялась тѣмъ, что эти еретики были уже осуждены вселенскимъ соборомъ. Что же касается такъ называемыхъ духоборцевъ изъ числа бывшихъ полуаріанъ, которые принимали Никейскую вѣру и въ то же время отрицали божество Св. Духа ¹⁾, то эти были

¹⁾ Это видно изъ посланій св. Аѳанасія В. къ Серапіону, еп. Тмуйскому, писанныхъ около 358-го года. „Не безъ печали писалъ ты мнѣ, говоритъ св. Аѳанасій Серапіону, что нѣкоторые, хотя отступили отъ аріанъ за хулу ихъ на Сына Божія, однакоже неправо мыслить о Св. Духѣ и ут-

гораздо опаснѣе,—опаснѣе особенно потому, что скрывали свои заблужденія подѣ личиною правовѣрія и даже выказывали себя защитниками его. „Вѣру, изложенную въ Никее“, возражали они, по словамъ св. Епифанія, православнымъ, „исповѣдуемъ и мы; докажи же, сдѣлай милость, на основаніи ея, что Духъ Св. причисляется къ божеству“¹⁾. Противъ этихъ еретиковъ Василиій В. вооружался не только словомъ, въ проповѣдяхъ, но и письменно. Такъ, въ защиту православнаго ученія о Св. Духѣ онъ написалъ „опроверженіе на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія“, „о Св. Духѣ, къ св. Амфилохію, еп. Иконійскому“; письма—къ брату Григорію, къ Кесарійскимъ монахамъ и проч.²⁾. Особенно замѣчательны изъ его произведеній по вопросу о Св. Духѣ первыя два—„опроверженіе на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія“³⁾ и „о Св. Духѣ къ Амфи-

верждаютъ будто бы не только то, что Онъ есть тварь, но и то что Онъ есть одинъ изъ служебныхъ духовъ и единственно степенью отличается отъ ангеловъ“. 1-е посл. къ Серапіону, см. 1—2 стр. III ч. Твор. Аван. В. 1853 г. М.

1) Кохомскій. Ученіе древней церкви объ исхожденіи Св. Духа—см. Христ. чт. за 1875 г. стр. 260—261.

2) Нѣкоторыя черты ученія Василия В. о Св. Духѣ можно находить еще кромѣ того—въ бесѣдѣ 15-й о вѣрѣ,—Твор. св. отцовъ VIII т., изд. 1846 г. М., въ бесѣдѣ 24-й противъ Савелліанъ, Арія и Аномеевъ—ibid, въ бесѣдѣ на 32 псаломъ—см. Тв. св. о. V т. изд. 1845 г. въ письмѣ 236 и др.

3) Сочиненіе это не все посвящено вопросу о Св. Духѣ, а только незначительный конецъ 2-й книги и почти сполна 3-я и 5-я книги. Относительно 4 и 5-й книгъ нужно замѣтить, что нѣкоторые западные (напр. Гарнье и Шренкъ), да и наши русскіе (какъ напр., архіеп. Филаретъ, авторъ „Историческаго ученія объ отцахъ церкви“) богословы считаютъ ихъ неподлинными. Архіеп. Филаретъ аргументируетъ свой взглядъ на эти книги такимъ образомъ: „Нынѣ извѣстныя послѣднія два слова противъ Евномія, говоритъ онъ, ни почему не могутъ назваться—сочиненіемъ Василия,—ни по частнымъ выраженіямъ, ни по слогу, ни по порядку, ни по доказательствамъ; это не болѣе, какъ сборникъ кое-какихъ замѣчаній противъ Евномія, и въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ написаны только три слова“. Историч. уч. объ отц. ц. Спб. 1859 г. II т. 135 въ прим.—Относительно всѣхъ этихъ соображеній нужно замѣтить, что они еще не говорятъ рѣшительно противъ подлинности 4 и 5-й книгъ. Дѣло въ томъ, что сход-

лохію“. Въ нихъ онъ собралъ противъ еретиковъ-духоборцевъ все, что только можно было собрать,—и собралъ, надо замѣтить, настолько обстоятельно, что эти произведенія не потеряли для церкви своего значенія и теперь, если бы ей пришлось бороться съ подобнаго рода еретиками. Задача и, такъ сказать, характеръ содержанія указанныхъ сочиненій Василия В. опредѣлились тѣми возраженіями, которыя дѣлали еретики духоборцы. Главное положеніе этихъ послѣднихъ было—Духъ Св. произведеніе, тварь Сына, а, какъ произведеніе, Онъ, безъ сомнѣнія, ниже Сына и Отца и потому не единосущенъ съ Ними¹⁾. Въ качествѣ же аргумента въ пользу тварности Духа они приводили между прочимъ и то, что отрицаніе тварности Духа ведетъ къ отрицанію ипостасности Его, такъ какъ за отрицаніемъ тварности два другіе возможные предикаты Его

ство и различіе въ слогѣ, порядкѣ, доказательствахъ, въ частныхъ выраженіяхъ—часто носитъ характеръ субъективности:—гдѣ одинъ усматриваетъ сходство, тамъ другой—различіе и наоборотъ. Примѣровъ этому не мало. Возьмемъ хотя бы нашъ апокалипсисъ. Тогда какъ одни въ складѣ рѣчи апокалипсиса усматривали громадную разницу сравнительно съ посланіями и Евангеліемъ Іоанна Богослова и въ этомъ видѣли доказательство его неподлинности,—другіе находили въ нихъ напротивъ сходство,—и не безъ основанія. Если мы теперь обратимся къ 4-й и 5-й книгамъ Василия противъ Евномія, то найдемъ въ нихъ много сходнаго съ первыми тремя. Мы не будемъ подробно разбирать ихъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, но укажемъ только на слѣдующее. Главная мысль въ 5-й, напр., книгѣ это—что Духъ не тварь, но Богъ, равный Отцу и Сыну и единосущный съ Ними; способъ доказательства этого положенія—имена, свойства, дѣйствія. Но то же самое мы видимъ и въ 3-ей книгѣ. Что же касается того замѣчанія архіепа. Филарета, что въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ нѣтъ 4 и 5-й книгъ, то вѣдь нѣкоторыя же части и теперешнихъ богодухновенныхъ книгъ и даже цѣлыя книги не во всѣхъ древнихъ спискахъ находятся,—и однако же мы на этомъ основаніи не отрицаемъ ихъ подлинности. Выводъ изъ сказаннаго таковъ: до сихъ поръ еще неподлинность 4 и 5-й книгъ Василия противъ Евномія съ несомнѣнною недоказана, а потому мы и не имѣемъ права исключать ихъ изъ произведеній этого св. отца.

¹⁾ Твор. св. отц. въ рус. пер. VII т. изд. 1846 г., 120—121 стр.—„Опров. на злоч. рѣчь злоч. Евномія“, кн. 2-я.

бытія—нерожденность и рожденность—ведутъ Его къ сліянію или съ Отцомъ или Сыномъ¹⁾. Имѣя въ виду такія положенія еретиковъ, Василій Великій и старается доказать главнымъ образомъ то, что Духъ Св. не тварь Сына, но Богъ, равный Отцу и Сыну и единосущный Имъ,—это съ одной стороны, а съ другой—что отрицаніе тварности не ведетъ къ отрицанію ипостасности, а что Духъ Св. такая же ипостась, какъ и Сынъ и Отецъ. Такимъ образомъ, исходный и главный пунктъ въ ученіи Василія Великаго о Св. Духѣ это—что Духъ Св. не тварь, но Богъ, равный и единосущный Отцу и Сыну. На разъясненіе этого положенія онъ обращаетъ свое особенное вниманіе, ему посвящаетъ почти всю 3-ю и 5-ю книги „опроверженія на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія“ и отводитъ значительное мѣсто въ сочиненіи „о Св. Духѣ къ Амфилохію“. Василій Великій самъ указываетъ и планъ и способъ доказательства защищаемой имъ истины. „Поелику общія свойства твари, говоритъ онъ, не могутъ быть приписаны Духу Святому, и свойственное Духу не можетъ быть приписано твари, то изъ сего выводится заключеніе, что Духъ не тварь. Поелику, что есть общаго у Отца и Сына, то и у Духа съ Ними есть общее, и поелику тѣ же отличительныя свойства, какія въ Писаніи присвоены Богу Отцу и Сыну, присвояются и Духу Святому, то изъ сего выводится заключеніе, что Духъ съ Отцомъ единое Божество¹⁾. Это сходство съ Отцомъ и Сыномъ и различіе отъ твари, достаточныя для доказательства Божества Св. Духа, Василій Великій почерпаетъ изъ именъ, дѣйствій и свойствъ Духа. Такимъ образомъ, если резюмировать сущность до-

¹⁾ Духоборцы говорили: „Онъ (Духъ) или нерожденъ или рожденъ: если не рожденъ, то Отецъ, если рожденъ, то Сынъ, а если ни то, ни другое, то тварь“. Бесѣда противъ Савелліанъ, Арія и Аномеевъ VIII т. 385.

¹⁾ Противъ Евномія—VII т. 179.

казательствъ Василия Великаго, то получится слѣдующее: что Духъ Святый не тварь, а Богъ, это видно изъ именъ, дѣйствованій и свойствъ, приписываемыхъ Ему Св. Писаніемъ.

Что касается прежде всего наименованій, то Василій Великій прибѣгаетъ къ нимъ, какъ доказательствамъ, нѣсколько разъ; онъ показываетъ, что Духъ Святой въ св. Писаніи пользуется такими же наименованіями, какъ и Богъ Сынъ и Богъ Отецъ. Такъ, Онъ называется Духомъ, святымъ, правымъ, благимъ, духомъ владычнимъ, Духомъ истины, Духомъ премудрости, Духомъ силы, Утѣшителемъ и даже Господомъ и Богомъ¹⁾. Какое Василій Великій придаетъ значеніе именамъ, видно изъ того, что наименованію Духа Господомъ онъ посвящаетъ цѣлую главу²⁾ изъ своего сочиненія „о Св. Духѣ“. Правда, св. отецъ вопреки еретикамъ настаиваетъ на томъ, что изъ подобоименности еще не познается тождество³⁾, но самъ онъ, такъ сопоставляетъ имена, подбираетъ такіе тексты изъ Св. Писанія, что у него Духъ Святый имѣетъ общія наименованія съ Отцомъ и Сыномъ ни по чему-либо другому, какъ только „по естественному единенію съ Ними“⁴⁾. Такъ, напр., по словамъ Василия Великаго, „тѣмъ, что сказалъ Господь: *Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. 14,₁₆), Онъ показываетъ, что и самъ Онъ нашъ Утѣшитель;—почему и названіе Утѣшителя не малымъ служить доказательствомъ славы Святаго Духа“⁵⁾.

Гораздо большую степень убѣдительности, сравнительно съ именами, для еретиковъ духовборцевъ долженъ былъ имѣть другой видъ доказательствъ Василия Великаго, имен-

1) „О Св. Духѣ“ см. Тв. св. о. VII т. 305 стр.; „противъ Евномія“ VII т. стр. 214, 135—136. 2) 2Г-я гл. VII т. 311—314. 3) „О Св. Духѣ“ VII, 209 и слѣд. 4) Противъ Евномія VII т. 305. 5) Противъ Евномія—ibid 136.

но—дѣятельность Св. Духа—потому именно, что еретики сами признавали немаловажное значеніе за дѣйствованіями и изъ различія дѣйствованій выводили различіе сущностей ¹⁾. Въ виду этого на дѣятельности Святаго Духа Василій Великій и сосредоточиваетъ свое особенное вниманіе. Онъ изображаетъ Св. Духа всегда совершающимъ такія же и даже тѣ же дѣянія, какія совершаютъ и Отецъ и Сынъ,—изображаетъ притомъ такъ всесторонне и наглядно, что Божество Святаго Духа, Его единосущіе съ Отцомъ и Сыномъ становятся внѣ всякаго сомнѣнія.

Духу Святому, по ученію Василія Великаго, на-ряду съ другими лицами Св. Троицы, принадлежатъ дѣйствованія и творческія, и промыслительныя и домостроительно-спасительныя.

Вмѣстѣ съ Словомъ Духъ Святый является „виною созданія“ ²⁾, а именно: Онъ творецъ тверди и небесъ ³⁾, участвуетъ въ твореніи ангеловъ ⁴⁾ „въ Духѣ чрезъ Слово сотвореніе человѣка по образу“ (Божію) ⁵⁾. Справедливость всего этого, по словамъ Василія Великаго, подтверждается текстомъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. 32₆) ⁶⁾ а также и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Богъ-Отецъ совѣтуется съ другими лицами, говоря: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1₂₆) ⁷⁾. Но св. Василій не ограничивается общимъ указаніемъ того, что Духъ Св. такой же Творецъ, какъ и Сынъ и Отецъ. Онъ изображаетъ еще, въ чемъ именно заключается творческая дѣятельность Духа Святаго сравнительно съ такою же дѣятельностію Сына и Отца. „Въ твореніи ихъ (т.-е. ангеловъ), говоритъ онъ, представляй первоначальную причину сотвореннаго—Отца,

¹⁾ ibid. 120—121. ²⁾ „О Св. Духѣ“—VII т. 214. ³⁾ ibid. 181. ⁴⁾ ibid. 136, 214; противъ Евномія—VII, 306, 287—288. ⁵⁾ „О св. Духѣ“—VII т. 201. ⁶⁾ ibid. 181. ⁷⁾ ibid 216.

и причину зиждительную—Сына, и причину совершительную—Духа, такъ что служебные духи имѣютъ бытіе по волѣ Отца, приводятся же въ бытіе дѣйствіемъ Сына и совершаются въ бытіи дѣйствіемъ Духа“¹⁾. Такимъ образомъ, Отецъ является источникомъ и началомъ творенія, Сынъ—въ собственномъ смыслѣ Зиждителемъ²⁾, а Духъ—совершителемъ и притомъ не только ангеловъ, но вообще всего. „Божескій Духъ, говоритъ Василій Великій, всегда окончательно-совершаетъ все происходящее отъ Бога чрезъ Сына, какъ въ новой твари., такъ и въ той, которая древле была въ началѣ“³⁾. Въ чемъ же заключается это окончательное совершеніе Духа? Для всего существующаго вообще въ томъ, что „посланиемъ и сообщеніемъ Духа приводится въ бытіе получающее начало бытія“⁴⁾, въ частности для ангеловъ это будетъ утвержденіе въ святинѣ, въ добрѣ⁵⁾, для человѣка „оживотвореніе Духомъ въ сотвореніи его по образу“⁶⁾, т.-е. сообщеніе ему той искры Божіей, благодаря которой онъ есть образъ Божій. Такимъ образомъ, дѣятельность Св. Духа при твореніи, по ученію Василя Великаго, заключается главнымъ образомъ въ утвержденіи добра и святости во всемъ существующемъ, и Духъ является необходимымъ участникомъ въ твореніи и притомъ настолько, что „кто отъемлетъ Духа, тотъ отсекаетъ окончательное совершеніе творимаго“⁷⁾.

Сотворивши вселенную, Богъ не предоставилъ ее самой себѣ, но непрестанно промышляетъ о ней—поддерживаетъ ея бытіе, споспѣшествуетъ добру, пресекаетъ зло. Конечно, такой дѣятельности Божіей еретики отрицать не могли, да и не имѣли желанія. И вотъ Василій Великій въ различныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, хотя, впрочемъ, и до-

1) „О св. Духѣ“,—VII т. 288. 2) Противъ Евномія—VII, 215. 3) *ibid* 193.

4) Противъ Евномія—VII т. 200. 5) О св. Духѣ—VII, 288—289. 6) Противъ Евномія VII, 201. 7) *ibid*. 200.

вольно кратко, показываетъ, что и Духъ Св. тоже Промыслитель и, какъ таковой, причастенъ не твари, но Божеству. Несомнѣнно въ этомъ положеніи Онъ изображается Василиемъ Великимъ, когда именуется „подателемъ жизни“¹⁾, „все, что отъ Бога и чрезъ Сына, поддерживающимъ въ бытіи“²⁾, управляющимъ разумною природою³⁾, помогающимъ людямъ достигать естественнаго добродѣтельнаго конца⁴⁾,—когда о Немъ говорится, что на Немъ зиждется порядокъ и строй ангеловъ, ихъ совершенство и святѣя⁵⁾.

Не меньшимъ, если не большимъ, сравнительно съ творческой и промыслительной дѣятельностію, доказательствомъ божественности Духа служить Его, по ученію Василія Великаго, спасительно-освятительная дѣятельность. Вездѣ гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи падшаго человѣка, виновникомъ этого спасенія вмѣстѣ съ Сыномъ Божиимъ и Богомъ-Отцомъ является и Св. Духъ. „Домостроительства о человѣкѣ, говоритъ Василій Великій, какія, по благодати Божіей, совершены великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, окончательно исполнены Духомъ Святымъ“⁶⁾. Еще въ ветхомъ завѣтѣ благословенія патріарховъ, помощь въ законоположеніи, прообразованіи, пророчества, чудеса⁷⁾—все это было чрезъ Духа Святаго. Что же касается новаго Завѣта, то „все домостроительство пришествія Господня во плоти“ совершенно чрезъ Духа, а именно: Сынъ Божій по волѣ Отца для спасенія падшаго человѣка воплощается,—и Духъ неразлучно пребываетъ съ плотію Господней, ставши ея помазаніемъ (Еван. Іоан. I, 33; Дѣян. 10, 38); Сынъ Божій искушается отъ діавола, и Духъ соприисущъ Ему, какъ возведшій Его въ пустыню искушиться (Матѣ. 4,1); Сынъ Божій совершаетъ чудеса, но *о Дусѣ Божіи* (Матѣ. 12, 28)⁸⁾. Сынъ Божій приводитъ въ бездѣйствіе діавола,

1) „О Св. Духѣ“—VII т. 265. 2) Противъ Евномія,—VII, 208. 3) *ibid* 227. 4) „О Св. Духѣ“—VII, 265. 5) *ibid* 289—291. 6) *ibid*. 291 7) *ibid*. 291 8) *ibid*. 291—292.

но въ соприсутствіи Духа. Поэтому съ несомнѣнностію можно сказать, что чрезъ Духа искупленіе грѣховъ ¹⁾. Но не только въ самомъ актѣ искупленія, а и въ актѣ освященія, въ дѣлѣ усвоенія людямъ искупленія вмѣстѣ съ другими лицами св. Троицы принимаетъ участіе и Духъ Св. Богъ освящаетъ людей, по ученію Василія Великаго, именно чрезъ Духа ²⁾. Потому-то Духъ и является „началомъ освященія“ ³⁾, источникомъ святости ⁴⁾, потому-то „къ Нему обращено все имѣющее нужду въ освященіи“ ⁵⁾. Какимъ же образомъ Духъ Св. освящаетъ? Для того, чтобы усвоить искупительныя заслуги и тѣмъ спастись, необходимо вѣровать и креститься. „Вѣра и крещеніе, говоритъ Василій Великій, суть два способа спасенія, между собою сродные и нераздѣльные“ ⁶⁾. Но вѣровать невозможно безъ содѣйствія благодати Духа Св.: *„никтоже можетъ рещи Господа Иисуса точію въ Духъ Святомъ“* (1 Кор. 12, 3)... Духъ же въ Себѣ показываетъ славу Единороднаго и въ Себѣ сообщаетъ истиннымъ поклонникамъ вѣдѣніе Бога ⁷⁾,—это съ одной стороны. Съ другой—ни вѣровать, ни креститься недостаточно только во Христа ⁸⁾ или въ Бога-Отца. „Главное въ нашемъ спасеніи и совершенное преданіе о Божествѣ къ освященію крещаемыхъ, говоритъ Василій Великій, крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа“ ⁹⁾. Только въ три Лица, а не въ одно или въ два спасительны и вѣра и крещеніе. Поэтому „прибавить или убавить что-нибудь (разумѣется, отъ словъ Спасителя: шедше научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа—Матѣ. 28, 19) значить явнымъ образомъ отпасть отъ вѣчной жизни“ ¹⁰⁾. Если же, такимъ образомъ, вѣра спасительна только тогда, когда она будетъ во имя трехъ Лицъ Св.

1) *ibid.* 306. 2) Противъ Евномія—VII, 192. 3) О Св. Духѣ—VII, 265.

4) Противъ Евномія, VII, 192. 5) О Св. Духѣ—VII, 265. 6) Противъ Евномія—VII, 273. 7) *ibid.* 303. 8) *ibid.* 272. 9) О Св. Духѣ—VII, 195. 10) „О Св. Духѣ“—VII, 273.

Троицы, если въ крещеніи вмѣстѣ съ другими Лицами возрождаетъ насъ необходимо и Св. Духъ, почему и въ формулѣ крещенія поставленъ наряду съ другими Лицами, если безъ содѣйствія Духа мы не можемъ даже и вѣровать во Христа, то, значить, Духъ не тварь, но Богъ, равный Богу-Отцу и Богу-Сыну²⁾.

²⁾ Противъ Евномія—VII, 140. Желая ослабить значеніе (въ пользу божества Духа) словъ Спасителя: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѳ. 28, 19), еретики духоборцы ссылались—съ одной стороны—на то, что когда-то люди крестились въ Моисея (1 Кор. 10, 2) и вѣровали Моисею, угоднику Божию, какъ и Богу (Исх. 14, 31), и однако же мы не считаемъ Моисея равнымъ Богу („О Св. Духѣ“ VII—т. 276); крестимся и мы въ воду,—и все-таки почитаемъ ее тварью, а не Богомъ (ibid. 281),—съ другой—на то, что апостолъ Павелъ, указывая на Бога-Отца и Господа Иисуса, какъ на свидѣтелей своихъ, сопричисляетъ къ Нимъ въ качествѣ свидѣтелей и ангеловъ (I Тим. 5, 21),—и однако же мы не прославляемъ ихъ наравнѣ съ Богомъ (ibid. 279—274).

Относительно перваго возраженія духоборцевъ Василиій Великій замѣчаетъ, что между крещеніемъ въ Моисея и нашимъ христіанскимъ во имя Троицы только „одно наименованіе общее, а на дѣлѣ столько же разности, сколько, можетъ быть, между сновидѣніемъ и дѣйствительностію, между тѣнію или изображеніями и тѣмъ, что самостоятельно существуетъ“ (ibid. 279), первое было только прообразомъ второго (277), и потому ссылаться на него нельзя. Что же касается вѣры въ Моисея, то она, по мнѣнію Василия Великаго не доказываетъ того, что вѣра въ Духа маловажна, а скорѣе „умалываетъ исповѣданіе Бога всяческихъ“, конечно, съ точки зрѣнія еретиковъ (ibid. 279).

Не болѣе состоятельности и въ томъ возраженіи еретиковъ, что мы крестимся въ воду. Дѣло въ томъ, что вода, по словамъ Василия Великаго, употребляемая при крещеніи, не спасаетъ насъ, она только символически „изображаетъ собою смерть, принимая тѣло какъ бы во гробъ, а Духъ (во имя котораго мы крестимся) сообщаетъ животворящую силу, обновляя души наши изъ грѣховной мертвенности въ первоначальную жизнь“ (ibid. 284).

Что же касается, наконецъ, ссылки еретиковъ на то мѣсто изъ посланій ап. Павла, гдѣ онъ наряду съ Богомъ Отцомъ и Господомъ Иисусомъ называетъ свидѣтелями и ангеловъ, то и оно не ведетъ къ умаленію значенія Св. Духа въ сравненіи съ Сыномъ и Отцомъ, потому что „неодинаково упоминаются и Духъ (въ словахъ: *шедше научите...*) и ангелы (въ указанныхъ словахъ апостола); но Духъ именуется, какъ Господь жизни, ангелы присовокупляются, какъ помощники подобныхъ имъ рабовъ и какъ вѣрные свидѣтели истины“ (ibid. 274).

Возродивши насъ, такимъ образомъ, въ таинствѣ крещенія, сдѣлавши новою тварью, свободными ¹⁾, Духъ Св. усыновляетъ насъ Богу ²⁾, почему и называется Духомъ сыноположенія ³⁾. Чрезъ такую дѣятельность Духа Св. мы становимся настолько совершенными, что получаемъ достоинство пророка, апостола, ангела Божія ⁴⁾. Но такими благодѣянiями дѣятельность Духа въ пользу нашего спасенія не оканчивается. Поставивши человѣка на истинный путь къ царствію небесному, Духъ Св. ведетъ его по нему и далѣе: Онъ учитъ увѣровавшихъ ⁵⁾, руководитъ немощными, усовершенствуетъ преуспѣвающихъ ⁶⁾, управляетъ всѣмъ обществомъ вѣрующихъ, всею церковію ⁷⁾ и на пользу членовъ ея раздѣляетъ дарованія ⁸⁾. Въ результатѣ домостроительно-спасительной дѣятельности Духа получается для людей—святыня, вѣчная жизнь, безсмертіе ⁹⁾, „небесное жителство, ликостояніе съ ангелами, нескончаемое веселіе, пребываніе въ Богѣ, уподобленіе Богу и крайній предѣлъ желаемаго—обоженіе“ ¹⁰⁾.

Наконецъ, по ученію Василія Великаго, Св. Духъ наряду съ другими Лицами Св. Троицы принимаетъ участіе и въ послѣдней судьбѣ людей и міра—въ воскресеніи мертвыхъ и судѣ ¹¹⁾.

Вся указанная дѣятельность Св. Духа—и творческая, и промыслительная, и домостроительно-спасительная и мздовоздаятельная—съ необходимостію ведетъ къ признанію

¹⁾ „О Св. Духѣ въ Амфилохію“—см. Творенія св. отц. въ рус. пер. VII т. 269 стр. и „противъ Евномія“—VII, 181, 214. ²⁾ О Св. Духѣ—VII, 306 и противъ Евномія, VII, 192. ³⁾ Противъ Евномія—VII, 137, 214. ⁴⁾ Противъ Евномія—VII, 227. ⁵⁾ *ibid* 137. ⁶⁾ О Св. Духѣ—VII, 266. ⁷⁾ *ibid.*—292.

⁸⁾ Св. Духъ изображается въ Св. писаніи раздѣляющимъ дарованія, какъ и Сынъ—раздѣляющимъ служенія и Отецъ—раздѣляющимъ дѣйствія (1 Кор. 12,4—6), значитъ, Духъ является дѣйствующимъ такъ же, какъ и Отецъ и Сынъ, и притомъ самовластно и независимо отъ Нихъ (1 кор. 12,11), какъ и подобаетъ Богу—Противъ Евномія,—VII, 137 — 138, 148. ⁹⁾ *ibid.* 227. ¹⁰⁾ „О Св. Духѣ“—266—267. ¹¹⁾ *ibid.* 306, 292.

того, что Духъ Св. не тварь, но Богъ, равный Богу-Отцу и Богу-Сыну и единосущный съ Ними. Такой выводъ былъ тѣмъ неотразимѣе для еретиковъ-духоборцевъ, что Св. Духъ, по ученію Василія Великаго, совершаетъ не только такія же дѣйствования, какъ и Сынъ и Отецъ, но и тѣ же, т. е. что Онъ въ Своей дѣятельности неотдѣлимъ отъ Отца и Сына. На этомъ Василиій Великій настаиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ неоднократно. Онъ учитъ, что Духъ Св. неотдѣлимъ отъ Отца и Сына вообще во всѣхъ Своихъ дѣйствованияхъ ¹⁾, какъ то: въ твореніи ²⁾, въ частности въ твореніи міра мысленнаго, т. е. ангеловъ ³⁾, въ домостроительствѣ нашего спасенія ⁴⁾, въ обновленіи людей, въ дарованіяхъ, въ пророчествахъ ⁵⁾. Ясное указаніе на такую нераздѣльность дѣятельности Лицъ Св. Троицы Василиій Великій видитъ въ словахъ ап. Петра Сапфиръ: что согласитесь искусити Духа? не человѣкомъ солгали есте, но Богу (Дѣян. 5, 3—4) ⁶⁾ и особенно въ видѣніи пророка Исаіи. Сущность послѣдняго указанія такова: пр. Исаія говоритъ, что Онъ видѣлъ на престолѣ Господа Саваоѳа, т. е. Бога-Отца (Ис. 6, 1), а Евангелистъ Іоаннъ свидѣтельствуемъ (12, ³⁹—⁴¹), что Исаія видѣлъ Сына Божія, по словамъ же ап. Павла, Духа Св. (Дѣян. 28, ²⁵) ⁷⁾.

Такимъ образомъ, тождество дѣйствованій Св. Духа съ дѣйствованиями Отца и Сына съ несомнѣнностію доказываетъ божество Св. Духа.

Профессоръ С. Заринъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ ibid. 286. ²⁾ Противъ Евномія, VII, 194. ³⁾ О Свят. Духѣ—VII, 286, 287. ⁴⁾ ibid. 286, 291—292. ⁵⁾ Противъ Евномія—VII, 194, 203 и о Св. Духѣ—286—287. ⁶⁾ ibid. 286. ⁷⁾ Противъ Евномія—188.

Обязанности пастыря¹⁾.

II.

Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ Ната совершенно измѣнилась, превратившись изъ веселенькой немного легкомысленной дѣвочки въ серьезную, сосредоточенную; эта перемѣна произошла съ ней со времени ея пріѣзда въ губернскій городъ. Ее прислали сюда къ старшей сестрѣ, которая была уже лѣтъ пять замужемъ и жила отдѣльно отъ семьи. Всѣ эти пять лѣтъ онѣ видались рѣдко, такъ какъ обѣ семьи были заняты каждая своимъ; при свиданіи же, благодаря радостному настроенію, все время проходило какъ-то незамѣтно: въ визитахъ, посѣщеніяхъ общихъ знакомыхъ (нельзя же было ихъ не провѣдать—обидятся), въ довольно пустыхъ разговорахъ и въ шуткахъ, восклицаніяхъ и смѣхѣ. Натѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда сестра выходила замужъ и она мало знала ее. Теперь дѣвочка кончала гимназію и на Рождество ее отпустили погостить къ сестрѣ съ тайной надеждой, что авось Господь пошлетъ ей женишка, да богатенькаго. Лицомъ то она вышла хорошенькая, свѣженькая, и сама стройненькая и веселенькая, куда лучше старшей сестры.

Пріѣхала Ната въ городъ въ субботу; ее встрѣтили

¹⁾ См. „Г. Ц.“ м. Мартъ.

съ шумной радостью, сейчасъ же накормили, напоили; но когда пробило шесть, она увидала сестру въ шляпѣ.

— Ты куда?

— На всенощную, завтра вѣдь воскресенье. Ты вѣрно устала, Ната, и не захочешь пойти со мною. Не сердись, дорогая, за то, что я сейчасъ же послѣ твоего приѣзда оставляю тебя одну: мнѣ не хочется пропустить всенощную, я вернусь къ девяти, а ты тѣмъ временемъ разложи свои вещи и отдохни, хорошо?

И поцѣловавъ дѣвочку она поспѣшно выбѣжала. Ната была немного обижена и очень удивлена такой набожностью. Она сама рѣдко, рѣдко заходила въ церковь, да и то лишь по большимъ праздникамъ.

— Съ какихъ это поръ Женя стала молиться? спросила она добродушнаго флегматика шурина. Тотъ добродушно захохоталъ.

— Ваша сестрица особа увлекающаяся, пылкая, немного эксцентричная. Земля ее не удовлетворяетъ и она вѣчно паритъ подъ небесами. Въ продолженіе медоваго мѣсяца она воображала себѣ, что я герой и чуть ли не молилась передо мной, начиняя меня столькими добродѣтелями, что, ей Богу, неловко было. Теперь она меня раскусила; мнѣ то положимъ стало отъ этого покойнѣе, ну, да она засуетилась, чуть было на сцену не ушла, а теперь впала въ мистицизмъ, влюбилась въ приходскаго попа и млѣетъ отъ молитвеннаго восторга. А все таки человѣкъ она хорошій и люблю я ее отъ души, боюсь только, чтобы не ушла въ монастырь, отъ такой экзальтированной особы всего можно ожидать.

И вечеромъ уже лежа въ постеляхъ онѣ разговорились. Женя вернулась изъ церкви въ приподнятомъ настроеніи.

— Ахъ, Ната, шепотомъ разсказывала она, когда та уже потушила свѣчу. Если бы ты только знала, какъ я жажду хорошаго; и какъ его трудно найти на свѣтѣ. Прочитай Евангеліе внимательно, ты почувствуешь тогда, какая разница между жизнью, которую проповѣдуетъ Христосъ и той жизнью, которой мы всѣ живемъ. Какіе наши интересы, мечты, разговоры? А вѣдь мы, Ната, хрістіане, мы вѣруемъ въ Іисуса и вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ справедливымъ и естественнымъ полнѣйшее уклоненіе отъ Его заповѣдей. Мы знаемъ, что умремъ и не боимся будущей жизни, не боимся наказанія за всю мерзость, которую натворили въ этомъ мірѣ. Христосъ велѣлъ любить своихъ ближнихъ, велѣлъ помогать имъ. Онъ нищихъ называлъ своей братіей, а я совсѣмъ не знаю, какъ помочь имъ. Не могу же я удовлетвориться тѣмъ, что подамъ бѣдняку мѣдякъ. Я хотѣла уходить ежедневно на нѣсколько часовъ въ городскую больницу, чтобы поухаживать за больными; говорятъ, что уходъ тамъ очень плохой. Туда поступаютъ только самые бѣдные, и я могла бы помочь имъ и послѣ ихъ выздоровленія, могла бы снабдить ихъ самымъ необходимымъ, могла бы еще и кромѣ матеріальнаго добра почитать имъ Евангеліе, разсказать имъ о томъ свѣтломъ и радостномъ, что творится въ душѣ. Ахъ, Ната, это было бы такъ хорошо! Но вотъ мужъ ни за что не хочетъ и слышать объ этомъ, онъ такъ разсердился на меня, когда я разсказала ему про свое желаніе, назвалъ меня сумасшедшей, сказалъ, что я занесу домой Богъ знаетъ какія болѣзни и сама первая навѣрное заражусь ими. Если бы ты только знала, какъ тяжело то полное одиночество, въ которомъ я живу, не съ кѣмъ поговорить серьезно о тѣхъ мысляхъ, которыя кипятъ въ мозгу; не отъ кого ждать помощи, указаній, разъясненій о новой жизни, потому что влачить

дольше такое существованье невозможно. Пускай мужъ и другіе оправдываютъ свою жизнь, но я, я познавшая всю высоту и святость христіанской жизни, не могу примириться со своей. Ходить въ церковь, постить въ установленные для этого дни, несмотря на ворчаніе мужа, подавать случайную милостыню, даже шить для бѣдныхъ, мало, и не то, Ната, совсѣмъ не то, что надо.

Никогда еще дѣвочка не слыхала подобныхъ словъ, и она слушала ихъ теперь внимательно, немного изумленно, приподнявшись на локоть, съ широко раскрытыми любопытными глазами.

— Откуда ты это все узнала, спросила она сестру. Мнѣ никогда подобныя мысли не приходили въ голову? Съ какихъ это поръ ты стала ходить въ церковь и думать о Христѣ?

— Видишь ли, Ната, пока я жила дома и первое время послѣ моего супружества я тоже не думала о духовномъ. Но когда мы переѣхали на эту квартиру, я какъ то разъ случайно зашла въ нашу приходскую церковь, услышала проповѣдь и съ тѣхъ поръ я постоянно хожу въ этотъ храмъ. Пойдемъ завтра на обѣдню; ты увидишь нашего батюшку, постоишь на его службѣ, услышишь его слова и съ тобой тоже, Ната, произойдетъ такая же перемѣна. Какой это хорошій священникъ! я жадно собирала о немъ всевозможныя свѣдѣнія, и всѣ они характеризуютъ его какъ высоко-нравственнаго, честнаго, идеальнаго труженника. Неудивительно поэтому, что его слова вліяютъ на слушателей, они проникнуты теплой, сердечной искренностью, они звучатъ правдой. Онъ отецъ многочисленнаго семейства; жена его и дѣти постоянно посѣщаютъ церковь, онъ извѣстенъ во всемъ приходѣ, какъ самый примѣрный семьянинъ. Какъ онъ хорошо относится къ бѣднымъ; всѣ требы совершаетъ для нихъ съ такимъ же

благоговѣніемъ, какъ и для богатыхъ и ни за что не беретъ съ нихъ ни копѣйки. Двери его во всякое время открыты для прихожанъ и онъ при первой же просьбѣ отправляется къ нимъ на домъ совершать нужную потребу. Даже ночью съ полной готовностью идетъ пріобщать больныхъ. Я это знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, изъ устъ свидѣтелей. Боже! какъ бы мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ по душѣ, вѣдь слова такого человѣка—благодать Божія. Но хотя мнѣ и пришлось однажды познакомиться съ нимъ у общихъ знакомыхъ, но не хватало духу заговорить о себѣ, а онъ держалъ себя совсѣмъ просто свѣтскимъ человѣкомъ, да и посидѣлъ недолго—все торопился домой. Это правда, что онъ очень занятъ, но свободное время онъ не любитъ проводить внѣ дома и нигдѣ вообще не бываетъ, все сидитъ съ семьей. Подожди только до завтра, и ты сама увидишь его.

На слѣдующій день Ната встала ранѣе обыкновеннаго и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала трезвона, извѣщающаго о началѣ обѣдни. И сердце ея забилося сильнѣе, когда изъ алтаря донесся низкій пріятный баритонъ. Но въ эту первую встрѣчу дѣвочку встрѣтило скорѣе разочарованье; ея фантазія, возбужденная рассказами сестры, рисовала себѣ какое то высшее существо въ образѣ человѣка, идеальной красоты, съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, вдохновляющимъ голосомъ. Ей казалось, что она почувствуетъ во время обѣдни, какъ какія то крылья поднимаютъ ее. И ничего подобнаго не случилось. Батюшка, средняго роста, темный, худощавый, хотя здоровый и даже плотный, выглядѣлъ совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и только подъ конецъ обѣдни Ната различила въ его тонѣ большую искренность и простоту.—Онъ крѣпко вѣритъ, сообразила она и это дѣйствительно чувствовалось въ благо-

говѣннѣ, которымъ было проникнуто каждое его движеніе. Когда онъ послѣ обѣдни, снявъ облаченіе, появился въ одной епитрахили и началъ говорить, Нату встрѣтило еще маленькое разочарованіе: ей не понравилось холодное выраженіе его лица, что вмѣстѣ съ извѣстной изысканностью въ одеждѣ придавало ему мало духовный видъ.

Какими простыми обыденными выраженіями изъясняется онъ, и ни малѣйшаго жеста, ничего бьющаго на эффектъ, за то какая увѣренность и сила; мало по малу её увлекли его слова.

— Нельзя служить и Богу и маммонѣ, желая итти за Христомъ, нельзя оглядываться назадъ, иначе врата Небесныя навсегда закроются передъ вами; и, испытавъ на этой землѣ всѣ муки нерѣшительности и вѣчнаго колебанія, мы на послѣднемъ судѣ услышимъ страшныя слова: „Идите отъ Меня въ огонь вѣчный“, говорилъ онъ. Натѣ сдѣлалось страшно, она почувствовала, что сестра права, что онѣ живутъ неправильно, что имъ надо переимѣнить свою жизнь, но какъ?

Онѣ много толковали по этому поводу и Ната сама не замѣтила, какъ въ ея обыкновеніе вошло ежедневное посѣщеніе службы Божьей. Её потянуло и въ другія церкви, ей захотѣлось приложиться къ мощамъ мѣстныхъ Угодниковъ, помолиться передъ чудотворными иконами. И наканунѣ великаго дня Рождества Христова Ната стояла рядомъ съ сестрой въ тѣсной толпѣ, наполнявшей храмъ, съ глубокимъ и радостнымъ сознаніемъ великаго торжества и счастья и мира. Когда хоръ превзошелъ себя и дивныя, чистыя и мощныя звуки наполнили церковь, Ната взглянула на батюшку и поразилась растроганнымъ, умиленнымъ выраженіемъ его лица. Оно показалось ей преображеннымъ, вдохновеннымъ и когда она замѣтила слезинки, заблестѣвшія

на его глазахъ, её охватило безконечное благоговѣнье и, преклонивъ колѣна, она углубилась въ сладостный молитвенный восторгъ, отъ котораго её оторвали толчки окружающихъ.

— Развѣ можно становиться на колѣни въ такой давкѣ, затолкаютъ чего добраго, ворчала стоявшая рядомъ старушонка и Ната встала, но сердце её попрежнему усиленно и радостно билось. Какъ любила она въ эту минуту Бога, и людей и даже эту старушку, которая такъ сердито смотрѣла на неё.

— Какъ я счастлива, ахъ какъ я счастлива, говорила она, возвращаясь домой и крѣпко сжимая руку сестры. Мнѣ даже не вѣрится въ возможность горя, такъ чувствуется близость Божья. Никогда еще не встрѣчала я Рождество, какъ въ этомъ году. Раньше я думала о ёлкѣ, о танцахъ, а теперь въ душѣ творится нѣчто особенное: думается о крошечномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великомъ Христѣ, думается о радости Богоматери такъ живо, будто это совершилось недавно. И потомъ радостно дѣлается, когда перечисливаешь всѣ торжественныя службы, которыя ожидаютъ еще насъ. О Боже! какъ хорошо пѣлъ сегодня хоръ; я право думала, что это ангелы. Замѣтила ли ты, какъ молился батюшка? Вѣрно у Христа было такое лицо, а голосъ его дрожалъ и глаза были полны слезъ. До чего бы мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, узнать его поближе. Ты знакома съ нимъ, неужели бы тебѣ нельзя было пойти къ нему съ визитомъ?

— Неудобно, Ната.

— Почему?

— Да такъ, Ната, я боюсь, чтобы это не показалось ему неумѣстнымъ, и потомъ онъ очень занятъ, нельзя его беспокоить. Ната задумалась, притихла и онѣ молча вернулись домой. Долго въ этотъ вечеръ не засыпала

Ната: ей вдругъ страшно захотѣлось побесѣдовать съ батюшкой, получить отъ него указанія для дальнѣйшей жизни.

— Я не буду больше читать романовъ, я хочу познакомиться съ нашей духовной литературой; пусть онъ мнѣ составитъ списокъ книгъ, которыя бы мнѣ было полезно прочитать; а если я найду въ нихъ что-нибудь непонятное, пусть онъ мнѣ позволитъ обратиться къ нему за разъясненіемъ. Пусть онъ разрѣшитъ намъ обращаться къ нему и за всякимъ спорнымъ вопросомъ въ жизни. Господи, сдѣлай такъ чтобы онъ принялъ участіе въ насъ, чтобы онъ помогъ намъ начать новую жизнь, пойти по истинной тѣсной дорожкѣ и чтобы онъ поддерживалъ насъ, чтобы онъ благословлялъ насъ, и молился за насъ, и бесѣдовалъ съ нами иногда, хотя бы рѣдко, какъ Христосъ бесѣдовалъ со своими учениками и поучалъ ихъ. И на слѣдующій день Ната нашла въ завѣтахъ Святителя Алексія Митрополита Московскаго объясненіе словъ Евангельской притчи: „И вѣде и дѣлательемъ—т. е. святымъ апостоламъ и святымъ отцамъ: митрополитамъ, епископамъ и всему чину священному, чтобы они, научивъ людей закону Божію, могли сказать во второе пришествіе Христа Бога нашего: Господи! се мы и дѣти, ихже далъ еси намъ“. И дальше—„священный чинъ выше себя почитайте, ибо они пекутся день и ночь о душахъ вашихъ и отдадутъ Богу отвѣтъ за паству свою“. И еще—„прибѣгайте къ іерею, отцу своему съ покаяніемъ и слезами“.

Дѣвочка торжествовала: святитель и тотъ находитъ, что священникъ не чужой для своей паствы, что онъ отецъ ея духовный, а можетъ ли отецъ не обрадоваться обращенію своихъ дочерей. И чего стѣсняться съ такимъ близкимъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ отвѣтствененъ, по словамъ Святителя, за наши души.

— Видишь ли, говорила она сестрѣ, я была права. О, Женя, святые не прятались отъ людей высшей духовной жизни, а наоборотъ всѣми силами старались сблизиться съ ними. Ты сама рассказывала мнѣ, что когда Св. Сергій былъ ребеночкомъ, онъ однажды увидалъ на полѣ старца и подошелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ и умолилъ его пойти въ домъ родителей его. Старецъ не разсердился, не удивился; онъ кротко, любовно обошелся съ мальчикомъ и исполнилъ его просьбу. И потомъ вѣдь ты вѣришь батюшкѣ, ты сама говорила, что его называютъ „батюшка бѣдныхъ“, потому что онъ ихъ любитъ больше богатыхъ, а изъ этого слѣдуетъ, что онъ очень добрый; да развѣ злой можетъ быть послѣдователемъ Христа. А если онъ добрый, Женя, онъ насъ пожалѣетъ, потому что вѣдь мы съ тобою самая бѣдная, просто даже нищія въ духовномъ смыслѣ. Когда мы были маленькія, никто намъ не говорилъ о Богѣ, папа и мама насмѣхались при насъ надъ всѣмъ духовнымъ, называли священниковъ „жадюгами, попами“, смѣялись надъ посѣщающими церковь и молящимися Богу. Они вѣдь часто говорятъ, что Господь все знаетъ и поэтому смѣшно молиться. Мы только теперь впервые задумались о душѣ, о будущей жизни. Поняли, что всѣ люди братья и что поэтому не слѣдуетъ тратить свои деньги на сласти и на наряды, когда наши ближніе умираютъ съ голода. Да я даже и не знала, что существуютъ бѣдняки, папа всегда говорилъ, что это пьяницы и лѣнтяи, что желающіе трудиться всегда будутъ сыты и одѣты. Такъ вотъ, Женя, мы напишемъ батюшкѣ и все это расскажемъ ему, и потомъ еще расскажемъ ему, какъ мы его любимъ, какъ мы ему благодарны за то, что онъ насъ приучилъ къ храму, и мы попросимъ его и впредь не оставлять насъ. Хорошо, Женя милая, дорогая напишемъ ему длинное-предлинное письмо. Я

увѣрена, что онъ насъ пойметъ, пожалѣетъ, пригласитъ насъ къ себѣ и поможемъ намъ спастись; вѣдь пойми же, наконецъ, что этимъ онъ и самъ спасется“.

И Женя, горѣвшая желаніемъ написать батюшкѣ, сдалась. Когда онѣ уже усѣлись при письменномъ столикѣ и Ната съ перомъ въ дрожащей рукѣ собиралась начертать первыя буквы, она вдругъ остановилась и на еѣ свѣженькое личико легла тѣнь.

— Что съ тобой, Ната?

И она испугалась, когда увидала, какъ дѣвочка покраснѣла и какія крупныя слёзы повисли на ея рѣсницахъ.

— Ната, ты плачешь!

Въ одну секунду Ната бросила перо и порывистымъ движеніемъ кинулась сестрѣ на шею, спрятавъ залитое слезами лицо на ея груди.

— Что съ тобою? скажи Бога ради, не томи, допытывалась Женя.

— Я недостойная, я недостойная, отчаянно твердила дѣвочка.

— Да что ты говоришь, что значитъ недостойная?

— Ахъ, Женя, ты такая хорошая, ты ничего не знаешь. А что у насъ дѣлается въ гимназiи! Раньше это все мнѣ казалось естественнымъ, а теперь страшно и гадко, гадко. За нами ухаживаютъ гимназисты и я кокетничала. А послѣ мнѣ понравился одинъ студентъ, это уже въ этомъ году; онъ всегда ожидалъ меня за угломъ и провожалъ до дома, и онъ просилъ, умолялъ, чтобы я ему написала, хотя словечко, отвѣтила бы ему на его посланія; а меня очень занимали его письма, такія длинныя и слогъ у него очень хорошій. Я гордилась, что онъ мнѣ такъ пишетъ и я стала отвѣчать ему; я не видѣла въ этомъ ничего дурного. Только вотъ сейчасъ я взяла перо и мнѣ ярко вспомнились прежнія письма и стало такъ стыдно... Я вообразила себѣ батюшку, и

мнѣ почувствовалось, что я отняла у себя права писать ему. Да, Женя, я очень грѣшная? скажи, я не слишкомъ грѣшная?

— Ната, неужели ты уже забыла слова Христа: „Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные“. И помнишь ли? ко Христу пришли мытари и возлегли и ѣли. Фарисеи возмутились и спросили учениковъ: „почему Учитель Вашъ ѣстъ съ грѣшниками?“

— Я пришелъ призвать къ покаянію не праведниковъ, но грѣшниковъ, отвѣтилъ Христосъ. И между апостолами мы встрѣчаемъ мытаря, а мытари вѣдь считались подонками общества. Іисусъ не бѣгаетъ отъ блудницъ, не отгоняетъ ихъ отъ себя. Онъ кротко и мило-стиво бесѣдуетъ съ ними и отвѣчаетъ возмущенному фарисею, что больше возлюбитъ тотъ, кому больше простится, чѣмъ тотъ, кому меньше простится, потому что онъ меньше долженъ.

Натуся, дорогая, кто былъ чище, непорочнѣе, святѣе кроткой Матери Іисуса, Дѣвы Маріи изъ Назарета? И этотъ Идеаль чистоты и цѣломудрія, эта Приснодѣва не гнушается падшихъ женщинъ; она допускаетъ ихъ въ самое близкое свое общество, слѣдуетъ рядомъ съ ними за Сыномъ своимъ, Который позволяетъ имъ даже служить Себѣ имуществомъ своимъ. И по воскресеніи Христосъ является впервые женщинѣ, прошлое которой было извѣстно всей Іудеи, которая считалась первая по красотѣ и по порочности превосходила всѣхъ блудницъ того времени, является Маріи Магдалинѣ по силѣ ея любви, приведшей еѣ первой къ гробу Учителя. И съ того времени Марія Магдалина служитъ образцомъ раскаянія; она не только причислена къ лику святыхъ, она называется равноапостольной. Нѣтъ, дорогая, не можетъ быть, чтобы священникъ — преемникъ этихъ апостоловъ, могъ оттолкнуть наши души, хотя и грѣш-

няя, но любящія и жаждущія правды. Напишемъ ему, сестренка, напишемъ искренно, горячо. Какъ на исповѣди откроемъ передъ нимъ наши души и быть можетъ Господь смилуется надъ нами, откроетъ намъ его сердце.

И, низко наклонившись надъ изящнымъ столикомъ, онѣ задыхаясь и волнуясь сочиняли письмо, вкладывая въ каждое слово молодое, горячее сердце, переполненное любви къ Богу, къ ближнимъ, къ батюшкѣ, котораго втайнѣ онѣ признавали святымъ. И ихъ души, юныя, чистыя кипѣли жаждой дѣла, онѣ надѣялись, что батюшка употребитъ ихъ силы на полезное, нужное, укажетъ имъ много дѣлъ, которыми онѣ спасутся, приблизятся ко Христу.

Слѣдующіе дни были полны страха и надежды. Ната увѣряла даже сестру, что у неё развивается порокъ сердца. Женя была на видъ покойнѣе, но всякій разъ когда заходилъ почталіонъ, она сильно блѣднѣла. Это привлекло вниманіе ея мужа.

Е. Жадановская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„МУЧЕНИКИ“¹⁾.

Графиня Ванда Долеско тосковала: ея раненый подъ Львовомъ и долго болѣвшій сынъ теперь умиралъ. Непонятная болѣзнь подточила его здоровье, и молодой еще человѣкъ гасъ, какъ потухающее пламя. Старая графиня была набожной католичкой: она вносила большіе вклады въ монастыри, она творила добро, посѣщая тюрьмы, полная заботы, забыла обо всемъ, о войнѣ и врагахъ, въ своемъ горѣ горячо молилася святымъ Георгію, Стефану и Мартину о чудѣ, прося ихъ исцѣлить ея сына.

Никакіе ужасы войны, доходившіе до ея дома, ни вѣсти о побѣдахъ враговъ, ни страхъ передъ побѣдителями не пугали и не томили графа и графиню: свое горе заполонило ихъ домъ. Графиня говорила сыну не разъ, видя, какъ онъ слабѣетъ:

— Стефанъ, сынъ мой, кажется я бы раздала все, только бы видѣть тебя здоровымъ.

И несла щедрою рукою новыя подаянія въ тѣсныя тюрьмы стариннаго города, гдѣ томилися узники женщины и дѣти, молилася пламенно въ церквахъ, обѣщала богатые вклады въ монастыри, но графу не становилоя легче.

¹⁾ Окончаніе. См. м. Мартъ.

Была страстная недѣля. Наступалъ день Христа, и она молилася еще пламеннѣе, чѣмъ всегда, проводя ночи надъ сыномъ.

— Мама,—поднялся онъ какъ то дня за два до праздника среди ночи,—мама, наша война—несетъ зло. Какъ справедливо говорилъ Іосифъ: взявшій мечъ, мечемъ и погибнетъ“... Мой Іосифъ, мой другъ... Помнишь, онъ гостилъ у насъ въ нашемъ Будапештскомъ домѣ и во Львовѣ, когда я былъ юношей? такой свѣтлоглазый, высокій и красивый?! Сейчасъ я видѣлъ его: онъ пришелъ ко мнѣ тихій и радостный и сказалъ:

— „Помоги моимъ дѣтямъ, Долеско: они въ тюрьмѣ... Спаси ихъ, и тебѣ станетъ лучше; Господь пошлетъ миръ въ твою душу ради нихъ и твоей матери; Господь исцѣлитъ ее, твоя душа болитъ, и отъ того ослабѣло твое тѣло“...

— Мама, я такъ ясно видѣлъ его... найди его дѣтей... Я не брежу. Но онъ говорилъ, что его дѣти въ тюрьмѣ... поищи ихъ мама... Онъ былъ священникомъ въ Галиціи когда то, писалъ мнѣ... Ты знаешь, какъ глядѣли всѣ на этихъ отщепенцевъ? я пересталъ отвѣчать ему, а потомъ пришла война.

— Я обойду тюрьмы, Стефанъ, чтобы тебя успокоить. Слава Богу, всѣ знаютъ меня, графинѣ Долеско есть пропускъ вездѣ. Но, вѣдь, я не знаю ни имени дѣтей, ни гдѣ они, а тюрьмы такъ переполнены. Еще сегодня утромъ у меня нашъ отецъ Вацлавъ просилъ на погребеніе еврейской женщины; онъ недавно крестилъ ее въ тюрьмѣ... Можетъ быть, твой другъ вообще проситъ тебя сдѣлать добро заключеннымъ дѣтямъ.

— Можетъ быть! — сказалъ сынъ устало. — Можетъ быть, это—простой обыкновенный сонъ.

И опять закрылъ глаза, утомленный бесѣдой.

Весь день графиня не смѣла отойти отъ него, страшно ослабѣвшаго, но на другую ночь онъ опять проснулся, уже подъ утро, и притянулъ къ себѣ за руку задремавшую мать.

— Мама, онъ, Іосифъ сейчасъ былъ тутъ, сказалъ: „Спаси моихъ дѣтей, и тебя исцѣлятъ святыя; мои дѣти въ тюрьмѣ“. Почему ты не искала ихъ, мама?

— Я боялась оставить тебя, Стефанъ. Но я пойду, какъ встанетъ день. Я попрошу отца Вацлава пойти со мною: онъ изъ Галиціи бѣженецъ, ты не зналъ, я пріютила его: теперь многіе ищутъ пріюта. Можетъ быть, онъ поможетъ мнѣ отыскать дѣтей.

Она боялась сказать сыну, что дѣти Іосифа просто—сонная греза. И какъ только весеннее утро разгорѣлось румяной зарею, послала слугу за отцомъ Вацлавомъ, жившимъ въ ея дворѣ. Ксендзъ пришелъ тотчасъ же.

— Вы похоронили уже, отецъ мой, вашу новокрещенную?

— Да.

— Отчего она умерла?—спросила графиня, думая о другомъ.

— Отъ истощенія,—сказалъ ксендзъ, — тюрьмы набиты, и я говорилъ вамъ, что тамъ томятся и гибнутъ полуголодныя дѣти; боюсь, что и ея ребенокъ и дѣвочка умрутъ тоже, а мнѣ жаль дѣтей: я всегда любилъ ихъ, а эти—съ нашей стороны.

— Вы знаете, что говоритъ мой сынъ? — сказала графиня, внезапно заинтересовавшись. И передала ему сонъ Стефана.

— Гдѣ я найду дѣтей, скажите мнѣ? А онъ такъ вѣритъ! Развѣ обмануть его ради спасенія жизни?

Отецъ Вацлавъ терпѣливо слушалъ ее, видимо волнуясь и не смѣя перебить. А потомъ спросилъ то-ропливо:

— Скажите, ясновельможна панна, вашъ сынъ зоветъ друга Іосифомъ и говоритъ онъ — священникъ? У меня былъ сосѣдъ священникъ Іосифъ Пальва, его растрѣляли вначалѣ войны. Дочь этого Пальвы здѣсь и зоветъ братомъ окрещенаго имъ мальчика Рувима, чью мать я похоронилъ вчера. Дѣти ослабѣли и похожи на птичекъ, которыя чахнутъ въ клѣткѣ. Умеръ взятый съ ними старый Кириллъ Довба; умеръ здоровый и сильный Коваль Петръ и Магдалина; всѣ, что посажены съ ними, зачахли въ неволѣ. Жива только дѣвушка Анеля изъ мѣстечка: дѣти около нея. Простите, пани графиня, но я думаю, что дѣти безвинно томятся. И если пану Стефану видѣлся Іосифъ Пальва, то это прямо чудо. Я бы не посмѣлъ тревожить васъ просьбами о нихъ.

— Іосифъ Пальва?—сказала старушка пораженная.— Да, вы правы: это—чудо... это удивительное чудо: такъ звали друга Стефана. Я сейчасъ же поѣду къ коменданту и попрошу взять дѣтей... О, Матерь Божія, неужели же это не чудо?

— Тогда попросите и за Анелю: дѣти не пойдутъ безъ нея изъ тюрьмы; они прилѣпились сердцемъ къ тѣмъ, кто былъ около нихъ, а эта—послѣдняя. Думаю, что ихъ и не станутъ держать... О, Господи Боже, къ чему привела эта война: столько жертвъ и столько поражений. Сколько еще погибнетъ по тюрьмамъ невинныхъ, а кому нужно ихъ страданіе, разореніе Галиціи, тысячи сиротъ!?. О, пани графиня, не гнѣвайтесь на меня, но я не могу забыть разрушенныхъ костеловъ, сожженныхъ селъ и убитыхъ; ихъ трупы могли бы казаться подняться до неба... И кому нужна была эта ужасная война? Простите меня, но нѣтъ силъ молчать. У васъ добрая душа: спасите хотя этихъ. Дѣвочка такъ слаба, что не можетъ ходить, а мальчикъ совсѣмъ ма-

лышокъ. Какая вѣра въ этомъ ребенкѣ: онъ видитъ во снѣ своего любимаго отца Іосифа и говоритъ названной сестрѣ: „Онъ придетъ и выведетъ насъ; Елена. Будь терпѣлива“... Какой тамъ воздухъ! а пища? развѣ можно жить, питаясь этой скудной пищей?! И я думаю, что только тогда, въ древніе времена, когда христіанъ мучили въ Римѣ, такой вѣрой дышали дѣти, какъ этотъ святой отрокъ. И я бы не повѣрилъ никому, если бы не зналъ самъ, что это сынъ Самуила корчмаря, негоднаго Самуила. Такъ вѣра творитъ чудеса!

— Стефанъ,—позвала сына графиня, знакомъ показавъ сидѣлкѣ уйти,—дитя мое, я привела къ тебѣ отца Вацлава; онъ бѣжалъ изъ Галиціи и знаешь? онъ жилъ близко отъ твоего друга Іосифа, дѣти котораго дѣйствительно здѣсь.

Больной открылъ глаза и впился ими въ лицо отца Вацлава.

— Разскажите мнѣ ради Бога о немъ: я все вижу его и сейчасъ видѣлъ такого яснаго; онъ проситъ меня о дѣтяхъ. Ради Господа, разскажите мнѣ о немъ!

Давно неинтересовавшійся ничѣмъ больной оживился, и тѣнь надежды засвѣтилася въ глазахъ матери, когда она выходила изъ комнаты.

А отецъ Вацлавъ сталъ разсказывать простую повѣсть о свѣтломъ подвигѣ Пальвы, не скрывъ ничего о наступленіи австрійцевъ, о его смерти и дѣтяхъ въ тюрьмѣ.

— Ваша пани мать поѣхала за ними, хлопотать о нихъ... Все это чудно: ваши сны и сны Рувима. А еще говорятъ, что нѣтъ чудесъ на свѣтѣ?!

— Зачѣмъ вы ушли оттуда? — спросилъ больной, беря руку священника,—оттуда, изъ Галиціи, отъ своей

паствы? Скажите мнѣ по правдѣ, не бойтесь меня. Вы боялись наступающихъ?

— Я... — опустилъ голову священникъ, — я боялся взглянуть имъ въ глаза: мнѣ было стыдно за тѣхъ, кто разорили край... за своихъ, панъ графъ. Вѣдь, не русскіе просили дани и разрушали храмы, не русскіе насиловали женщинъ и убивали дѣтей!

Графъ закрылъ глаза, но не взялъ своей руки изъ руки священника. И, помолчавъ немного, попросилъ:

— Помолитесь за меня, мой отецъ. Помолитесь за то, чтобы Господь помогъ правымъ. Мой отецъ служилъ когда то въ Польшѣ до полученія наслѣдства, обогатившаго насъ, и я знаю русскихъ лучше другихъ австрійскихъ магнатовъ.

Свѣтъ чуть падалъ въ окно подвального помѣщенія старинной тюрьмы. Узкій косой лучъ его легъ на похудѣвшее личико Елены, чья голова лежала на колѣняхъ блѣдной Анели. Маленькій Рувимъ взялъ ея руки и, приподнявъ ихъ на свѣтъ, сказалъ грустно:

— Бѣдныя руки, какъ онѣ похудѣли. Но я опять видѣлъ его сегодня и онъ сказалъ:

— „Воскресеніе Христа близко: Онъ придетъ къ вамъ, уведетъ отсюда, ждите“. — Я люблю его видѣть, нашего отца Іосифа. Мнѣ хочется просить, чтобы онъ взялъ меня съ собою, но я боюсь сдѣлать это: онъ сказалъ, чтобы я берегъ тебя Елена. Только тогда, когда ты будешь счастлива, я попрошуся къ нему, потому что люблю его такъ же, какъ Іисуса; онъ сказалъ:— „Тому не страшно умирать, кто любитъ Христа“. Но тебѣ нужно жить, Елена.

Рувимъ наклонилъ похудѣвшее личико, и рука Анели погладила его волосы.

— Ты правъ, что не боишься смерти,—горько улыб-

нулась дѣвушка. — Она ходитъ по мадьярскимъ тюрьмамъ, дитя, и ей радуются люди. Какъ праведницы умерли: Марыня, Магдалина и Эсфирь, а Кириллъ и Петръ радовались смерти... И все-таки тянется сердце къ солнцу: такъ бы поглядѣть на родныя поля, на небо, послушать, какъ поютъ жаворонки, и звонять колокола, поцѣловать цвѣты!! Что ты молчишь, дитя? — поцѣловала она лобъ Елены.

— Я думаю о злыхъ, — слабо сказала дѣвочка, — зачѣмъ они убили отца? У него тамъ въ нашемъ саду на могилѣ теперь зацвѣли цвѣты... а, можетъ быть, и цвѣты не цвѣтутъ теперь отъ горя?!

Она словно бредила, и Рувимъ, цѣлуя ея волосы, съ мольбою поднѣлъ глаза на узкое окно, за которымъ было невидное отсюда небо, царство милосерднаго Бога, гдѣ жили праведныя души, и откуда къ нему приходила душа любимаго отца Іосифа.

Уже къ вечеру явилась домой графиня; она страшно устала отъ хлопотъ, но, увидѣвъ сына, полнымъ ожиданія взглядомъ встрѣтившаго ее, отошла.

— Сейчасъ, голубчикъ, я пошлю отца Вацлава за ними... Столько хлопотъ! Отпустили всѣхъ трехъ: дѣвочку, дѣвушку и мальчика. Господи Боже, правда, все правда, о чемъ шепчутся гайдуки въ домѣ... Изъ нашей земли ушла справедливость, и я право рада, что родилася полькою, Стефанъ. Столько труда выпросить свободу для двухъ дѣтей и дѣвушки! Люди говорятъ, что въ тюрьмахъ умираютъ сотни, и что русскіе близко! — тихо закончила она. — А наши власти все неумолимы къ правымъ и виноватымъ.

— Бросимъ все, мама; приготовьте одежду для нихъ... Я не знаю, но мнѣ лучше... хочется молиться, плакать, радоваться чему то, точно я дитя. И святой праздникъ

пришелъ для меня полный радости. Скоро ли привезутъ дѣтей, мама?

Когда Елену понесли изъ тюрьмы, Рувимъ еще могъ идти, держась за руку отца Вацлава. Но на воздухѣ онъ ослабѣлъ и рослый старый гайдукъ Романъ подхватилъ его, а другой, несшій Елену, сказалъ отцу Вацлаву:

— Ксенжъ добродзей, поддержите эту бѣдную дѣвушку: она тоже опьянѣла отъ воли.

И ксендзъ довелъ Анелю до кареты Долеско.

Глаза Рувима большіе, прекрасные и полные думы, открылись въ теплой мягкой постели, куда его, обмытаго и одѣтаго, положили заботливыя руки. Елена лежала рядомъ и спала, отдаваясь покою. Около нихъ хлопотали люди. И когда они ушли, оставивъ съ ними одного отца Вацлава, мальчикъ позвалъ его.

— Я васъ узналъ,—сказалъ онъ тихо,—это вы вывели насъ оттуда?

— Нѣтъ, это вашъ отецъ,—отвѣтилъ мягко добрый старикъ.—Онъ приходилъ во снѣ къ графу Долеско, пріютившему васъ: они были друзьями когда-то, и просилъ его васъ взять... Спи. Сегодня ночь Воскресенія.... Теперь вы будете счастливы. Господь пошлетъ здоровье графу: ему полегчало ради Воскресенія Христа. Графиня молится въ радости... Жизнь будетъ хороша для васъ, дѣти. Докторъ надѣется вполне, что Елена поправится скоро. Но, а тебя надо подлѣчить: ты, вѣрно, былъ совсѣмъ вольной птичкой, и тебѣ тяжело было вынести узы.

Священникъ не зналъ, что половину скудной пищи ребенокъ отдавалъ Еленѣ: вѣдь, отецъ Іосифъ велѣлъ ему беречь ее.

— Они хорошіе?—спросилъ ребенокъ.

И священникъ понималъ его.

— Да, дитя: это святые люди. Графиня радуется надъ дѣвочкой, какъ надъ дочерью, а Анеля плачетъ отъ счастья... Ну, усни. Выпей молока и усни. Господь придетъ къ тебѣ и пошлетъ силы.

Рувимъ послушно глотнулъ молока и, ослабѣвъ, опустился на подушки. Блаженное чувство охватило его. Теперь онъ могъ уйти туда, куда ушли всѣ... Вонъ, небо за большими окнами; на немъ уже зажглись звѣзды. Марыня говорила имъ въ тюрьмѣ о Богѣ... Тихая, ласковая Марыня. О небесныхъ путяхъ и святой ночи... Какъ хорошо уйти туда, гдѣ нѣтъ войны и злыхъ. И, вспомнивъ объ отцѣ, зашепталъ:

— „Боже, добрый, милый Боже, не накажи его, скажи, что я простилъ, что я не сержуся... И если онъ захочетъ, возьми его на небо“.

Отецъ Вацлавъ не спалъ эту ночь, но не пошелъ молиться въ храмы города. Графиня хотѣла помолиться дома. И надиво всѣмъ графъ Стефанъ, уже сидѣвшій на постели, просилъ ее собрать около него всѣхъ слугъ и непременно потребовалъ повезти его на креслѣ къ дѣтямъ.

Докторъ, осмотрѣвшій дѣвушку и дѣтей, дивился перемѣнѣ въ больномъ графѣ. Священникъ только что выслушалъ его, высказавшаго опасеніе за мальчика, и горевалъ о немъ.

— Жаль было бы это дитя; дѣвочка любить его, да и онъ такая чистая и свѣтлая душа!.. Не говорите графу о немъ ничего. Слава Богу, что дѣвочка поправится: вѣдь, она и есть дочь его друга!

Послѣ краткой радостной службы графъ заснулъ крѣпко, и графиня подняла голову. Воскресеніе Христа принесло ей великую радость, и она обѣщала быть матерью дѣтямъ усопшаго друга своего сына. Еще не смѣя вѣрить своей радости, она, измученная безсонными ночами, не

могла, однако, спать и сегодня поминутно приходила то въ свою спальню, куда перенесли кроватку дѣвочки по слову доктора, то заглядывала въ кабинетъ сына, гдѣ сидѣлка дремала у постели графа, то къ отцу Вацлаву, отдыхавшему въ глубокомъ креслѣ возлѣ ложа Рувима.

Полночь близилась. И въ торжественный часъ звуки колоколовъ наполнили городъ. Рувимъ встрепенулся, услыхавъ ихъ; его исхудалое тѣлице затрепетало, и глаза закрылись, полные небесной радости.

— Это — Воскресеніе? — спросилъ онъ. — Христосъ воскресъ въ эту ночь давно,—я знаю. А сейчасъ я видѣлъ отца Іосифа; онъ взялъ меня на руки и сказалъ, что ангелы ждутъ насъ у Бога... Я видѣлъ ихъ всѣхъ: маму, Кирилла, Викентія Додоха, Гонка, Парву съ женой, мать Павла Ислицы, Петра и маленькаго Марка; всѣхъ тѣхъ, что ушли. Марыня тянула ко мнѣ руки, Магдалина улыбалася мнѣ... Они сіяли свѣтомъ, а онъ... я не ушелъ съ нимъ, потому что долженъ былъ сказать Еленѣ, тѣмъ добрымъ, всѣмъ и вамъ.. особенно вамъ привѣтъ съ неба отъ нихъ всѣхъ... Поцѣлуйте Елену за меня: онъ унесетъ меня сейчасъ, пока звонятъ колокола, туда, гдѣ нѣтъ злыхъ, къ доброму Милостивому Христу... мой дорогой отецъ Іосифъ.

Священникъ, роняя слезы, нагнулся надъ ребенкомъ, цѣлуя его, обѣщая сказать его слова другимъ. Онъ сложилъ маленькія руки, послѣ того какъ худое тѣлице, встрепенувшись навстрѣчу кому то невидимому, стало цѣпенѣть, бережно откинулъ шелковистые кудри съ высокаго лба. А за окномъ торжественно звонили колокола.

— Идите,—позвала его графиня испуганно,—идите, отецъ мой: Стефанъ зоветъ васъ, волнуется... Ради Бога скорѣе...

Графъ сидѣлъ на постели и тянулъ руки къ нимъ, какъ дитя. Сидѣлка, испуганная его волненіемъ, старалась его успокоить, но онъ отводилъ ея руки, желавшія его уложить.

— Отецъ мой, мама, развѣ вы не видѣли его? онъ былъ тутъ съ мальчикомъ на рукахъ... Онъ сказалъ: „Христосъ Воскресе!“ и попросилъ меня любить его, дитя. Потомъ они оба улыбнулись мнѣ — Іосифъ и ребенокъ—и исчезли за окномъ, словно растаяли въ колокольномъ звонѣ.

— Аминь!—сложилъ руки отецъ Вацлавъ.— Они ушли радоваться на небо... Душа Рувима такъ тянулась туда: ему трудно было бы жить на землѣ; земныя ласки чужды душѣ, тоскующей о небесномъ.

И онъ разсказалъ о томъ, какъ принялъ послѣднія слова Рувима и далъ ему послѣдній поцѣлуй.

— Въ тюрьмѣ ребенокъ тосковалъ о солнцѣ... А мнѣ жаль, что онъ не увидалъ его на землѣ,—сказалъ старецъ, отирая слезы.—Нужно помолиться за Рувима.

И они всѣ стали молиться за усопшаго подъ затишающій звонъ колоколовъ.

—

Утромъ графъ самъ дошелъ до ложа ребенка; его руки только что приласкали дѣвочку Елену, радовавшуюся солнцу, свѣту и ласкѣ: она ничего не знала о томъ, что ея другъ ушелъ на небо.

Графъ долго смотрѣлъ на маленькій трупъ, осыпанный цвѣтами весны, на чистое красивое личико,—и тихо сказалъ отцу Вацлаву, беря его за руку:

— Чѣмъ заплатимъ мы за эти жертвы? что скажемъ Господу? какъ отвѣтимъ за нихъ?

— Отвѣтимъ любовью къ другимъ,—опустивъ голову, сказалъ священникъ,—осыплемъ ихъ ласками, сдѣлаемъ свѣтлой ихъ сиротскую долю... Война скосила много

цвѣтовъ, она опустошила поля Галиціи и Польши: будемъ беречь оставшіеся намъ цвѣты... Мы, вѣдь, тоже потеряли многое: вѣру въ людей, въ правое дѣло; можетъ быть, Господь проститъ намъ за эти тяжелыя потери... Не будемъ жалѣть этого мученика: Господь принялъ его свѣтлую душу. Смотрите, онъ точно улыбнулся, умирая.

И оба еще долго любовались на осыпанное цвѣтами личико, улыбавшееся имъ изъ цвѣтовъ кроткой и свѣтлой небесной улыбкой.

Весеннее солнце осыпало послѣднее ложе Рувима, точно желая вознаградить его заразъ за всѣ долгіе мѣсяцы, когда ребенокъ тосковалъ въ душной тюрьмѣ по свѣту и волѣ, исполняя свой долгъ. Въ день Христа его открывшіеся для неба глаза увидѣли иной свѣтъ, и ему уже не нужны были цвѣты мадьярскаго города. Бѣдный цвѣтокъ галиційскихъ полей уже не могъ видѣть ни ихъ, ни поздней ласки: ему не нужно было ничего на землѣ.

— Онъ воскресъ въ Царствѣ Господа,—проговорилъ отецъ Вацлавъ,—но воскреснетъ ли Галиція? Помоги ей, Боже Милосердный. Можетъ быть, враги будутъ добрѣе къ ней, чѣмъ свои!

И графъ Долеско сказалъ съ печальнымъ убѣжденіемъ:

— Я думаю, что это будетъ такъ, мой отецъ.

А. Макарова-Мирская.

Часовня.

Кой-гдѣ средѣ улицъ суетливыхъ
Святымъ крестомъ осѣнены,
Какъ островки средѣ волнъ бурливыхъ
Часовни малыя видны.

Толпы проходятъ передъ ними,
Вокругъ движеніе и шумъ...
Но, полонъ думами своими,
Собой лишь занятъ каждый умъ—
Что за расчетъ искать чужого?
Немало собственныхъ заботъ.
Что за нужда до дѣлъ другого?
Скорѣй, скорѣе же впередъ.

Вѣдь взглядъ исполненный участя
Не облегчитъ больную грудь,
Бѣднякъ пусть самъ поищетъ счастья,
Найдетъ, быть можетъ, какъ-нибудь.

Едва ли встрѣтишь состраданье,
Привѣтъ для сердца дорогой,
Скорѣе новое страданье,
При видѣ сухости людской;

А тамъ внутри часовни малой
Царить святая тишина,
И говорить душѣ усталой
О вѣчномъ отдыхѣ она;

Кто бѣ ни былъ ты, войди, не бойся,
И для тебя открыта дверь,
Здѣсь отдохни и успокойся,
Всѣ скорби Господу повѣрь;

Какъ все для сердца здѣсь знакомо,
Тутъ уголокъ для всѣхъ родной,
И самъ ты здѣсь какъ будто дома,
Здѣсь ты не лишній, не чужой;

Смягчаетъ все души страданье:

Лампадъ мерцаніе цвѣтныхъ

И полумракъ, и ризъ сіянье,

И лики кроткіе святыхъ.

Кто бѣ ни былъ ты, богачъ иль бѣдный,
Уйди на мигъ отъ суеты,
Здѣсь ликъ Заступницы усердной
И ликъ Христа увидишь ты;

Войди заботой удрученный

Хотя на нѣсколько минутъ,

Повѣрь, молитвой освященный

Успѣшнѣй будетъ всякій трудъ.

Здѣсь окрылишься ты душою
Въ бесѣдѣ съ Господомъ твоимъ,
И съ тихой думою святою,
Быть можетъ выйдешь ты другимъ.

* * *

Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи за послѣднюю четверть истекшаго столѣтія *).

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ учрежденіи въ епархіи, призванномъ удовлетворять нуждамъ миссіи—о миссіонерско-плаломщической школѣ. Согласно постановленію 1-го Всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Москвѣ синодальными правилами, отъ 1888 года 25 мая за № 1116, предписывалось „заботиться объ устройствѣ школъ для подготовленія способныхъ крестьянъ къ миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ и сектантовъ, по образцу школы, основанной въ г. Вяткѣ о. протоіереемъ Кашменскимъ ¹⁾). Когда на первомъ епархіальномъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Тамбовѣ въ 1892 году зашелъ вопросъ о содѣйствіи приходскимъ пастырямъ въ ихъ борьбѣ съ расколо-сектантами со стороны прихожанъ, то съѣздъ постановилъ: „такъ какъ раскольники и сектанты смотрятъ на приходскихъ священниковъ и духовныхъ миссіонеровъ, какъ на лицъ, прямо заинтересованныхъ въ защитѣ православной церкви. по самому положенію своему, и потому недовѣрчиво относятся къ бесѣдамъ послѣднихъ, то представляется весьма желательнымъ содѣйствіе самихъ

*) *Окончаніе*. См. м. мартъ „Г. Ц.“.

¹⁾ См. прав. 8-е.

прихожанъ въ борьбѣ съ сектантами. Для подготовленія такихъ поборниковъ изъ прихожанъ, съѣздъ находитъ весьма полезнымъ устройство въ Тамбовѣ миссіонерской школы по образцу Вятскаго миссіонерскаго училища“. Такимъ образомъ мѣстный съѣздъ пришелъ къ мысли, высказанной 1-мъ Всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ. При обсужденіи приведеннаго мнѣнія Тамбовскаго съѣзда, Совѣтъ Братства, журналомъ отъ 16 мр.—2 апр. 92 г. за № 5, постановилъ: „просить Вятское Святителя Николая Братство выслать въ Совѣтъ уставъ и программу миссіонерскаго училища и по полученіи имѣть сужденіе объ открытіи такого училища въ Тамбовѣ“. Когда вторично, въ засѣданіи 18 мая. Совѣтъ обсуждалъ этотъ вопросъ, то пришелъ къ заключенію, что „самостоятельное существованіе такой школы въ Тамбовѣ невозможно, по ограниченности денежныхъ средствъ, посему просить Его Преосвященство преобразовать существующую при архіерейскомъ домѣ школу церковнаго пѣнія введеніемъ въ ея курсъ преподаванія краткихъ существенно-необходимыхъ свѣдѣній по расколосектантству, причемъ поручить составленіе программы особой комисіи изъ преподавателя семинаріи по расколу и двухъ епархіальныхъ миссіонеровъ“. По утвержденіи 29 мая заключенія Совѣта мѣстнымъ Преосвященнымъ, была составлена особая комиссія, которая выработала требуемую программу и представила ее на разсмотрѣніе Совѣта Братства. Совѣтъ одобрилъ программу и 23 іюня вошелъ съ ходатайствомъ къ Его Преосвященству, въ которомъ просилъ „переименовать школу церковнаго пѣнія при архіерейскомъ домѣ въ миссіонерско-псаломщическую съ двухгодичнымъ курсомъ; назначить 4 урока въ недѣлю по исторіи раскола и сектантства для 1-го класса и 6 уроковъ для обличенія раскола и сектантства во 2-мъ классѣ; учредить должность помощника епархіальнаго противосектантскаго миссіонера съ возложеніемъ на него обязанности за-

ниматься въ школѣ ¹⁾ и назначить ему содержаніе 700 р. въ годъ, остающихся изъ оклада содержанія о. епархіальнаго противосектантскаго миссіонера, за опредѣленіемъ его въ штатнаго священника кафедральнаго собора“. Въ томъ-же году 1-го іюля Преосвященный утвердилъ ходатайство Совѣта ²⁾, а въ 1893 году для завѣдыванія дѣлами школы былъ составленъ особый комитетъ, подъ предѣтельствомъ о. ректора семинаріи ³⁾. По поводу открытія этой школы въ отчетѣ Братства за 1892 годъ читаемъ: „самое видное мѣсто изъ всѣхъ мѣропріятій Братства, направленныхъ къ искорененію раскола и сектантства, по справедливости должно занять учрежденіе и открытіе въ сентябрѣ мѣсяцѣ отчетнаго года миссіонерско-псаломщической школы. Школа эта преобразована, въ виду запросовъ времени, изъ существовавшей доселѣ при Тамбовскомъ архіерейскомъ домѣ, открытой на средства Преосвященнаго епископа Іеронима, школы церковнаго пѣнія. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы

¹⁾ *Примеч.* тутъ званіе: „помощн. епарх. мисс.“?!. Развѣ обязанность заниматься въ школѣ лежитъ на епарх. миссіонерѣ и развѣ съ цѣлью освободить его отъ занятій въ школѣ учреждалась новая должность?!.. Конечно нѣтъ!.. Въ данномъ случаѣ это лишь игра словъ для большаго удобства передвиженія суммъ епархіальной миссіи на нужды школы!.. Но развѣ Епарх. сѣздъ духовенства въ янв. 1887 года для сей цѣли установилъ сборъ?!.. Вѣдь такимъ путемъ можно довести дѣло до того что сборъ *поступаетъ* на содержаніе двухъ специальныхъ епархіал. миссіонеровъ, а *расходуется* на содержаніе гг. преподавателей какихъ-то школъ, или о. о. штатныхъ іереевъ!.. Впрочемъ, какъ видно изъ братскихъ отчетовъ, Братство съ 1893 года отпускаетъ на нужды школы лишь 600 р. и притомъ изъ *своихъ средствъ* для уплаты жалованья преподавателямъ миссіонерскихъ предметовъ въ школѣ;—очевидно, что суммы епархіальной миссіи **не** расходуются на сіе!..

²⁾ *Разрѣшеніе* епархіальному Преосвященному преобразование школы, Св. Синодъ предоставилъ ему право дѣлать измѣненія въ программѣ по расколу и сектантству, по указанію опыта и примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ.

³⁾ До 1896 года въ составъ комитета миссіонерско-псаломщ. школы не входили епархіальные миссіонеры и **лишь**, когда стали раздаваться голоса, недовольные школой,—появляются въ составѣ комитета школы и епархіал. миссіонеры, конечно, въ качествѣ громомовода!!.

приготовлять опытныхъ въ чтеніи и пѣніи псаломщиковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ, располагая нѣкоторыми специальными свѣдѣніями по важнѣйшимъ вопросамъ православной и сектантской догматики, могли-бы быть ближайшими помощниками приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ на путь правый. Сообразно такой задачѣ, въ программу школы введено преподаваніе краткихъ, существенно-необходимыхъ свѣдѣній по расколу и сектантству³⁾. Въ настоящее время миссіонерско-псаломщическая школа представляетъ правильно организованное учебное заведеніе съ двухгодичнымъ курсомъ. Послѣ Закона Божія первенствующее мѣсто въ программѣ школы, нѣсколько большей курса двукласной церковно-приходской школы, отведено миссіонерскимъ предметамъ... При незначительномъ пособіи отъ Братства (240 руб.), школа содержится на средства, изыскиваемая Преосвященнымъ“. Такимъ образомъ, предложеніе миссіонерскихъ сѣздовъ, одобренное синодальными правилами объ устройствѣ миссій,—о необходимости учрежденія въ епархіяхъ *самостоятельныхъ* миссіонерскихъ школъ для лицъ *крестьянскаго* сословія, съ цѣлью образованія изъ нихъ контингентъ помощниковъ сельскихъ пастырей въ ихъ борьбѣ съ расколосектантами, для Тамбовской епархіи было отвергнуто и предлагаемый типъ школы замѣненъ обычной духовно-сословной школой со специальнымъ назначеніемъ дать пріютъ неудачникамъ, почему-либо выбывшимъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, или не мо-

³⁾ Неужели программа школы пѣнія была вполне пригодна для цѣлей миссій?! Въдъ она преслѣдовала развитіе преимущественно вокальных способностей питомцевъ школы, въ значительный ущербъ ихъ общему развитію, которое въ миссіонерской школѣ стоитъ на первомъ планѣ!. Да и вообще, какъ примирить интересы двухъ отдѣловъ школы: псаломщическаго и миссіонерскаго, безъ ущерба одному изъ нихъ?! Нерѣдко хорошій для псаломщчества, т.-е. прекрасно поющій и читающій питомецъ школы оказывается вполне непригоднымъ для цѣлей миссій—куда дѣвать его? Очевидно, сочетаніе двухъ цѣлей школы невозможно...

гущимъ поступить въ нихъ, посредствомъ снабженія таковыхъ лицъ, по истеченіи двухлѣтняго обученія ихъ въ школѣ, правами на полученіе мѣстъ: псаломщика, псаломщика-миссіонера, псаломщика—учителя церковно-приходскихъ школъ и, по истеченіи 5 лѣтъ службы,—діакона, безъ новаго устнаго испытанія!.. Думаемъ, что данное явленіе,—разумѣемъ права школы, программа которой лишь „нѣсколько больше курса двухклассной церк.-приход. школы“,—рѣдкое въ русскихъ епархіяхъ, если только не единственное!.. Ужъ если, по мнѣнію Совѣта Братства, въ Тамбовской епархіи не могла быть открыта *самостоятельная* миссіонерская школа, то не лучше-ли было открыть ее не при школѣ, имѣющей программу лишь „нѣсколько“ большую курса двухклассной церковно-приходской школы, а при школѣ съ *значительно* большей программой, каковы напр. второклассныя церковно-приходскія школы, въ изобиліи имѣющіяся въ Тамбовской епархіи. Въ пользу этого мнѣнія можно привести еще слѣдующія соображенія: въ 1-хъ, Братство оплачиваетъ 10 недѣльныхъ миссіонерскихъ уроковъ въ названной школѣ 600-ми рублями въ годъ, считая по 60 руб. за урокъ,—плата, по нашему мнѣнію, весьма высокая для учителя школы по типу начальныхъ церковно-приходскихъ школъ!.. Между тѣмъ, при открытіи миссіонерскаго отдѣла при второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ видѣ тѣхъ-же 10 уроковъ ¹⁾, для вознагражденія преподавателя, избираемаго изъ учительскаго персонала школы, потребовалось-бы максимумъ 150—200 руб. въ годъ; такимъ образомъ на 600 руб. были-бы открыты не одна, а три—четыре миссіонерскія школы; въ 2-хъ

¹⁾ Эти уроки могутъ быть введены или въ видѣ *добавочныхъ*, или *взаимныхъ* какихъ-либо изъ необязательныхъ для преподаванія въ сихъ школахъ предметовъ, напр. физики, геометріи... Въ послѣднемъ случаѣ гонораръ преподавателя можно ограничить 150 руб. въ годъ, съ строгимъ контролемъ надъ его дѣятельностью со стороны вѣдающихъ дѣлами миссіи.

—эти школы были бы несравненно цѣннѣе для миссіонерскаго дѣла, потому-что открывались-бы въ крупныхъ сектантскихъ селахъ или вблизи ихъ²⁾, и ихъ питомцы, сверхъ достаточной общеобразовательной подготовки къ слушанію миссіонерскихъ предметовъ, имѣли-бы возможность *практически* знакомиться съ противосектантской полемикой, подъ руководствомъ своихъ преподавателей и миссіонеровъ, пріѣзжающихъ въ села для бесѣдъ; въ 3-хъ—питомцы второклассной, а слѣдовательно и миссіонерской школы, какъ дѣти крестьянъ, вызвали-бы громадное сочувствіе къ дѣлу миссіи со стороны своихъ родныхъ и другихъ сельчанъ, особенно если достойнѣйшихъ изъ нихъ наградить правами предоставленными питомцамъ миссіонерско-псаломщической школы³⁾; въ 4-хъ, наконецъ, этотъ типъ школъ весьма близокъ къ рекомендованной Св. Синодомъ школѣ протоіерея Кашменскаго и потому даетъ основаніе, при затратѣ незначительныхъ средствъ, рассчитывать на успѣхъ, гарантируемый и достаточно обширной общеобразовательной программой второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Ближайшее наблюденіе за миссіонерской дѣятельностью названныхъ школъ и ходомъ преподаванія въ нихъ миссіонерскихъ предметовъ, а также и руководство ими можно возложить на окружныхъ и епархіальныхъ миссіонеровъ.— Но вернемся къ существующей миссіонерско-псаломщической школѣ. Представьте себѣ образовательный цензъ лицъ предъ поступленіемъ ихъ въ школу, которая лишь спустя два года снабдитъ ихъ знаніями „нѣсколько больше курса

²⁾ И то и другое въ Тамбов. епарх. вполне достижимо, т. к. нѣсколько второклассныхъ школъ находится въ крупныхъ центрахъ сектантства, а нѣсколько вблизи таковыхъ.

³⁾ Конечно безъ общанія мѣста діаконскаго черезъ 5 лѣтъ службы, такъ-какъ оно можетъ дать не малый поводъ къ небреженію дѣломъ миссіи въ должности псаломщика и учителя. А лучше саномъ діакона награждать уже *достойно* потрудившихся на миссіонерскомъ поприщѣ въ низшихъ должностяхъ.

двуклассной церк.-приходской школы“!.. Безъ сомнѣнія вы поразитесь, какъ возможно въ теченіе двухъ лѣтъ образовывать ихъ настолько, чтобы они хотя отчасти были достойны получаемыхъ правъ и дѣйствовали въ качествѣ „ближайшихъ помощниковъ приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ на путь правый“?! Въ одной принадлежности къ „пути правому“ недостаточно для просвѣщенія свѣтомъ его другихъ... для сего еще требуется ясное и точное пониманіе „пути праваго“ и умѣнье открыть неправоту въ „пути неправомъ“... Но послѣдняго мы не признаемъ за питомцами миссіонерско-псаломщической школы, какъ вслѣдствіе крайняго недостатка въ общемъ развитіи ихъ умственныхъ способностей, такъ и вслѣдствіе ничтожности времени, удѣляемаго на ихъ миссіонерское образованіе. Не говоримъ уже о томъ, что и самый методъ преподаванія въ школѣ напр., исторія и обличенія раскола по извѣстнѣйшему въ семинаріяхъ и академіяхъ учебнику проф. Н. Ивановскаго заслуживаетъ лишь удивленія!.. Да и программа по обличенію сектантства поражаетъ своею краткостью и несоотвѣтствіемъ нуждамъ миссіонерскаго дѣла въ Тамбовской епархіи. Напримѣръ, на выпускномъ экзаменѣ за 1900 годъ она состояла изъ слѣдующихъ 7 билетовъ:

1 б. 1) Ученіе молоканъ объ іерархіи. Истинность православнаго ученія объ іерархіи. Основанія, приводимыя молоканами въ оправданіе своего ученія объ іерархіи и опроверженіе ихъ.

2 б. Ученіе молоканъ о таинствахъ. Опредѣленіе слова: „таинство“. Разборъ ученія молоканъ о таинствѣ крещенія. Свидѣтельства Св. Писанія о водномъ крещеніи.

3 б. О почитаніи святыхъ противъ молоканъ. Ученіе правосл. церкви о почитаніи святыхъ. Доказательства Св. Писанія о необходимости почитанія святыхъ. Возраженіе молоканъ противъ почитанія святыхъ.

4 б. О молитвенномъ призываніи святыхъ противъ молоканъ. Ученіе правосл. церкви о благоугодности (?) призыванія святыхъ, свидѣтельства

1) Въ программѣ счетъ билетовъ идетъ подъ №№ 12—18; а первые 11 билетовъ по обличенію раскола.

Св. Писанія. Возраженія молоканъ противъ ученія церкви о молитвенномъ призываніи святыхъ? основанія, приводимыя ими. Опроверженіе такихъ основаній. Свидѣтельства Св. Писанія, приводимыя молоканами въ защиту своего ученія.

5 б. О храмѣ и объ иконопочитаніи противъ молоканъ. Ученіе о храмѣ и объ иконопочитаніи Св. Писанія. Доказательства древности иконопочитанія. Свидѣтельства Св. Писанія.

6 б. Смыслъ и значеніе иконопочитанія. Мѣста изъ Св. Писанія, приводимыя молоканами противъ сей истины, и неосновательность ихъ.

7 бил. Критическій разборъ основнаго принципа молоканскаго Богопочтенія.

Должно замѣтить, что питомцы школы знакомятся со взглядами молоканъ на разные спорные предметы, уже отжившими не у однихъ Тамбовскихъ молоканъ; напр. — „вода—ученіе“; „иконы—идолы“ и пр... Сверхъ ничтожнаго знакомства съ молоканствомъ питомцы школы не получаютъ никакихъ свѣдѣній о другихъ, также сильно распространенныхъ въ Тамбовской епархіи и не менѣе живучихъ сектахъ, каковы: обрядовая штунда, или штунда-баптизмъ, хлыстовщина и субботничество, или жидовство. Все это обезцѣниваетъ миссіонерское значеніе школы до 0. И не мы одни такого мнѣнія. Уже сдѣлано было четыре выпуска въ школѣ, а Совѣтъ „не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о мѣстѣ службы, ни о дѣятельности псаломщиковъ-миссіонеровъ“ и лишь по привычкѣ продолжалъ писать въ братскихъ годовичныхъ отчетахъ, что „во главѣ всѣхъ мѣропріятій братства ¹⁾, направленныхъ къ ослабленію расколо-сектантства въ епархіи по-прежнему стояла миссіонерско-псаломщическая школа“... Между тѣмъ вопросъ о школѣ былъ поднятъ на 2-мъ Епархіальн. миссіонерскомъ сѣздѣ въ засѣданіи 27 янв. 1898 г. По заявленію чле-

¹⁾ Такъ-какъ школа обязана братству лишь 600 руб. ежегодной субсидіи и такъ какъ дѣлами ея завѣдуетъ не Совѣтъ Братства, а особый комитетъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Его Преосвященства, то она вовсе не можетъ считаться „мѣропріятіемъ Братства“, а является учрежденіемъ епархіальнымъ.

новъ сѣзда: „вышедшіе изъ школы псаломщики-миссіонеры являются мало подготовленными къ веденію бесѣдъ съ заблуждающимися; у нихъ даже нѣтъ желанія служить въ расколо-сектантскихъ приходахъ. Да отъ названной школы и *нельзя ожидать* благоприятныхъ результатовъ для нашей миссіи, такъ-какъ въ нее поступаютъ неразвитые и мало учившіеся юноши, которые втеченіе двухъ лѣтъ, при массѣ другихъ занятій, не могутъ физически овладѣть необходимыми полемическими познаніями. Между тѣмъ Братство расходуетъ на эту школу ежегодно 600 руб. Находя этотъ расходъ бесполезнымъ, сѣздъ ходатайствуетъ предъ Его Преосвященствомъ о закрытіи въ школѣ преподаванія миссіонерскихъ предметовъ и о назначеніи освободившейся Братской субсидіи на устройство по селамъ миссіонерскихъ курсовъ“. Обсуждая постановленіе сѣзда, состоящаго изъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣятельностью питомцевъ школы, такъ какъ послѣдніе служатъ въ приходахъ подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, Совѣтъ Братства пришелъ къ заключенію, что „сѣздъ не указалъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ высказалъ невыгодное мнѣніе о миссіонерско-псаломщической школѣ (!), а Совѣтъ не имѣетъ свѣдѣній о служебной дѣятельности воспитанниковъ сей школы ¹⁾, почему и не находитъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ сѣзда о прекращеніи преподаванія миссіонерскихъ предметовъ въ школѣ и полагалъ-бы сужденіе о миссіонерско-псаломщической школѣ отложить впродъ до полученія свѣдѣній о питомцахъ сей школы. А тѣмъ временемъ просить Консисторію собрать чрезъ оо. благочинныхъ свѣдѣнія, въ какіе приходы поступили воспитанники миссіонерско-псаломщической школы и занимаются-ли они и какъ миссіонерскимъ дѣломъ“.

¹⁾ Почему же Совѣтъ не собиралъ такихъ свѣдѣній, — неужели слѣпо надѣялся на миссіонерскую правоспособность питомцевъ школы?!

И такъ, грянулъ громъ!.. Совѣтъ пробудился отъ долготнѣй спячки и приступилъ къ провѣркѣ своего взгляда на школу путемъ собранія „данныхъ“... Не обратилъ онъ вниманія на то, что не голословно-же оо. миссіонеры высказались на сѣздѣ противъ школы и что у нихъ-же придется оо. благочиннымъ добывать требуемыя Совѣтомъ свѣдѣнія!.. Пока постановленіе Совѣта приводилось въ дѣйствіе, Совѣтъ въ братскомъ отчетѣ за 1898 годъ выступилъ съ длинной апологіей въ пользу школы: „принимало, пишетъ онъ, Братство въ отчетномъ году дѣятельное участіе и въ судьбѣ миссіонерско-псаломщической школы ¹⁾. Задача ея состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы приготовить опытныхъ въ чтеніи и пѣніи псаломщиковъ ²⁾. При участіи Совѣта Братства въ курсъ школы въ 1892 г. ³⁾ введено преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ, откуда школа собственно и получила свое настоящее названіе. При этомъ Братство не имѣло въ виду сдѣлать изъ учениковъ псаломщической школы настоящихъ миссіонеровъ ⁴⁾, а дать имъ возможность, хотя кратко, ознакомиться съ расколомъ и сектантствомъ. Свѣдѣнія по расколо-сектантству далеко не лишни для псаломщиковъ при современныхъ условіяхъ жизни приходскаго духовенства. Въ случаѣ поступленія въ раскольническія и сектантскія села, куда многіе изъ воспитанниковъ псаломщической школы дѣйствительно и опредѣлены ⁵⁾, они могутъ быть полезны при-

¹⁾ Здѣсь Братство говоритъ лишь о своемъ „участіи“ въ судьбѣ школы, не выставляя ее „однимъ изъ видныхъ *мѣропріятій* Братства“!..

²⁾ Sic!.. Почему же доселѣ Совѣтъ полагалъ задачу школы въ выпускѣ не просто псаломщиковъ и не „главнымъ образомъ“ ихъ, — а „псаломщиковъ-миссіонеровъ“, отчего и школа называется „миссіонерско псаломщической“?!..

³⁾ Не „при участіи“, — а исключительно по мысли Совѣта Братства!..

⁴⁾ Конечно, не было у Совѣта цѣли выпускать псаломщиковъ и „не миссіонеровъ“, иль только слывающихъ за миссіонеровъ?!..

⁵⁾ Но откуда же Совѣтъ вдругъ узналъ объ этомъ, когда, по его же заключенію, онъ „не имѣлъ свѣдѣній ни о мѣстѣ службы, ни о служебной дѣятельности питомцевъ школы“ и лишь во 2-ой половинѣ 98 г., вслѣдствіе

ходскимъ священникамъ въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ на путь правый. Въ самомъ дѣлѣ, приходскіе священники, при всемъ желаніи послужить дѣлу миссіи, отвлекаются отъ этого исполненіемъ другихъ пастырскихъ обязанностей, кругъ которыхъ съ каждымъ годомъ расширяется¹⁾. По мысли Братства, въ подобныхъ случаяхъ способные псаломщики, располагающіе нѣкоторыми познаніями въ области раскола и сектантства, и должны оказать помощь священникамъ. По мѣстамъ, расчеты эти оправдываются²⁾. Поэтому Братство и поддерживаетъ школу, отпуская ежегодно по 600 руб. на ея содержаніе“³⁾. Насколько удачна приведенная апологія, можно видѣть изъ нашихъ подстрочныхъ комментарій къ ней... Мы уже сказали, что съ цѣлью выяснить миссіонерское значеніе школы, Совѣтъ Братства въ половинѣ 1898 г. приступилъ къ собиранію свѣдѣній о мѣстѣ службы и о служебной дѣятельности бывшихъ питомцевъ школы, которыхъ, со времени преобразованія ея въ миссіонерско-псаломщическую и кончая выпускомъ 1898 года, числилось 75 человекъ. Въ іюнѣ 1899 года

извѣстнаго постановленія о школахъ 2 епарх. мисс. сѣзда, приступилъ къ собиранію такихъ свѣдѣній, а получилъ ихъ изъ Консисторіи во 2-ой половинѣ 1899-го года?!! (см. Журн. Сов. Бр. за 1898 г. № 5; ст. 1, пункт. а, справка къ п. 5;—Отчетъ 1898 г. стр. 9-я срав. 1896 г., стр. 34).

1) Какъ иногда Совѣтъ прекрасно выражался и какъ на дѣлѣ онъ доказалъ иное, облекая приход. священниковъ званіемъ даже специальныхъ миссіон. и, наоборотъ, обращая специальныхъ миссіонеровъ въ приходскихъ священниковъ?!!

2) Какія же данныя имѣлъ Совѣтъ для подобнаго утвержденія?!! Въдь мы уже видѣли, что по собственному его заявленію, онъ „не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о мѣстѣ службы и служебной дѣятельности питомцевъ школы“ и что такіа свѣдѣнія онъ получилъ впервые изъ консисторіи лишь во 2-ой половинѣ 1899 года?!! Да и полученные въ 1899-мъ (а не 1898-мъ!..) году свѣдѣнія, какъ увидимъ, приводили къ обратному заключенію!..

3) Ясно, что если собираемыя Братствомъ свѣдѣнія не оправдываютъ расчетовъ Братства, то и субсидія школахъ отъ Братства прекратится? Но вышло иначе: свѣдѣнія, какъ увидимъ, не оправдали расчетовъ Братства, а субсидія осталась!..

Совѣтъ получилъ отношеніе Консисторіи за № 8244, при коемъ представлены были донесенія оо. благочинныхъ епархіи о миссіонерской дѣятельности псаломщиковъ, окончившихъ курсъ въ миссіонерско-псаломщической школѣ. Изъ донесеній оо. благочинныхъ оказалось, что „изъ 50 псаломщиковъ-миссіонеровъ, о коихъ собраны свѣдѣнія, только меньшая часть, 20 человѣкъ, поступили въ расколо-сектантскіе приходы, большинство-же служить въ несектантскихъ приходахъ. Изъ числа 20-ти псаломщиковъ, служащихъ въ расколо-сектантскихъ приходахъ, миссіонерскимъ дѣломъ не занимаются вовсе 13 человѣкъ; одинъ не занимается по неспособности; одинъ по непримѣнимости познаній, вынесенныхъ изъ школы, одинъ по глухотѣ ¹⁾, дѣятельность одного почти не замѣтна; двое недавно поступили и еще не успѣли проявить себя для дѣятельности и только одинъ дѣятельно помогаетъ священнику въ дѣлѣ миссіонера“ ²⁾. Такимъ образомъ, изъ выпущенныхъ до 1899 года школой 60 питомцевъ были собраны свѣдѣнія, касающіяся 50 человѣкъ, т. е. вполне достаточныя для сужденія о миссіонерскомъ значеніи школы. По этимъ справкамъ оказывается, что первымъ тормазомъ для достиженія школой миссіонерскихъ цѣлей является служба ея питомцевъ въ незараженныхъ расколо-сектантствомъ приходахъ, вторымъ—еще болѣе важнымъ—непригодность ихъ къ миссіонерству, такъ что изъ 20-ти только „одинъ дѣятельно помогаетъ священнику въ дѣлѣ миссіонерства“, хотя и о немъ не имѣется болѣе подробныхъ „данныхъ“!.. Если теперь вспомнимъ мнѣніе тѣхъ же оо. миссіонеровъ, у коихъ отобраны были приведенныя оо. благочинными свѣдѣнія, высказанное ими еще на сѣздѣ въ январѣ

¹⁾ А развѣ „глухота“ не препятствуетъ исполненію псаломщичьихъ обязанностей?!.. Видно, не такъ ужъ она сильна!..

²⁾ См. Журн. „Сов. Бр.“ за 1899 г. № 7, ст. 1-я.

1898 г., что „вышедшіе изъ школы псаломщики-миссіонеры являются мало подготовленными къ веденію бесѣдъ съ заблуждающимися; у нихъ даже нѣтъ желанія служить въ расколо-сектантскихъ приходахъ; да отъ названной школы и нельзя ожидать благопріятныхъ результатовъ для миссіи, такъ какъ въ нее поступаютъ неразвитые и малоучившіеся юноши, которые втеченіе двухъ лѣтъ, при массѣ другихъ занятій, не могутъ физически овладѣть необходимыми полемическими познаніями“...., то увидимъ, что оно вполнѣ подтверждается новыми—цифровыми данными,—да иначе и быть не могло!.. Сверхъ сего, собранныя цифровыя данныя наглядно показали, что миссіонерско-псаломщическая школа за время съ 1892 г.—1898 г. оправдала свое миссіонерское назначеніе лишь въ одномъ питомцѣ ¹⁾, и что этотъ питомецъ обошелся Братству въ 3240 руб.!... Комментаріи излишни...

Но, не смотря на столь очевидную непригодность школы для миссіонерскаго дѣла, Совѣтъ Братства въ сентябрьскомъ засѣданіи 1899 г. постановилъ: „принимая во вниманіе, что въ донесеніяхъ оо. благочинныхъ не объясняются причины, почему именно большинство изъ тѣхъ окончившихъ школу псаломщиковъ, которые поступили въ расколо-сектантскіе приходы, не занимаются миссіонерскимъ дѣломъ ²⁾, Совѣтъ не находитъ достаточныхъ основаній заключать о непримѣнности ихъ познаній по расколу и ихъ неподготовленности, дѣлающей самое преподаваніе раскола въ школѣ мало полезнымъ, а потому полагалъ-бы оставить до времени программу названной школы въ ея настоящемъ

¹⁾ Впрочемъ, относительно этого „одного“ не имѣется подробныхъ „данныхъ“ и мисс. дѣятельность его можетъ считаться не вполнѣ доказанной.

²⁾ Неужели Совѣтъ забылъ мнѣніе о школѣ, высказанное тѣми-же оо. миссіонерами на 2 Епарх. мисс. съѣздѣ! Да и изъ данныхъ, представленныхъ оо. благочинными, слишкомъ ясна непримѣнность познаній питомцевъ школы къ нуждамъ приходской миссіи!..

видѣ ¹⁾. Просить комитетъ, завѣдующій дѣлами школы, представлять каждый годъ разрядной списокъ окончившихъ курсъ въ указанной школѣ воспитанниковъ Его Преосвященству для соображеній, при опредѣленіи ихъ на мѣста псаломщиковъ въ расколо-сектантскіе приходы ²⁾. Просить Его Преосвященство назначить членомъ комитета школы одного изъ членовъ Совѣта Братства, наиболѣе знакомаго съ миссіонерскимъ дѣломъ ³⁾. Какъ ни отстаивалъ Совѣтъ миссіонерское значеніе школы, обязанной открытіемъ его инициативѣ, церковно-приходская жизнь въ расколо-сектантскихъ селахъ настойчиво требовала: или болѣе широкой постановки преподаванія въ школѣ миссіонерскихъ предметовъ въ значительный ущербъ псаломщическимъ, что влекло за собой коренное преобразование школы; или же, что несравненно лучше, открытія самостоятельной миссіонерской школы въ духъ Синодальныхъ правилъ, или, наконецъ, въ видѣ спеціально-миссіонерскаго отдѣла при второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, въ пользу чего мы привели уже рядъ соображеній. О томъ же заявляли и гг. епархіальные противосектантскіе миссіонеры,

¹⁾ Ужъ это заключеніе не логично!.. Скорѣе **нужно было бы** потребовать отъ оо. благочинныхъ „объясненія причинъ“!!! Видно, что „ясное“ не нуждалось въ „объясненіи“!!

²⁾ Что же доселѣ дѣлалъ „комитетъ“?! И неужели доселѣ безъ разбора опредѣляли питомцевъ школы на мѣста?! Притомъ, мы не понимаемъ, почему дѣла, касающіяся школы, поступаютъ въ „комитетъ“, завѣдующій ея дѣлами, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Преосвященнаго, а въ совѣтъ братства, который не призванъ управлять дѣлами школы, а лишь оказываетъ ей отъ братства матеріальную субсидію?!. Въ противномъ случаѣ, къ чему существуетъ „особый комитетъ для управленія дѣлами школы“?!.. Существующій порядокъ лишенъ законныхъ основаній и сдѣлался практикой, благодаря тому, что предсѣдателемъ комитета и предсѣдателемъ совѣта **бр.** являлось всегда одно и то же лицо!..

³⁾ Это же съ какой цѣлью? Вѣроятно для большаго успѣха защиты въ комитетѣ взглядовъ совѣта на школу?! Вѣдь въ числѣ членовъ совѣта не было *ни одного*, практически знакомаго съ дѣломъ миссіи, за исключеніемъ г. G—каго, но избранъ былъ не онъ!

изъ коихъ напр. одинъ писалъ въ своемъ отчетѣ за 1899 годъ: „безсиліе лучшаго изъ питомцевъ миссіонер.-псаломщ. школы въ борьбѣ съ сектантами я вполне объясняю несоотвѣтствіемъ упомянутой школы нуждамъ современной миссіи, такъ что эти питомцы служатъ лишь нагляднымъ доказательствомъ необходимости реформированія миссіонерскаго отдѣленія означенной школы“... Голосъ миссіонеровъ, тождественный съ приведеннымъ мнѣніемъ съѣзда и доставленными въ Совѣтъ свѣдѣніями, тѣмъ болѣе долженъ быть цѣненъ, что они имѣютъ возможность провѣрять миссіонерскія способности питомцевъ школы и на мѣстѣ ихъ практической миссіонерскоо дѣятельности, да и интересы школы имъ дороги не менѣе, чѣмъ кому-либо изъ членовъ Совѣта Братства, такъ какъ, состоя членами комитета, завѣдующаго дѣлами школы, они тѣмъ самымъ морально отвѣчаютъ за ея успѣхъ. Но Совѣтъ, въ слѣпой защитѣ существующаго строя школы, пренебрегалъ мнѣніями, несогласными съ его взглядами на школу и для лучшей защиты послѣднихъ постановилъ усилить составъ комитета школы однимъ членомъ изъ лицъ, входящихъ въ составъ Совѣта Братства ¹⁾!.. Сверхъ всего, съ цѣлью уменьшить нападки на школу, была сдѣлана попытка вычеркнуть изъ состава экзаменаціонныхъ комиссій по миссіонерскимъ предметамъ въ школѣ г.г. епархіальныхъ миссіонеровъ, которые и избраны-то были въ члены комитета школы для цѣлей миссіи!!! Таковы заботы Совѣта Братства о сохраненіи за миссіонерско-псаломщической школой ея настоящаго строя. Крайне удивляемся, что и въ 1899 году Братство въ своемъ отчетѣ заявляло: „и дѣйствительно, по мѣстамъ бывшіе воспитанники школы помогаютъ свя-

¹⁾ Съ правовой точки зрѣнія совѣтъ не имѣлъ права просить о семъ, такъ какъ „комитетъ школы“ не есть учрежденіе, подчиненное ему; посему такая просьба могла исходить отъ самого комитета!..

щенникамъ въ миссіонерскихъ трудахъ“. Желательно было бы знать, какія данныя къ сему времени имѣлъ Совѣтъ Братства для подобнаго заключенія?!.. Вѣдь полученныя имъ и заслушанныя въ сентябрьскомъ засѣданіи 1899 года донесенія о.о. благочинныхъ, по общепринятой логикѣ, свидѣтельствуютъ совершенно обратное!!!. Неужели тотъ „одинъ“ изъ 50-ти извѣстныхъ намъ питомцевъ школы, который обошелся братству въ 3240 руб. и о которомъ Совѣтъ имѣлъ лишь голословное донесеніе ¹⁾, что „онъ дѣятельно помогаетъ священнику въ дѣлѣ миссіонерства“, далъ Совѣту Братства достаточныя данныя для приведеннаго нами изъ Братскаго отчета категорическаго заявленія?!!

Между тѣмъ просвѣщенный взглядъ мѣстнаго Преосвященнаго не мирился со взглядомъ Совѣта Братства на миссіонерско-псаломщическую школу. Нынѣ, какъ намъ извѣстно, стараніями Его Преосвященства, эта школа находится наканунѣ своего преобразованія. Исходной точкой предположеннаго реформированія школы служить весьма цѣнный для миссіи взглядъ на нее Преосвященнаго, по которому „дѣло миссіи въ школѣ несравненно важнѣе псаломщическаго, такъ что успѣхами въ познаніяхъ миссіонерскихъ предметовъ питомцевъ школы можетъ покрыть свои недостатки въ чтеніи, пѣніи и знаніи церковнаго устава ²⁾... Въ виду предстоящаго преобразованія названной школы, осмѣливаемся питать надежду, что будутъ приняты во вниманіе и высказанныя нами въ семъ очеркѣ соображенія, касающіяся возможно лучшаго устройства въ школахъ миссіонерскаго дѣла, при наименьшей затратѣ на него

¹⁾ Донесеніе о. благочиннаго о семъ „одномъ“ не потребовало подробныхъ справокъ, а было принято совѣтомъ на вѣру, тогда какъ такого довѣрія не удостоились: ни 2 Епарх. мисс. съѣздъ, ни остальные оо. благочинные!

²⁾ Приведенный взглядъ Преосвященнаго на миссіонерское значеніе школы былъ высказанъ имъ на выпускномъ экзаменѣ питомцевъ школы въ 1899 году.

матеріальныхъ средствъ. Если же, паче чаянія, существующая миссіонерско-псаломщическая школа будетъ лишь *нѣсколько видоизмѣнена*, то для усиленія ея миссіонерскаго значенія, по нашему мнѣнію, останется одно средство—открыть въ нее возможно широкій доступъ для тѣхъ крестьянъ, кои, по свидѣтельству дѣятелей миссіи, обнаруживаютъ горячее желаніе вести собесѣдованія съ расколосектантами и только нуждаются въ нѣкоторой специально-школьной подготовкѣ къ миссіонерству и занятію церковныхъ должностей, предоставляемыхъ достойнѣйшимъ изъ нихъ какъ для поощренія ихъ за миссіонерскіе труды, такъ и для улучшенія условій дальнѣйшей ихъ миссіонерской дѣятельности.

На этомъ мы заканчиваемъ свой очеркъ, въ твердой увѣренности, что имъ принесемъ хотя небольшую пользу дѣлу миссіи въ Тамбовской епархіи и прольемъ свѣтъ на то, почему наша миссія не всегда оправдываетъ возлагаемыя на нее церковью надежды. Въ наше тревожное и по преимуществу боевое время подробное освѣщеніе послѣдняго вопроса весьма и весьма важно.

Православный миссіонеръ.

Черты полемики противъ поповщины въ историческихъ сочиненіяхъ безпоповца Ивана Алексѣева и черты исторіи въ полемическихъ.

Безпоповецъ Иванъ Алексѣевъ, по мѣсту жительства именуемый Стародубскимъ, родился въ 1709 году, и умеръ въ 1776-мъ. Жилъ онъ въ Стародубской слободѣ Климовой, Черниговской губерніи, и по своему общественному положенію былъ государственнымъ крестьяниномъ. Въ „Историческомъ Словарѣ“ безпоповщинскаго библіографа Павла Любопытнаго говорится, что Алексѣевъ имѣлъ ростъ небольшой, веселое выраженіе лица, красивую бороду, и отличался предпримчивостью и расторопностью. Къ какому толку принадлежалъ этотъ безпоповецъ отъ своего рожденія, сказанія объ этомъ разногласятъ: одни называютъ Алексѣева поморцемъ, другіе едосѣвцемъ; но безспорно, что въ позднѣйшій періодъ своей жизни Алексѣевъ принадлежалъ къ безпоповскому толку „новоженовъ“, основанному самимъ Алексѣевымъ и принимавшему ученіе, что членамъ толка возможно заключать браки въ церкви „великороссійской“ — чрезъ „новопоставленныхъ“ православныхъ іереевъ, но по книгамъ и обрядамъ до-Никоновской церковной практики. Изъ сочиненій Алексѣева видно, что онъ былъ человѣкомъ хорошо начитаннымъ въ богословской литературѣ и владѣлъ въ этой области основательными знаніями, что сужденія его о своихъ противникахъ изъ среды

старообрядцевъ характеризуются полнымъ безпристрастіемъ. По всѣмъ этимъ качествамъ упомянутый Любопытный называетъ Алексѣева „мужемъ ученымъ“ и „писателемъ рѣдкимъ“.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду тѣ сочиненія Алексѣева, которыя направлены имъ противъ поповцевъ. Въ своей области это — *лучшіе* памятники внутренней борьбы въ расколѣ. Эти сочиненія можно раздѣлить на двѣ категоріи: одну составляютъ сочиненія историческія, другую — полемическія, причемъ какъ въ сочиненіяхъ историческихъ есть сторона полемическая, такъ и въ полемическихъ есть черты историческія. Укажемъ соотвѣтствующія сочиненія и охарактеризуемъ ихъ съ этихъ двухъ сторонъ.

По сообщенію Павла Любопытнаго, Иваномъ Алексѣевымъ было написано два сочиненія по исторіи раскола. Одно Любопытный называетъ „Исторіей о бѣгствующемъ іерействѣ старообрядцевъ или, по просторѣчію, поповщины, съ самаго его начала“, другое — „Описаніемъ старообрядческой церкви, нѣкоторыхъ ея мудрованій и ея въ семъ отношеніи распрей: о началѣ бытія Онуфріевой церкви или согласія, тоже — діаконщины и скопища нѣтовщины“.

Первое названное сочиненіе публика знаетъ: подъ именемъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ оно уже два раза было издано и теперь можетъ быть достояніемъ всѣхъ изучающихъ исторію раскола. Хотя у издателей нѣтъ особой рѣчи о времени написанія сочиненія и его авторѣ, однако то и другое установить и выяснить легко. Такъ, можно указать, что время написанія сочиненія обозначено въ немъ самомъ: „не минемъ же, — говоритъ авторъ, — и сіе здѣ глаголати, что въ нынѣшнее настоящее лѣто 7263-е содѣяся“; значить, данное сочиненіе нужно относить къ 1755 году. Точно также и принадлежность даннаго сочиненія перу Ивана Алексѣева подтверждается несомнѣнными данными. Раннѣйшее свидѣтельство объ этомъ относится къ 1794 году

и принадлежить православному писателю—протоіерею Андрею Іоаннову, первому историку раскола, который въ своемъ „Полномъ Историческомъ Извѣстіи о раскольникахъ“, приводя двѣ выдержки изъ названной „Исторіи“, въ обоихъ случаяхъ авторомъ ея называетъ прямо „перекрещиванца Ивана Алексѣева“. Второе такое же извѣстіе восходитъ къ 1828 году и принадлежить безпоповцу Павлу Онуфріеву Любопытному, извѣстному библіографу безпоповщинскихъ сочиненій, который въ своемъ „Историческомъ Словарѣ“ въ ряду сочиненій „поморца“ Ивана Алексѣева называетъ, какъ мы упоминали, упомянутую „Исторію“. Оба эти свѣдѣтельства имѣютъ непререкаемый авторитетъ: первое цѣнно потому, что принадлежитъ младшему современнику Алексѣева, второе—потому, что исходитъ отъ старообрядца, располагавшаго, безспорно, болѣе вѣрными источниками по данному воіпросу.

Второе историческое сочиненіе Алексѣева, названное нами, по Любопытному, выше, извѣстно только по указанію этого безпоповщинскаго библіографа: сохранилось ли оно доселѣ и, если сохранилось, то гдѣ можно видѣть его, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, хотя памятникъ этотъ имѣлъ бы, безспорно, важное значеніе, особенно по сообщенію свѣдѣній о началѣ нѣтовщины, теперь страдающихъ отрывочностью и неясностью.

Такимъ образомъ, изъ историческихъ сочиненій Алексѣева мы располагаемъ только однимъ.

Все сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“, можно раздѣлить на три части: начальныя страницы составляютъ *введение*, въ которомъ объясняется причина, почему авторъ „неусыпное тщаніе возымѣлъ обрѣсти исторію“; затѣмъ отмѣчается *предметъ* самой исторіи, изображающей дѣятельность „начальныхъ“ раскольническихъ поповъ и случаи раннѣйшихъ исканій поповцами архіерея; третья часть составляетъ „*оконченіе*“.

въ которомъ дается общая характеристика бѣглыхъ поповъ позднѣйшаго времени по сравненію съ попами „начальными“.

Причину написанія „Исторіи“ авторъ указываетъ въ томъ, что на всѣ вопросы его, Алексѣева, объ „іерействѣ“ поповцевъ: „почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ?“ послѣдніе отвѣчали обычно, что они во всемъ поступаютъ по примѣру „отцовъ — первѣйшихъ іереевъ“, родоначальниковъ поповщины. Отсюда, по словамъ Алексѣева, являлась нужда изложить исторію поповщины „отъ первыхъ ея временъ“ до позднѣйшихъ, чтобы была возможность сравнить позднѣйшее съ раннѣйшимъ. „Не малъ трудъ на се воспріяхъ,—говоритъ авторъ,—испытую нѣкіе отъ иноковъ и бѣльцовъ искусныхъ, како кто отъ древнихъ священноиноковъ съ новодогматствующими постунаше, и отъ тѣхъ како кого пріимаше, и конимъ образомъ сіи новорукоположенцы введошася. И елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ, нынѣ во единъ сотъ сея исторіи связахъ и предъ очи всѣхъ предложить намѣренъ есть“.

Во второй части сочиненія можно отмѣтить два отдѣла. Въ первомъ указываются взгляды на „новые догматы“ со стороны поповъ всецѣло „старыхъ“, т. е. стараго крещенія и стараго поставленія, причемъ отмѣчается обнаруженіе этихъ взглядовъ въ практической ихъ дѣятельности; затѣмъ говорится о взглядахъ и дѣятельности поповъ крещенія стараго, а поставленія полуноваго; наконецъ отмѣчаются поступки поповъ крещенія стараго, а постановленія совсѣмъ новаго. Къ числу первыхъ Алексѣевъ относилъ: іеромонаха Іова, служившаго въ монастырѣ Львовомъ, а отсюда перешедшаго на рѣку Чирь, — игумена Досіея, преемника Іова на рѣкѣ Чирь, — Козму, попа Московской церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, переселившагося отсюда сначала въ Стародубье, а потомъ на Вѣтку въ Польшу, — Стефана, попа изъ Бѣлева, перешедшаго сначала въ Стародубье, а отсюда тоже на Вѣтку. Объ этихъ

попахъ, на практику которыхъ опиралась позднѣйшая поповщина, принимавшая поповъ „*новаго*“ *крещенія и ставленія* и требовавшая, чтобы каждый новоприходящій попъ былъ принимаемъ по извѣстному чину *отъ другого попа*, который чрезъ это чинопріятіе какъ-бы сообщалъ принимаемому, по выраженію Алексѣева, „*воздательную благодать*“ на совершеніе таинствъ, — Алексѣевъ свидѣтельствуешь, что всѣ они поступали не такъ, какъ учать позднѣйшіе поповцы: они „*службы простыя*“ пояху, не требуя отъ иныхъ іереевъ на священнодѣйство *благословенія*, благословеніемъ тѣхъ архіереевъ удовлетворяюща, отъ нихъ же рукоположени быша, а воздательныя благодати въ іереехъ *не исповѣдающе*“. Такимъ образомъ оказывается, что практика поповщины, современной Алексѣеву, не отвѣчала практикѣ поповъ „старого“ времени и потому поповцы не имѣли права ссылаться на послѣднюю въ свое оправданіе.

Правда, названные Іовъ и Досіеѣй, по словамъ Алексѣева, сдѣлали нѣкоторую уступку въ пользу послѣ-Никонской хиротоніи, но уступку крайне *осторожную*, да и лицо, принявшее послѣднюю, поступало не такъ, какъ стали поступать позднѣйшіе поповцы. Именно, уступка состояла въ слѣдующемъ. Іовъ, сознавая, что нужда въ іереѣ, какъ это ни прискорбно, скоро настанетъ для его учениковъ, послалъ своего келейника, инока Іоасафа, получить рукоположеніе въ Твери. Это было еще въ то время, когда Іовъ жилъ во Львовѣ. Тверской архіерей былъ пріятелемъ Іова и, хотя самъ служилъ по новымъ книгамъ, но по просьбѣ послѣдняго согласился рукоположить Іоасафа по книгамъ старымъ, что и исполнилъ. Вопросъ о дѣйствительности этой хиротоніи возникъ уже по смерти Іова. Народъ, гдѣ жилъ Іоасафъ, не признавалъ его рукоположеніе за истинное. Это заставило Іоасафа совершить путешествіе къ Досіеѣю, жившему тогда на Чиру. Іоасафъ

просилъ Досиѣея „да онаго ради народнаго соблажненія въ того рукоположеніи не повелить ему священнодѣйствовать“. Досиѣей отнесся къ этому вопросу осторожно: „не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ: и паде жребій на Іоасафа священнодѣйствовать“. Вотъ чѣмъ ограничилась со стороны Іова и Досиѣея уступка въ пользу послѣ-Никоновской хиротоніи. Хиротонію Іоасафа можно назвать полуновой: она совершена по *старымъ* книгамъ архіереемъ, который вообще служилъ по книгамъ *новымъ*, но который самъ былъ крещенія и поставленія *старыхъ*. При этомъ и самъ названный Іоасафъ, придерживаясь практики Іова, Досиѣея, Козмы и Стефана, всѣхъ, въ томъ числѣ и поповъ, „приходящихъ отъ Великороссіи новокрещенныхъ, повторяхъ своимъ крещеніемъ, новорукоположенныхъ же никако пріемлюще іереевъ, и заповѣдающе всѣмъ не пріимати таковыхъ“. Такимъ образомъ Алексѣевъ обнаруживалъ, что и практика Іоасафа не отвѣчала практикѣ поповцевъ позднѣйшаго времени; значить, и на него не могли опираться послѣдніе.

Идя далѣе, Алексѣевъ подходилъ къ указанію того: *когда* было положено начало бѣглопоповщины. Оказывается по его розысканіямъ, что его слѣдуетъ отнести не къ появленію раскола, а только къ самому концу XVII вѣка. Но и здѣсь произошла большая путаница, какъ въ дѣйствіяхъ попа, положившаго такое начало, такъ и въ поступкахъ поповцевъ позднѣйшаго времени. Дѣло въ томъ, что преемникъ Іоасафа на Вѣткѣ, черный полъ Θεодосій, самъ крещенія и поставленія старыхъ, „отверзъ дверь“ въ расколъ попамъ рукоположенія новаго, хотя крещенія еще стараго. Въ этомъ поступкѣ Θεодосія заключалось крайнее противорѣчіе: вѣдь новое крещеніе онъ отвергалъ, повторяя его надъ новоприходящими; поэтому онъ не имѣлъ права принимать и новую хиротонію; если крещеніе необходимо повторять, то обязательно повтореніе и хиротоніи. Въ виду

этого поповцы позднѣйшаго времени измѣнили и практикѣ Θεодосія: принимая поповъ новаго ставленія съ сохраненіемъ сана, они стали признавать дѣйствительнымъ и новое ихъ крещеніе, не допуская повторенія онаго. Такимъ образомъ оказывается, по розысканіямъ Алексѣева, что въ мѣстной начальной практикѣ раскола не было ни одного примѣра, которымъ можно бы было оправдать практику поповщины позднѣйшей.

Обнаруживъ этотъ пробѣлъ, Алексѣевъ дополнилъ его указаніемъ на то, что сами поповцы тогда уже сознали неправильность своего положенія. Именно, во второмъ отдѣлѣ второй части сочиненія авторомъ указываются случаи исканія поповцами *архіерея* для своей общины. О чемъ говорятъ эти исканія? Вѣдь если положеніе поповцевъ было нормально, то зачѣмъ искать измѣненія его? Ясное дѣло, что если поповцы дѣлали попытки къ такому измѣненію, то они сами тѣмъ показывали неправильность своего положенія. „Восхотѣша народы,—говоритъ Алексѣевъ,—изъ сего новопріятія извинутися“, т. е. задумали поповцы какъ нибудь избѣжать установившагося у нихъ обычая принимать бѣглыхъ поповъ новаго крещенія и новаго рукоположенія и давать чрезъ поповъ имъ право священнодѣйствовать безъ воли архіерея, и „не возмогоша извинутися, токмо да посвященъ имъ будетъ какой либо отъ новыхъ епископъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ“. Здѣсь Алексѣевъ *долженъ бы* былъ разоблачить, что это новое предпріятіе поповцевъ страдало сильнымъ недостаткомъ: дѣло въ томъ, что хотя намѣчаемый „епископъ“ имѣлъ хиротонисать „іереевъ по древнимъ“ книгамъ, но самъ-то онъ *долженъ былъ бытъ неизбѣжно отъ „новыхъ“*, т. е. имѣлъ бытъ епископомъ не только новаго рукоположенія, но и новаго крещенія. Могъ ли этотъ архіерей бытъ пастыремъ такихъ пасомыхъ, которые всю „истину“ вѣры видѣли только въ крещеніи и хиротоніи

по „старымъ“ книгамъ? Конечно, нѣтъ. Между тѣмъ другого выхода, кромѣ названнаго, для поповцевъ не было и потому они рѣшились на осуществленіе его. Разоблаченіе это напрашивается само собою, но Алексѣевъ его не дѣлаетъ, констатируя только самый фактъ. Именно, первая попытка исканія архіерея принадлежала, по словамъ Алексѣева, тѣмъ поповцамъ, которые жили на Вѣткѣ. „Вдавшему обще радѣтельствомъ во исканіе се,—говоритъ онъ,—и не обрѣтоша къ нему удобства“. О какомъ случаѣ говорится здѣсь? По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ разумѣется просьба вѣтковцевъ Іерусалимскому патріарху Хрисанфу, который рукоположить архіерея просителямъ „обѣщаль“, но обѣщанія не исполнилъ. Вторая попытка исканія архіерея, по изображенію Алексѣева, состояла въ обращеніи вѣтковцевъ съ просьбой къ Ясскому митрополиту Антонію, который такъ же, какъ и Хрисанфъ, выразилъ готовность осуществить желаніе раскольниковъ, но опять не осуществилъ... Не смотря на эти неудачи, мысль о пріобрѣтеніи епископа не оставляла поповцевъ. Такъ сильно было желаніе ихъ выдти изъ состоянія бѣглопоповства! И дѣло кончилось, дѣйствительно, тѣмъ, что архіереи были отысканы: рѣчью объ архіерействованіи у поповцевъ извѣстныхъ Епифанія, Афиногена и Анфима, изъ которыхъ первый получилъ архіерейство обманнымъ путемъ и еще до перехода въ расколъ былъ лишенъ епископства, а второй и третій совсѣмъ не имѣли епископской хиротоніи и лишь фальшиво выдавали себя за архіереевъ,—разоблаченіе со стороны Алексѣева заканчивается.

Въ третьей части сочиненія Алексѣевъ въ общихъ чертахъ характеризуетъ позднѣйшую поповщину, какъ со стороны религіозной, такъ и нравственной, показывая, что „іерейство“ поповщины „пріиде въ безобразіе и нелѣпотство“, что обличаемые попы суть „ревнители“ не „благочестія духовнаго“, а „чествованія мірскаго“, что они

„утѣшаются не въ духѣ, а въ брюхѣ“, что они „уповають“ только на „злато и откупники свои“, что, выражаясь образно, ихъ нужно назвать „не пчельными матками“, а только „шершнями, жалы свои на готовѣ имущими, да кого противныхъ себѣ уязвять, уранять, изгонять“.

Такимъ образомъ, по выводу Алексѣева, старообрядцы, приѣмлющіе бѣгствующее іерейство, должны воскликнуть о немъ: „о, іерейство чуждеименное и своевольное! Всюе хвалишься отцами, всюе во устѣхъ имя ихъ обносишь“.

II.

Помимо значенія полемическаго нѣкоторыя сочиненія Алексѣева имѣютъ важность еще *историческую*. Названная его „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ“, имѣющая главною цѣлью исторически подорвать основы бѣглопоповщины, въ тоже время даетъ цѣнный матеріалъ и для исторіи раскола. Въ этомъ памятникѣ изображены ученіе и состояніе бѣглопоповщины не только автору современной, но и ученіе и дѣятельность расколоучителей раннѣйшихъ, которыхъ бѣглопоповщина считаетъ ея родоначальниками. Тутъ говорится о такихъ расколоучителяхъ, имена которыхъ отчасти извѣстны и по другимъ памятникамъ, но ученіе и практика которыхъ оставались бы неизвѣстными. Ни іеромонахъ Іовъ, ни игуменъ Досифей, ни попы Козма и Стефанъ, ни Іоасафъ и Θεодосій не оставили намъ своихъ сочиненій и ихъ практика, какъ начальныхъ расколоучителей, прошла бы незамѣченною, оставаясь въ тѣни, если бы объ ней не собралъ и не сообщилъ подробныхъ свѣдѣній безпоповецъ Иванъ Алексѣевъ. Теперь, пользуясь послѣдними, мы можемъ съ рѣшительностью сказать, въ какомъ отношеніи практика этихъ расколоучителей стояла съ ученіемъ расколоучителей — „страдальцевъ“ и имѣла ли она всеобщее для раскола значеніе. Оказывается, что

будучи практикой только мѣстной, она, правда, широко захватывала раскольническіе круги, но не могла служить основой даже для мѣстной практики послѣдующаго времени. Всѣ эти положенія можно установить на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ именно Иваномъ Алексѣевымъ. Затѣмъ, важнѣйшій изъ исторіи раскола фактъ — исканіе архіерея со стороны поповцевъ, къ которымъ на первыхъ порахъ до извѣстной степени примыкали и безпоповцы, — фактъ, какъ въ его зародышѣ, такъ и въ раннѣйшихъ обнаруженіяхъ, констатированъ и отчасти раскрытъ опять въ „Исторіи“ того же Алексѣева.

Кромѣ названной „Исторіи“ историческія свѣдѣнія о расколѣ можно извлекать и изъ полемическихъ сочиненій Алексѣева. Въ данномъ случаѣ мы можемъ указать два сочиненія: предметъ одного священство, предметъ другого — очистительныя молитвы. Второе написано въ 1757 году, первое въ 1762-мъ. Оба имѣются въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки № 472 въ 8-ку. Принадлежность сочиненія о священствѣ перу Ивана Алексѣева открывается изъ словъ автора о бракѣ: „бракъ, — говоритъ авторъ, — не наричемъ блудомъ, какъ прочіе (т. е. безпоповцы); браковѣнчанныхъ вмѣняемъ братією; сопряженныхъ безъ вѣнчанія не наричемъ бракъ, но блудъ“. Изъ всѣхъ безпоповцевъ того времени, когда написано сочиненіе, такъ училъ о бракѣ только именно Иванъ Алексѣевъ, основатель согласія „новоженовъ“, посылавшій безпоповцевъ вѣнчаться въ „великороссійской“, православной, церкви. Время написанія сочиненія въ рукописи обозначено ясно: „сочинися...лѣта бытія міра 7270, іюля 30“. Второе сочиненіе — объ очистительныхъ молитвахъ — также принадлежитъ перу Ивана Алексѣева. Объ этомъ можно заключить по предмету, въ сочиненіи обсуждаемому. Въдѣ если поповцы, какъ видно изъ словъ автора, упрекали безпоповцевъ въ томъ, что послѣдніе не употребляютъ и

не могутъ употреблять очистительныхъ молитвъ для родившихъ женъ, то ясно, что направлявшіе этотъ упрекъ поповцы должны были имѣть въ виду такихъ безпоповцевъ, которые для членовъ своей общины допускали брачную жизнь какъ законную и постоянную. Такими безпоповцами, какъ извѣстно, въ періодъ написанія сочиненія, были послѣдователи согласія „новоженовъ“, основаннаго именно Иваномъ Алексѣевымъ. Отсюда тоже понятно, почему данное сочиненіе вошло въ нашъ рукописный сборникъ сочиненій Ивана Алексѣева и почему послѣдняго называетъ авторомъ сочиненія объ очистительныхъ молитвахъ и извѣстный Павелъ Любопытный. О времени же написанія сочиненія въ нашей рукописи сказано, что оно „написася лѣта 7265, апрѣля 24“, т. е. въ 1757 году.

Свѣдѣнія по исторіи раскола, какія можно извлекать изъ двухъ названныхъ сочиненій, касаются собственно ученія и внутренняго состоянія извѣстныхъ раскольническихъ толковъ. Такъ, есть въ нихъ свѣдѣнія о толкахъ безпоповщинскихъ, есть—и о толкахъ поповщинскихъ.

Характеризуя съ той или другой стороны состояніе безпоповщины, Алексѣевъ разумѣетъ, конечно, прежде всего, то согласіе, къ которому онъ самъ принадлежалъ, т. е. согласіе „новоженовъ“. На языкѣ безпоповщины „новоженами“ назывались такіе безпоповцы, которые вступали въ бракъ въ самой безпоповщинѣ. Новожены того согласія, къ которому принадлежалъ Алексѣевъ, вступали въ бракъ съ повѣнчаніемъ въ великороссійской, т. е. православной церкви, конечно—по обрядамъ до-Никоновской церковной практики. Безпоповцы другихъ согласій относились къ этому новоженству не одинаково: напимѣръ, еедосѣвцы совсѣмъ отрицали его, поморцы же, не признавая новоженство законнымъ, смотрѣли на него, однако, сквозь пальцы, снисходительно относясь къ новоженамъ даже другого рода—къ вступившимъ въ брачное сожительство безъ церков-

паго вѣнчанія. Отсюда замѣчаніе Алексѣева въ своемъ сочиненіи: „сопряженныхъ безъ вѣнчанія не наричемъ бракъ, но блудъ“. Такимъ образомъ Алексѣевъ признавалъ вѣнчаніе, которое совершалось въ православной церкви, существеннымъ условіемъ брака, а новоженство поморцевъ, происходившее безъ вѣнчанія, считалъ блудомъ. При этомъ, такъ какъ послѣдніе допускали новоженство по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, то Алексѣевъ, въ отличіе отъ этого, утверждалъ что въ его согласіи „браки совѣтуется сотворяти чрезъ родителей“. Очевидно, что Алексѣевъ и это полагалъ въ существенную основу брака. Кромѣ того, Алексѣевъ признавалъ такъ называемое „староженство“, т. е. браки безпоповцевъ, заключенные до перехода въ безпоповщину,—въ православной церкви или въ поповщинѣ. Въ этомъ пунктѣ Алексѣевъ сходилъ съ ученіемъ и практикою Θεодосія Васильева, основателя еедосѣевщины, хотя расходился съ еедосѣевцами своего времени. Отсюда замѣчаніе Алексѣева, что въ его согласіи „бракъ не наричутъ блудомъ, какъ прочіе“, т. е. какъ учатъ еедосѣевцы; напротивъ, говоритъ Алексѣевъ, „браковѣнчанныхъ вмѣняемъ братією“, Это значитъ, что согласіе Алексѣева признавало „староженство“ законнымъ, допускало такихъ лицъ до брачнаго сожитія и называло ихъ „правовѣрными“.

Если вѣнчаніе признавалось Алексѣевымъ необходимымъ условіемъ брака, причемъ вѣнчаться безпоповцы были посылаемы въ православную церковь, то спрашивается: какъ же смотрѣлъ Алексѣевъ на православную іерархію? признавалъ ли онъ православное священство правильнымъ и дѣйствительнымъ, относительно котораго можно сказать, что оно преподаетъ вѣрующимъ благодать Св. Духа? По видимому, признавалъ. Хотя нѣкоторые ученые это отрицаютъ, утверждая, что по этой именно причинѣ Алексѣевъ видѣлъ въ православномъ вѣнчаніи не таинство, а

только-де общенародный обычай, нужный лишь для законной крѣпости брака, но въ опроверженіе такого взгляда можно указать на сужденіе Алексѣева о таинствѣ покаянія,—сужденіе въ литературѣ еще неизвѣстное. Въ сочиненіи о священствѣ авторъ говоритъ: „покаяніе творимъ по случаю времени“, т. е. по безпоповщински, чрезъ мірянина или инока, такъ какъ „случай времени“ заключался въ томъ, что безпоповщина лишилась лицъ священныхъ. Но спрашивается: какое же, по мнѣнію Алексѣева, значеніе имѣетъ такое „покаяніе“? Очевидно, что только нравственное, а никакъ не таинственное, такъ какъ Алексѣевъ тутъ же оговаривается, что „вязати же и рѣшити грѣхи кающихся *правильнымъ* іереемъ отсылаемъ; простымъ же, т. е. мірянамъ и инокамъ, по его словамъ, „единъ совѣтъ творити въ томъ прилежитъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Алексѣевъ и его согласіе на покаяніе смотрѣли вполне правильно, строго различая между двумя сторонами исповѣди: нравственною и таинственною, причемъ послѣднюю видѣли только въ *таинствѣ* покаянія и приурочивали ее лишь къ іереямъ, имѣющимъ „правильную“ хиротонію. Спрашивается: кого же согласіе новоженоевъ считало таковыми іереями? Бѣглыхъ „іереевъ“, какими пробавлялась поповщина, Алексѣевъ, какъ видно изъ его сочиненій, признавалъ попами фальшивыми; подобнымъ же образомъ онъ отрицалъ и польскихъ ксендзовъ, къ которымъ обращались нѣкоторые мѣстные едосѣвцы за свидѣтельствами о вѣнчаніи. Такимъ образомъ, остаются только православные іереи, на исповѣдь къ которымъ, какъ іереямъ „правильнымъ“, и ходили, какъ видимъ, послѣдователи безпоповщинскаго сословія новоженоевъ. Повторяемъ, что данная особенность ученія названныхъ безпоповцовъ еще не была отмѣчена въ литературѣ, но она весьма цѣнная: она показываетъ, что согласіе новоженоевъ, хотя было безпоповщинскимъ, однако причина

отрицанія имъ православной іерархіи крылась только въ „повшествахъ“ послѣдней, такъ что достаточно было членамъ этой іерархіи совершать таинства покаянія и брака по до-Никоновскимъ богослужебнымъ книгамъ, чтобы новоженны—безпоповцы шли къ нимъ получать разрѣшеніе грѣховъ и заключать таинство брака.

Заслуживаетъ вниманія также ученіе согласія новоженновъ о молитвѣ за царя,—опять, кажется, неизвѣстное въ литературѣ. Безпоповщиною всѣхъ согласій такое ученіе, конечно, отрицалось. Правда, одно изъ этихъ согласій, именно поморское, тогда уже было вызвано къ принятію молитвы за царя, но вызвано обстоятельствами чисто внѣшними; поэтому большинство поморцевъ, и послѣ принятія этой молитвы, усматривало въ фактѣ больше практической мудрости, чѣмъ непреложной истины. Отсюда данное ученіе въ согласіи новоженновъ неизбѣжно выдѣляется, особенно по своей искренности. „Молитвы о сущихъ во власти,—говоритъ Алексѣевъ,—*усердно* творимъ“. Нужно принять во вниманіе, что такое свидѣтельство дается Алексѣевымъ въ его посланіи къ пріятелямъ, къ „другомъ искреннимъ“, гдѣ ни преувеличеній, ни замалчиваній, конечно, быть не могло.

Выдѣлялось согласіе Алексѣева и по вопросу о торжищныхъ снѣдахъ и о винѣ. Строжайшими ревнителями въ этомъ отношеніи были еедосѣвцы. Въ ихъ согласіи не только воспрещалось ѣсть и пить за однимъ столомъ съ „еретиками“, каковыми они считали, прежде всего, никоніанъ, не только не дозволялось давать послѣднимъ пищу въ сосудахъ ихъ, еедосѣвцевъ, но и предъявлялось требованіе, чтобы сѣстные припасы не были покупаемы на торжищахъ „еретическихъ“. Въ правилахъ поморцевъ ступенью было ниже: здѣсь было заведено имѣть особые для православныхъ сосуды, безъ нужды не покупать брашна на ихъ базарахъ и въ ихъ лавкахъ, но если „нужда“ за-

ставляла сдѣлать это, то уже не требовалось ни освящать покупаемое, ни полагать особые за то поклоны, какъ это требовалось въ другихъ безпоповщинскихъ согласіяхъ. Кромѣ того, безпоповщиною же былъ выдѣленъ особый вопросъ о винѣ и пивѣ. Согласіе новоженевъ по всѣмъ этимъ вопросамъ не держалось безпоповщинскихъ взглядовъ. О своемъ согласіи Алексѣевъ свидѣлствуетъ: „отъ торжищныхъ снѣдей не возбраняемъ; вина мѣрно вкушающихъ не осуждаемъ; точію безмѣріе проклинаемъ“. Относительно особыхъ сосудовъ также говорилось, что новоженны безпоповщинскій взглядъ отрицаютъ. „На обѣдъ званіи,—писалъ Алексѣевъ,—аще и не въ свое согласіе, аще восхощемъ идти, своихъ чашекъ не носимъ, по обычаю нѣкихъ“. Такимъ образомъ и по данному вопросу новоженческій безпоповщинскій толкъ совсѣмъ выдѣлялся изъ среды безпоповщины.

Умѣренно высказывались новожены и по вопросу объ „отпадшихъ“ отъ раскола. „Отступникомъ вѣры,—писалъ Алексѣевъ,—не наричемъ того, кой, отъ страха и тѣсноты, видимымъ образомъ въ церемоніи кривовѣрныя вступить, а сердцемъ болѣзнуетъ о томъ; ниже отвращаемся приносу къ Богу таковыхъ: аще свѣщу, аще ладонѣ, аще и на служеніе; Господа Бога молити о здравіи и спасеніи всячески о таковыхъ усердствуемъ, ниже милостыни ихъ отвращаемся. Отступника же сего наричемъ, аще кто видимымъ образомъ и внутреннимъ, умомъ и сердцемъ, за благо вмѣнивше, во что противовѣрное вступить, а наипаче кто отъ таковыхъ гонителемъ бываетъ“. Очевидно, что взглядъ новоженевъ на данный вопросъ рѣзко отличался отъ взгляда тѣхъ ревнителѣй „древняго благочестія“, которые даже за вынужденное „отступленіе“ назначали эпитемію иногда на 10 лѣтъ.

Въ цѣломъ согласіе новоженевъ можно назвать исполнѣ самобытнымъ и не представлявшимъ рѣзкихъ крайностей

раскольническаго фанатизма. Хотя новоженство было согласіемъ безпоповщинскимъ, однако по многимъ вопросамъ оно строго обособлялось отъ безпоповщины. Скорѣе можно сказать, что оно приближалось къ поповщинѣ, хотя въ основномъ пунктѣ считаю послѣднюю крайнимъ заблужденіемъ и въ вопросѣ о священствѣ шло дальше поповщины. И основу своихъ мнѣній новожены пытались искать въ Писаніи. „Мы не знаемъ, — говоритъ Алексѣевъ, — чтобы кое дѣло не на Божественномъ Писаніи опредѣляти, и за основаніе сіе въ дѣлахъ не имѣти“. Авторитетъ же раскольническихъ „отцевъ“ новоженами совсѣмъ отрицался. Есть „нѣкіи самотолки, — говорилъ Алексѣевъ, — которые“ имѣютъ одно только основаніе: „старики наши такъ творили, и мы такъ творимъ, — о дѣлахъ, въ нихъ бываемыхъ, никто насъ не вопрошай, но хотяй самъ да спросить ихъ“. И относительно главнаго старообрядческаго принципа — слѣдовать „старымъ“ книгамъ и „старымъ“ обрядамъ — Алексѣевъ отзывался съ прямымъ порицаніемъ. Нашъ „простой народъ, — говорилъ онъ въ сочиненіи о покаяніи, — всю должность *спасенія* своего надѣется въ томъ, чтобы къ новотворству не приступать, да двумя персты знаменоватися, а о прочихъ ни едино попеченіе имѣетъ: такова ихъ *пустая надежда* спасенія“!

Изъ сочиненій Ивана Алексѣева видно еще, что большое смущеніе среди послѣдователей согласія новоженовъ производили обличенія противъ нихъ со стороны поповцевъ. Таковы, прежде всего, обличенія по поводу того, что согласіе новоженовъ не имѣетъ священства, не совершаетъ важнѣйшихъ таинствъ. Особенную же силу имѣлъ упрекъ по такому вопросу, который можно назвать неважнымъ и отъ котораго, повидимому, трудно было ожидать, что онъ произведетъ тревогу и волненія. Таково было обличеніе по поводу того, что въ согласіи новоженовъ не читались, за

отсутствіемъ священника, очистительныя молитвы, во первыхъ, женѣ, родившей сына или дочь, и во вторыхъ, дому, въ которомъ роды состоялись. Въ примѣненіи къ согласію новоженцовъ этотъ упрекъ получалъ полную силу. Вѣдь читать эти молитвы въ согласіи было некому, такъ какъ священника у новоженцовъ не было, а между тѣмъ нужда въ молитвахъ имѣлась на лицо, потому что это согласіе допускало бракъ. Упреки выступали, такимъ образомъ, съ особенною остротою и производили не малыя волненія. „У васъ,—говорили новоженамъ поповцы,—послѣ родовъ очистительныхъ молитвъ не бываетъ, безъ молитвъ младенцевъ крещаютъ, дома ваши и вы не очищены есте и скверны“. Обвиненіе, по существу своему неважное, было важно съ точки зрѣнія старообрядца: вѣдь очистительныя молитвы имѣются въ старопечатныхъ книгахъ, соблюдать правила которыхъ для старообрядца было главнымъ требованіемъ. Поэтому неудивительно, что упрекъ производилъ въ средѣ новоженцовъ сильное волненіе. „И таковыхъ ради гаждательныхъ гласовъ,—говоритъ Алексѣевъ,—нѣщии у насъ неразумни, аки громами устрашени, поколебашеся, а друзии и падоша: убоявшесе дыма отъ смущеннаго своего ума, во огнь впадоша, не разсуждающе, яко не все то громъ есть, что противницы гремятъ“. Положимъ,—продолжаетъ Алексѣевъ,—что „много шумятъ на ны враги наша, и ненавидящіе насъ воздвигоша нынѣ главу и широко уста отверзоша“. Но нужно разсмотрѣть вопросъ по существу и—тогда легко избѣжимъ „позоръ плачевный“. Очевидно, что обличеніе со стороны поповцевъ прямо „позорило“ согласіе новоженцовъ.

Имѣютъ значеніе сочиненія Алексѣева и для исторіи внутренней жизни поповщины того времени. Такъ, напримѣръ, весьма цѣнно указаніе Алексѣева, что въ его время, т. е. въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, поповцы въ чинопріемѣ при-

ходящихъ къ нимъ поповъ и мірянъ держались не одинаковой практики: мірянъ принимали чрезъ мвропомазаніе, а поповъ — чрезъ проклятiе ересей. Значитъ противники перемазанства примѣняли свою практику тогда не ко всѣмъ переходящимъ въ ихъ согласіе. Такъ поступали, очевидно, діаконѣ, которые съ 80-хъ годовъ XVIII вѣка стали практиковать въ чинопріемѣ—мірянъ и поповъ—уже только проклятiе ересей. Съ другой стороны Алексѣевъ свидѣтельствуєтъ, что въ поповщинѣ замѣчалось разногласіе и относительно приѣма „престецовъ“ или мірянъ: однихъ изъ приходящихъ перемазывали, другихъ же нѣтъ,—„кто какъ хочетъ“. Вѣроятно, и здѣсь имѣются въ виду тѣ же діаконѣ.

Затѣмъ, были и такіе называвшіеся „поповцами“, которые, за неимѣніемъ поповъ, сами себя ставили на мѣсто ихъ: напримѣръ, совершали крещеніе младенцевъ,—не чрезъ погруженіе только крещаемого въ воду съ произнесеніемъ крещальной формулы, а полнымъ „поповскимъ чиномъ“ по Потребнику, что практиковали нѣкогда и безпоповцы, скоро это, однако же, оставившіе какъ неправильное,—и сами же вычитывали очистительныя молитвы, хотя, къ удивленію, не позволяли престоцамъ „пѣть погребеніе“.

Далѣе, въ практикѣ поповцевъ было обычнымъ: совершать „заочное погребеніе“; вѣнчать „запрещенные браки“; вѣнчать двоеженцевъ и троеженцевъ „безъ надзиранія правительнаго“; позволять попамъ жить какъ хотятъ тѣ, не наблюдая и не зная: „чи попъ людей руководствуетъ, чи попа люди научаютъ“; нарушать многія церковныя правила, какъ-то: „многіе отъ мужей, не простыхъ, но самихъ клирошанъ, по рожденіи жепъ ихъ, безъ молитвъ очистительныхъ пребывающе, не токмо въ простые дома“ входили, но „и въ храмы молитвенные“, въ которыхъ „службы отправляли“; или: „егда жена родить гдѣ“, то, за отсутствіемъ попа, родившая и домъ, гдѣ было рожденіе, оставались

безъ очистительныхъ молитвъ, причемъ „тѣмъ временемъ“ къ родившей „по обычаю“ многіе приходили; кто „съ дары“, кто „ради пьянства“; еще: „жена родившая, временемъ омогшися, съ младенцемъ отъѣзжала до попа; и тамо себѣ молитву пріимши, крестила дѣтище, домъ же, гдѣ состоялось рожденіе, и „сушіе въ немъ безъ молитвы оставались“; поэтому родившая жена, по возвращеніи отъ попа, входила въ домъ неочищенный; наконецъ, нарушалось правило о молитвахъ очищенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда, за отсутствіемъ попа, крещеніе совершали поповщинскіе старцы и міряне и когда очистительныя молитвы читать было некому. Вообще бытовая картина поповщины вырисовывается Алексѣевымъ ясно: нарушеній церковныхъ правилъ, оказывается, было здѣсь очень много. По словамъ Алексѣева, имъ представленъ только образецъ. „Ежели бы вся сія законопреступленія ихъ описывати по единому и доводами Св. Писанія качество ихъ объявити, то,—говоритъ Алексѣевъ,—не малыя бы книги нужда явиться“.

Профессоръ П. Смирновъ.

Изъ Россіи во Святую Землю.

(Изъ дневника студента-паломника).

Насладившись лицезрѣніемъ славнѣйшаго памятника Византіи—Св. Софіи, мы прошли на историческую площадь Ат-Мейданъ, т. е. конскую площадь. Раньше, давно когда-то, здѣсь жизнь кипѣла, площадь эта служила мѣстомъ собиранія всѣхъ гражданъ для веселыхъ игръ..., а теперь—пустая, заброшенная площадь, съ тремя убогими памятниками: —obeliskъ Θεοδοσία, змѣиная колонна и каменная пирамида Константина Багрянороднаго. Лучше другихъ сохранился obeliskъ Θεοδοσία. Пирамидальная колонна въ 14 сажень высоты, изъ цѣльнаго Фивскаго гранита, находившаяся раньше въ храмѣ солнца въ Иліополѣ, исписанная со всѣхъ сторонъ прекрасно сохранившимися іероглифами. Obeliskъ былъ сдѣланъ за 1000 л. до Р. Хр. фараономъ Тотмосомъ, а на площади Византіи поставленъ въ 390 году императоромъ Θεοδοсіемъ и—своей оригинальной древней красотой привлекаетъ къ себѣ взоры всѣхъ туристовъ и паломниковъ.

Осмотрѣвъ Ат-Мейданъ, мы направились по улицамъ Константинополя на базаръ. Улицы кривыя, узкія, грязныя и плохо мощенныя, дома громоздятся другъ на друга, причемъ постепенно расширяющіеся верхніе этажи иногда образуютъ надъ улицей нѣчто вродѣ свода или навѣса.

На базарѣ — все на лицо, все выставлено, все видно. Продавцы всѣ свои товары разложили передъ лавками и—

рѣдко пропускаютъ проходящаго мимо, а особенно иностранца, котораго они узнаютъ какимъ то чутьемъ, безъ того, чтобы не предложить ему своего товару и не пробѣжать за нимъ нѣсколькихъ шаговъ, расхваливая достоинство товара. Къ нимъ присоединяются въ нападеніи на иностранцевъ: сарафы (мѣнялы), комиссіонеры, гиды и тѣмочисленные разносчики, часто заставляющіе покупать вещь совершенно ненужную. Многіе изъ нихъ хотя и плохо, но говорятъ по-русски. Много тутъ же и кофеенъ, гдѣ турки сидятъ, подобравъ подъ себя ноги и съ важностью на лицѣ покупаютъ свой кальянъ.

Зашли въ крытое помѣщеніе, гдѣ еще болѣе спертый воздухъ и слишкомъ „пряное амбрэ“ заставили насъ по силѣ возможности, предохраняя свой носъ, ускорить шаги. Это — пассажъ. Чего-чего тутъ нѣтъ. Кажется товары всего міра имѣютъ здѣсь своихъ „представителей“. Яркіе восточные цвѣта такъ и привлекаютъ взоры неприхотливыхъ „дѣтей востока“...

Съ базара мы вышли на небольшую площадь передъ Галатскимъ мостомъ и—невольнo остановились, очарованные открывшимся чуднымъ видомъ на Золотой Рогъ, Галату и Перѣ.

Набережная Золотого Рога сплошь застроена турецкими кофейными и довольно грязна. На Галатскомъ мосту невообразимая суматоха: его справедливо называютъ центромъ Константинополя, который въ свою очередь можно назвать громаднымъ мостомъ между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ, гдѣ временно сходятся всѣ народы Европы и Азіи.

За мостомъ виднѣются грандіозныя зданія Галаты и за ними Перѣ. Надъ всѣми ими высоко царитъ древняя Галатская башня. Она построена въ 1348 году генуэзцами; ея высота надъ уровнемъ моря 70 сажень. Съ башни почти безпрерывно подаются сигналы флагами въ Скутари,—

азіатскую часть Константинополя. Съ верхней площадки ея открывается одна изъ самыхъ грандіозныхъ и чудныхъ панорамъ въ мірѣ.

У Галатскаго моста устроено нѣсколько пристаней, къ которымъ ежеминутно подходятъ и отходятъ цѣлые сотни паракодиковъ, отвозящихъ и привозящихъ самую разнообразную публику изъ Фанаря (въ западной части Стамбула), съ Босфора, изъ Скутари, съ Принцевыхъ острововъ... Жизнь кипитъ н... слышенъ лишь общій гулъ этой бурной жизни по стихіямъ вѣка сего.

Галатскій мостъ черезъ Золотой Рогъ Галата и Перѣ.

Полюбовавшись открывшейся панорамой, мы направились къ Галатскому мосту. На мосту сначала съ насъ хотѣли взять по паричкѣ ($2\frac{1}{2}$ коп.) за право прохода по нему, но, —увидѣвъ свѣтлыя пуговицы нашей формы, очевидно въ насъ признали военныхъ, а съ военныхъ всѣхъ національностей за проходъ по мосту не берутъ, —насъ свободно пропустили.

На утломъ и до невозможности грязномъ маленькомъ паракодикѣ мы отправились въ патріархію.

Паракодикъ остановился у Фанаря, около монастыря св. Георгія, въ которомъ живетъ Вселенскій патріархъ Германъ.

Здѣсь такъ пріятно побыть въ тѣни деревь, столь рѣдкихъ въ центральныхъ частяхъ Константинополя, — укрыться отъ немилосердно палящихъ лучей солнца.

Насъ встрѣтилъ цѣлый штатъ служащихъ при патріархѣ и вскорѣ послѣ доклада Его блаженству блаженнѣйшему патріарху Константинополя и всего Востока Герману первому — онъ изволилъ насъ принять въ торжественной аудіенціи.

Греческая церковь переживала дни гоненія на православіе. Въ Смирнѣ и Салоникахъ произошло кровавое столкновение между греками и турками. Во многихъ городахъ Турціи, особенно въ Малой Азіи турки избили грековъ и многихъ православныхъ подвергли мученіямъ...

Патріархъ принялъ крайнія мѣры. Въ день Св. Духа (26 мая) въ Константинополѣ и во всей Турціи онъ закрылъ для богослуженія всѣ православные храмы: — дабы обратить вниманіе европейскихъ державъ на тѣ притѣсненія и беззаконія, кои чинятъ имъ безбожные и невѣрные турки...

Не смотря на „трауръ церкви“, запрещающій всякіе торжественные приемы, патріархъ насъ принялъ.

Мы поднялись въ пріемный залъ, гдѣ царить полутьма и пріятная прохлада. Всѣ по очереди подошли къ блаженнѣйшему Кир-Герману, становились на колѣни и принимали благословеніе.

Патріархъ Германъ — старый, небольшого роста, весь сѣдой, хотя и слабый физически, но сильный свѣтъ Христовъ горитъ еще въ немъ.

На греческомъ (официальномъ) языкѣ онъ любезно привѣтствовалъ насъ, сказавъ, что наше посѣщеніе въ такое тяжелое время для греческой церкви приноситъ ему отраду и — пожелалъ намъ счастливо достигнуть завѣтнаго своего желанія — посѣтить Св. Землю и тамъ насладиться богатыми дарами святынь Христовыхъ.

Архимандритъ-переводчикъ передалъ намъ слова патріарха. Нашъ руководитель С. С. Василяди, какъ природный грекъ, въ горячихъ словахъ благодарилъ патріарха за благословеніе и благопожеланія на греческомъ языкѣ. Патріархъ благословилъ насъ еще общимъ благословеніемъ, а мы спѣли „Тὸν δεσπότη“.

Въ приѣмной остались преподаватели и священники, которые ѣхали вмѣстѣ съ нами въ экскурсіи. Съ ними патріархъ еще минутъ 10 бесѣдовалъ о дѣлахъ церкви. А мы въ это время осмотрѣли: малый синодъ (залъ для засѣданій его), кабинетъ патріарха и большой синодъ.

Затѣмъ всѣ вмѣстѣ осматривали патріаршую церковь.

Патріархія Вселенская, нѣкогда болѣе всѣхъ богатая святынями, теперь, послѣ иконоборныхъ неистовствъ, затѣмъ, разграбленія латинянами и, наконецъ, послѣ турецкаго разгрома, крайне обѣднѣла ими.

Патріаршая церковь—во имя св. Георгія Побѣдоносца. Въ ней, прежде всего, достопримѣчательна кathedра Іоанна Златоуста, или такъ называемый „Вселенскій Престолъ“. Съ нея произносилъ нѣкогда въ первоначальномъ маломъ храмѣ Святыя Софіи свои златолагольные проповѣди Великій Златоустъ.

Когда же онъ былъ изгнанъ и храмъ Софійскій сгорѣлъ, то кathedра его уцѣлѣла. Кathedра эта чернаго дерева, съ рѣзьбою и украшеніями изъ слоновой кости и темно-зеленымъ бархатнымъ сидѣньемъ.

Замѣчательна икона „Всеблаженнѣйшей“, которая находится въ притворѣ. Ликъ ея написанъ такъ чудно, что откуда ни посмотришь, всюду очи Ея съ любовію взираютъ на пришедшихъ въ храмъ.

Справа у иконостаса древняя икона Божіей Матери „Одигитрія“,—по преданію писана самимъ евангелистомъ Лукою, часть столба, къ которому привязанъ былъ во время бичеванія нашъ Спаситель и—чудотворная икона св. Іоанна

Крестителя. Эта икона была брошена въ костеръ, но только чуть подгорѣла снизу.

Направо находятся на вскрытіи мощи святыхъ: Соломо́ни, матери Маккавеевъ, Теофаніи, жены Льва Мудраго и святые Всехвальныя Евѣиміи; послѣднія знамениты тѣмъ, что нѣкогда, въ дни памяти страданій Ея, источали кровь ежегодно. Здѣсь намъ повѣствоввали два преданія.

Сбоку гроба Всехвальныя Евѣиміи было сдѣлано отверстіе, чрезъ которое полагали внутрь гроба губу и потомъ вынимали её напоенною кровью Валикомученицы, имѣвшей цѣлебную чудотворность; ею помазывались и исцѣлялись отъ всякихъ недуговъ. Одинъ изъ императоровъ усумнился въ возможности того, чтобы высохшія мощи могли источать кровь, и заподозрѣлъ поддѣлку и обманъ со стороны духовенства. Поэтому онъ лично вложилъ наканунѣ дня памяти страданій святой губу въ отверстіе и, удостовѣрившись, что внутри все сухо и нѣтъ признака крови, — отверстіе тщательно запечаталъ своей печатью. Но прошествіи дня памяти святой онъ открылъ гробъ и, вынувъ губу, нашелъ ее напоенной чудесной и чудотворной кровью мученицы... Но за это невѣріе и хульное сомнѣніе святая прекратила съ тѣхъ поръ чудесное источеніе своей крови.

Въ 451 г., во время преній за догматъ двухъ воль и двухъ естествъ во Христѣ и за догматъ о Богородицѣ, въ рану св. Евѣиміи были положены двѣ хартіи съ изложеніемъ исповѣданія вѣры обѣихъ спорящихъ сторонъ, и, когда потомъ гробъ, запечатанный съ хартіями, открыли, то православное исповѣданіе оказалось въ рукъ святой и на персяхъ ея, а еретическое подъ ногами ея. Это такъ повліяло на противниковъ, что всѣ они перешли на сторону православныхъ, кромѣ только самого озлобленнаго Діоскора, который и былъ преданъ анаемѣ.

Мощи святыхъ находятся въ ракахъ, но—открыты и богомольцы прикладываются прямо къ лобнымъ костямъ. Въ

небольшой чудной ракъ находятся мощи св. апостола Андрея.

Церковь св. Георгія весьма древняя и имѣетъ строго византійскій стиль (ὑψηλὰ); устроена, какъ и всѣ греческія церкви, съ низенькими царскими вратами и стасидіями по бокамъ, безъ солей. Въ алтарѣ вмѣсто завѣсы за царскими вратами устроена деревянная рама, передвигаемая на колесахъ. Иконостасъ рѣзной и совсѣмъ почернѣлъ отъ времени; двѣ большія иконы Спасителя и Божіей Матери— мозаичныя и довольно древнія. На лѣвой сторонѣ церкви у задняго столба устроена высокая каеэдра для чтенія евангелія, на которую діаконъ восходитъ по витой лѣстницѣ.

Храмъ вообще производитъ впечатлѣніе какого-нибудь нашего древняго русскаго собора, деревяннаго, покинутаго за нендобностью... Но—уходить отсюда не хотѣлось, ибо здѣсь такъ много собрано святыхъ и съ особою любовію взираешь на каеэдру св. Іоанна Златоуста, стараясь въ воображеніи представить чудный образъ вдохновеннаго старца, Златоустаго оратора...

Выйдя изъ храма, мы подробно осмотрѣли среднія ворота патріархіи, всегда закрытыя и даже огражденные.— На нихъ въ первый день Пасхи 12 апрѣля 1821 г. былъ повѣшенъ турками патріархъ Григорій V. Тѣло его два дня висѣло на воротахъ, а на третій—было отдано на поруганіе жидамъ, которые сорвали съ него святительскія одежды, съ ругательствами повлекли по улицамъ города и съ большимъ камнемъ бросили въ море. Но чудесно онъ не утонулъ, а былъ подобранъ на православное судно и доставленъ въ Одессу. Впослѣдствіи же тѣло его перевезли въ Аѣины, причемъ—по повелѣнію султана—сами же турки оказали военныя почести умученному ими патріарху, когда судно съ священными останками его проходило Босфоръ.

Ворста, на которыхъ онъ былъ повѣшенъ, остаются въ

неприкосновенности и на нихъ повѣшенъ портретъ умученнаго здѣсь патріарха Григорія V.

Изъ патріархіи по улицамъ Фанаря мы направились пѣшкомъ ко Влахернскому храму.

Улицы здѣсь кривыя, черезъ-чуръ узки и грязны. Изъ открытыхъ оконъ высовываются смуглыя лица гречанокъ, глазѣющихъ на прохожихъ, толпы ребятишекъ въ грязныхъ лохмотьяхъ встрѣчаютъ насъ своимъ привѣтствіемъ „χαίρετε“, а нѣкоторые изъ нихъ со смѣхомъ кричатъ вдогонку намъ уже по-русски: „здравствуй“.

Томительная жара заставляетъ все время искать тѣни и черезъ полчаса—три четверти часа мы наконецъ съ радостію достигли древняго Влахернскаго храма.

Студентъ В. Н. Поповъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

„Ночь возрожденія“.

(Изъ одной исповѣди).

Когда я былъ далекъ отъ религіи, какъ отъ живой, тѣсной связи съ Господомъ Богомъ. Когда полоса безцерковности охватила меня цѣликомъ послѣ моего желанія отойти, — въ угоду того сатанинскаго учрежденія, которое называется „общественнымъ мнѣніемъ“, „модой“, „средой“, „товариществомъ“, „прогрессомъ“, — отъ святого православія, въ которомъ я былъ воспитанъ въ лучшую пору своей жизни — въ дѣтствѣ. Когда на помощь безцерковности пришли любезныя указанному выше учрежденію духа тьмы, доктрины новыхъ и старыхъ еретическихъ сектъ и вѣяній, въ родѣ тѣхъ, что видимые предметы и формы поклоненія истинному Богу, — иконы, мощи, святыни Божьихъ храмовъ, лампы, таинства, обряды и другія установленія святого православія, — пережитки варварства, идолопоклонства, некультурности. Что-де поклоненіе истинному Богу должно производиться, по словамъ Христа „въ духѣ и истинѣ“.

О, какъ коваренъ сатана, отвлекая этими словами на новыя формы поклоненія Божеству людей, у которыхъ нѣтъ „ни духа, ни истины“, отъ святой правды, пробуждая при этомъ своимъ обычнымъ пріемомъ въ человѣкѣ горделивое чувство. Кому не лестно придти къ сознанію, что онъ *настолько* выросъ противъ своихъ со-

временниковъ, что ему давнымъ давно пора поклоняться Богу не во внѣшнихъ формахъ „старыхъ“, „отжившихъ“, „темныхъ“ людей, а „въ духѣ и истинѣ“? А такъ какъ послѣднихъ у него нѣтъ, ибо это является только лишь результатомъ огромнаго духовнаго опыта на почвѣ видимаго поклоненія Всемогущему Творцу неба и земли, Его Единородному Сыну и Святому Духу; опыта, установленнаго тысячелѣтними трудами Святой Апостольской Церкви,—онъ **никакъ не поклоняется** Всемогущему Богу, сначала въ ожиданіи пробужденія въ немъ и „духа, и истины“, а потомъ по привычкѣ.

Когда все это удалило изъ моей обыденной жизни великое значеніе святыхъ изображеній угодниковъ Божіихъ; когда потухли слабо мерцающія лампы передъ ликомъ Спасителя и Его Пречистой Богоматери, въ моемъ жилищѣ и въ моемъ сознаніи,—не я самъ, а сама моя душа почувствовала мучительную скорбь, тяжелое, беспросвѣтное одиночество.

Мнѣ чего то недоставало.

Какъ будто изъ моей комнаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ моей жизни была вынесена всегда согрѣвавшая меня уютная печечка.

Какъ будто я попалъ въ тотъ жизненный ледникъ, отъ котораго вокругъ идутъ холодныя волны морозящаго не только тѣло, но и душу ледянящаго холода.

Я пытался обратиться къ Всемогущему Господу Богу въ „духѣ и истинѣ“. Я старался чаще преклонять колѣни, закрывая рукой глаза, *не около святыхъ изображеній*, какъ это было раньше, а какъ можно дальше отъ нихъ; силился обращаться къ Нему въ „духѣ“, просить Его о своихъ нуждахъ, но я чувствовалъ, что то была не молитва, а протестъ противъ старыхъ установленій Церкви.

Я чувствовалъ, что нѣтъ здѣсь, ни „духа“, ни „истины“.

Я сталъ рѣже молиться, а потомъ пересталъ и совсѣмъ ..

Пока я былъ молодъ.

Пока жизнь улыбалась мнѣ; пока съ ранняго утра до глубокой полночи я вертѣлся на людяхъ, на этомъ рынкѣ житейской суеты, въ чадѣ новыхъ ощущеній, новыхъ переживаній,—я чувствовалъ себя, если не совсѣмъ спокойно, то, по крайней мѣрѣ, ничто не тревожило моей души.

Но, когда я сталъ старше, когда я ночью укладывался въ постель; когда чадъ жизни, какъ угаръ, выходилъ изъ моей головы; какъ туманъ, какъ завѣса, спадалъ съ глазъ моей души,—о, какая мучительная тоска; о, какая невыразимая боль охватывали мое сердце!

Какъ будто, тамъ, гдѣ то, внутри меня, раздавался стонъ тысячъ матерей, у которыхъ отняли ихъ дорогихъ малютокъ.

Какъ будто, миллионъ узниковъ были заключены въ окаменѣвающей скорлупѣ моего сердца и своими воплями, и стонами просили вернуть имъ святую свободу, радость видѣть родныя поля.

Какъ будто, тысячи путниковъ, сбившихся во время безпросвѣтной снѣжной мятели, вьюги, съ пути, отчаянно воили, ища спасенія отъ обледенѣвающаго ихъ существа бушующаго морознаго снѣжнаго вихря.

И эти вопли, сливаясь съ порывистымъ завываніемъ бурана, разрывали что то находящееся внутри меня.

Какъ будто, сотни тысячъ путниковъ жгучей песчаной Сахарѣ, потерявши освѣжающій источникъ холодной ключевой воды, съ пересохшими ртами, съ потрескавшимися отъ мучительной жажды губами, просили имъ дать хоть каплю воды, дабы утолить страшную мучительную жажду.

Иногда мнѣ казалось, что тамъ, въ тайникахъ моего сердца—маленькая уютная комнатка, въ глубинѣ которой у теплой лежанки, прикрытая бѣлоснѣжнымъ пологомъ дѣтская кроватка, и въ ней лежу я, бѣлокурый, жизнерадостный, пухлый мальчишка.

Въ комнатѣ мракъ; не теплится обычной лампы у

строгаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ добраго и ласкающаго своимъ благодатнымъ взглядомъ, стариннаго изображенія Святителя Николая, который въ лѣвой рукѣ держитъ храмъ Божій, а въ правой—мечъ, и я слышу около себя глухія, еле сдерживаемыя рыданія своей давно, давно умершей матери, которая въ самыхъ нѣжныхъ любовныхъ выраженіяхъ проситъ меня освѣтитъ этотъ чудный ликъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, комнату своей души, комнату своего сердца...

Очи смежаютъ мои глаза...

Тусклѣе и тусклѣе становятся мои страшныя переживанія...

Какое то другое „я“, во мнѣ находящееся, сладко говоритъ мнѣ: „слава Богу, наконецъ то я усну“...

Но, Боже, что я вижу?

Изъ передняго угла, изъ кіота выходитъ Мурликійскій чудотворецъ. Становится все больше и больше ростомъ. Все ближе и ближе подходитъ ко мнѣ. Вотъ я уже не вижу, а скорѣе чувствую, — потому что боюсь открыть глаза,—его худощавую, стройную фигуру. Его проникающій, пламенно горящій взглядъ, сквозь мои закрытыя очи вонзается въ мою душу. Я какъ то духовно чувствую, какъ онъ протягиваетъ ко мнѣ лѣвую руку съ находящимся на ней четырехглавымъ храмомъ Божиимъ и грозно говоритъ мнѣ,—зачѣмъ я покинулъ то, въ чемъ пребывали тысячелѣтіе мои предки? Зачѣмъ я отвергся отъ того, что давало и даетъ источникъ отрады и утѣшенія милліонамъ страждущихъ, но вѣрующихъ сердець? Зачѣмъ я отторгся отъ того стада, во имя принадлежности къ которому онъ, какъ нѣжный, любящій пѣстунъ, какъ добрая любвеобильная няня, до послѣдняго момента охранялъ меня своими молитвами? Зачѣмъ я примкнулъ къ лагерю тѣхъ людей, которые идутъ безумнымъ штурмомъ на Святую Православную Церковь, забывая, что вотъ этотъ мечъ онъ до послѣднихъ дней міра, какъ воинъ Христа, будетъ подымать

въ защиту святого православія и жестоко поражать враговъ послѣдняго? Всякій, кто отходитъ отъ защищаемой имъ святыни, пусть помнитъ, что этотъ мечъ высоко поднимается надъ выей отходящаго...

Въ мучительномъ ужасѣ я чувствовалъ, что великій угодникъ Божій грозно поднялъ свою правую десницу и надо мною взвился съ ярко блестящимъ, остро отточеннымъ лезвіемъ, карающій мечъ...

Я вскрикивалъ и просыпался.

Холодный потъ крупными каплями скатывался со лба, и сонъ бѣжалъ отъ меня...

Отличительный признакъ сатаны — горделивое упорство.

И если, человѣкъ, ты почувствуешь въ себѣ присутствіе этихъ двухъ объединенныхъ элементовъ, — гордыни и упорства, задумайся: тебя охватилъ сатана. Немедленно, — дорожи временемъ, — бѣги къ Распятому Смиренію, бѣги къ Пречистой Кротости, повергнись ницъ и проси служителя Церкви, вмѣстѣ съ тобой, помолиться о скорѣйшемъ освобожденіи.

Каждая секунда промедленія — твое несчастье, ибо эта духовная болѣзнь въ милліарды милліардовъ разъ опаснѣе физическаго заболѣванія гангреной...

Я, охваченный и этой гордыней, и этимъ упорствомъ, отправился не въ ту цѣлебницу, которая называется храмомъ Божіимъ, и не къ Тому Врачу, Который, въ присутствіи Своего вѣрнаго слуги и ассистента — слуги Церкви, выслушавши самыя искреннія, безо всякой утайки, описанія моей болѣзни, могъ бы излѣчить меня тѣмъ всеисцѣляющимъ лѣкарствомъ, которое представляетъ собою Пречистое Тѣло и Пречистую Кровь Его.

Нѣтъ, я пошелъ къ врачамъ міра сего.

И всѣ они, за исключеніемъ одного, у котораго въ переднемъ углу красовался цѣлитель и великомученикъ Пантелеймонъ, — всѣ они называли мою болѣзнь „страданіемъ

нервовъ“, а лѣкарствомъ: развлеченія, удовольствія, наслажденія.

И, какъ меня не уговаривалъ послѣдній, вѣрующій врачъ, обратиться къ своей родной религiи; обратиться къ Искупившему насъ Спасителю, Царицѣ Небесной, святителю и угоднику Христову Николаю, исповѣдываться и причаститься Святыхъ Христовыхъ Таинъ, и вообще—встать на путь той жизни, которую я проводилъ въ дѣтствѣ, подъ руководствомъ вѣрующихъ отца и матери, я не послушался его.

Онъ говорилъ такъ просто, онъ говорилъ отъ сердца, языкомъ сердца, но *бездоказательно*.

А тѣ, первые, тѣ говорили отъ науки, ученой рѣчью, доказывали свои доводы съ математической точностью, какъ дважды два четыре.

Мой разумъ былъ на ихъ сторонѣ, а чувства, распустившіяся, разнузданныя чувства,—въ ожиданіи удовольствій,—уже давно давнымъ перешли на сторону первыхъ.

И наступилъ новый періодъ въ моей жизни.

Ночь смѣнила день, а день смѣнилъ ночь.

Весь домъ, вся моя квартира огласилась музыкой, весельемъ.

Съ невинныхъ удовольствій я перешелъ на широкій разнузданный разгулъ—развратъ.

Карты, вино, женщины.

О Богѣ, о поклоненіи Ему въ „духъ и истинѣ“, уже не было и рѣчи.

Я сталъ смѣяться надъ тѣми, кто еще оставался въ этомъ, по моему мнѣнію, дѣтскомъ вѣрованіи.

Послѣдовательно забывалась семья; вѣрующая, труженица, честная жена.

Были заброшены дѣти...

Но лучше ли чувствовалъ я себя въ то время?

Не знаю.

Я въ то время не задумывался надъ этимъ.

У меня былъ отнять разумъ.

Закрѣты духовныя очи и заткнуты духовныя уши.

Одно я только припоминаю съ страшнымъ ужасомъ.

Я боялся ночи.

Я боялся ея, какъ грознаго призрака, какъ страшнаго суда.

Я боялся остаться самъ съ собою, съ своей собственной совѣстью.

Я боялся этихъ воплей души.

Я боялся этихъ стонѡвъ, которые я заглушалъ теперь наркозомъ жизни: виномъ, развратомъ и удовольствіями.

Съ самаго начала врачи приучили меня передъ сномъ оглушать себя разными успокоивающими снотворными наркотиками.

А чтобы тревожныя мысли моей души не жалили меня, когда я только проснусь, — я страшно боялся утренней молитвы, какъ боялся мой слуга во время моего дневнаго сна поднять тяжелыя портьеры, дабы лучъ свѣта не упалъ въ мои глаза, — мнѣ мгновенно подавали кофе, вино и газеты...

Но есть русская пословица: „сколько веревочку не вить, — кончику быть“.

И этотъ кончикъ придвигался.

Въ одно прекрасное утро мнѣ сказали, что мое имущество идетъ съ молотка.

Я впервые на яву, не только увидалъ, а даже почувствовалъ, что лезвіе опущеннаго на меня меча возмездія коснулось моей шеи.

Повязка спала.

Боже, что открылось передъ моими глазами!

Семья почти разрушилась.

Бѣдная страдалница жена, будучи не въ силахъ вернуть меня на путь правды, изстрадалась душой; постарѣла; и

дни, и ночи проводила, обливаясь горячими слезами, въ молитвѣ въ храмахъ Божіихъ.

Въ то время, когда я ничего не видѣлъ; ничего не слышалъ, въ ея душу проникалъ самый отдаленный церковный благовѣстъ, и она смотрѣла на него, какъ на призывъ Бога въ ея скорби, шла и молилась, шла и молилась.

Дѣти разошлись.

Двое дѣтей пошли по стопамъ матери.

А двое, о ужасъ, о проклятіе тому моменту, когда я отошелъ отъ Церкви,—пошли по моимъ стопамъ, да еще, какъ и все вырождающееся, въ усиленномъ масштабѣ...

Это былъ ужасный день.

Не вставая съ постели, я до слѣдующей ночи пролежалъ съ закрытыми глазами, и передо мной, какъ точно какой то страшный, невѣдомый, безпристрастный бухгалтеръ страница за страницей открывалъ счета моего жизненного „гросбуха“ (главной книги).

И я видѣлъ, какъ каждая страница этой страшной книги заканчивалась кровавыми буквами:

„Ты погибъ“...

Всѣ меня покинули.

Никто изъ моихъ самыхъ близкихъ людей даже не пришелъ навѣстить меня.

Никто изъ тѣхъ,—кто въ лучшіе годы, въ началѣ этого моего страшнаго пути, приходилъ ко мнѣ и говорилъ: „если ты отошелъ отъ своей Церкви, ты сдѣлался уже Божіимъ дитятей, ты спасенъ“; кто этимъ, какъ по наклонной плоскости, играя на моей человѣческой гордости, катилъ меня въ бездну паденія, — не заглянулъ ко мнѣ въ этотъ моментъ.

Одинъ только человѣкъ, мною отвергнутый, мною забытый, десятки разъ въ этотъ день старался подойти къ моей душѣ.

Это была моя страдальца жена, отвергнутая и покинутая мною въ дни сатанинскаго метода лѣченія моей душевной болѣзни.

Десятки разъ отворялась дверь въ мою комнату; десятки разъ осторожно изъ полуотворенной двери выглядывало лицо этой святой женщины, но мнѣ стыдно было открывать передъ ней глаза, и я лежалъ, какъ будто, въ забытіи...

Итакъ, повторяю, въ моемъ мозгу неустанно, какъ мощный ударъ молота, раздавались слова:

„Я погибъ, я погибъ, я погибъ“...

Наступила ночь.

Ужасная мучительная ночь.

О, какъ я боялся этой ночи!

Какъ на протяженіи многихъ лѣтъ безумной жизни я бѣгалъ отъ нея.

Наконецъ она пришла.

Чувствую, что я буду не въ силахъ предстать передъ страшный судъ своей совѣсти, я, какъ воръ, потихоньку всталъ, подошелъ къ своему письменному столу, вынулъ револьверъ.

Тщательно осмотрѣлъ его.

Убѣдился, что онъ правильно заряженъ, положилъ его подъ подушку и рѣшилъ, какъ только особенно будетъ тяжело, покончить съ собой.

И странное дѣло, я вдругъ сдѣлался совершенно спокойнымъ, какъ будто бы вопросъ обо мнѣ былъ совершенно законченъ, какъ будто я былъ окончательно приговоренъ къ смерти.

Но вотъ началось то, чего я такъ страшно боялся.

Мгновенно моя грудь была сразу преисполнена такимъ невыразимымъ страданьемъ, которое подступало и лилось къ горлу; которое ширилось, казалось до безпредѣльности и готовилось заглушить, захлестнуть меня мертвой петлей отчаянія.

Внутри меня все горѣло палящимъ огнемъ.

Каждый фибръ, каждый нервъ моего тѣла мучительно трепеталъ и, казалось, хотѣлъ вырваться отъ меня и куда то далеко, далеко убѣжать.

Все это ныло, тосковало, стонало, плакало.

Я не зналъ, куда мнѣ положить свою голову, руки, ноги.

Я мучительно перебрасывался на кровати изъ стороны въ сторону.

Тоска, безпредѣльная, мучительная тоска давила меня.

Лежать съ закрытыми глазами я не могу.

Мнѣ кажется, что они готовы выскочить изъ своихъ орбитъ.

Открою и—передо мною холодный мракъ безпросвѣтной могилы.

Въ головѣ ни одной мысли, только лишь изрѣдка, какъ отголосокъ недавняго размышленія, какъ мучительный хищникъ воронъ съ вершины зубчатой башни, изрѣдка „кто-то“ кричитъ въ мою душу:

„Погибъ, погибъ, погибъ“...

Я хочу молиться, хочу направить свое сердце къ Тому, Кто когда то давно, давно откликался на мои, даже дѣтскія просьбы.

Но „кто-то“, какъ указанный выше воронъ, говорилъ мнѣ съ мучительной ироніей въ голосъ:

„Опоздалъ, опоздалъ“.

Когда я, ощущая реальность этого голоса, открывалъ свои глаза, я прежде всего видѣлъ массу красныхъ кровавыхъ пятенъ, быть можетъ, отъ прилива крови къ головѣ; быть можетъ отъ того, что я лежалъ цѣлый день съ закрытыми глазами.

Эти кровавые пятна неудержимымъ потокомъ лились откуда то изъ-за меня, слѣва и, то расплываясь, то суживаясь, какъ ртуть въ миллиардахъ капель, то приближаясь, то отдвигаясь отъ меня, исчезали въ пространствѣ.

Сначала я къ этому явленію относился безразлично, потомъ, сталъ бояться закрыть глаза.

„Вотъ такъ то въ могилѣ,—думалось мнѣ; буду видѣть, какъ эти кровавыя пятна будутъ превращаться въ миллиарды самыхъ ужасныхъ существъ и терзать, рвать, разлагать мое тѣло“.

О, какъ страшна смерть!

Ужасъ все болѣе и болѣе охватывалъ мой умъ.

А зловѣщій воронъ рѣдко, мѣрно и отчетливо каркалъ:

„Погибъ“.

Но... вотъ я въ ужасѣ даже нѣсколько приподнялся.

То расплывающееся, то удаляющееся кровавое пятно превратилось въ круглую, плотную фигуру невѣдомаго мнѣ человѣка и замерло передъ моими глазами.

Я окаменѣлъ.

Ближе всматриваясь въ смутныя, неясныя черты лица появившагося передо мною призрака, я чуть не вскрикнулъ отъ ужаса: передо мною стоялъ образъ одного изъ тѣхъ учителей моей гимназической жизни, который когда то логикой мысли заронилъ въ мою душу сомнѣніе въ существованіи Бога.

Я глухо застоналъ, повалился на подушку, а фигура, казалось мнѣ въ то время, съ адскимъ хохотомъ, то расплываясь, то суживаясь, отходила отъ меня, сливаясь съ общей массой кровавыхъ, безформенныхъ пятенъ.

А грудь разрывается на части.

Тамъ, въ глубинѣ ея начинается слышаться, какъ назойливое жужжанье мухи, попавшей въ паутину къ пауку, отдаленный крикъ какого то знакомаго голоса.

Вслушиваюсь.

Ближе, ближе.

Боже! это голосъ моей матери.

Я даже различаю слова.

Ясно... членораздѣльно:

„Онъ по-ги-ба-етъ“...

И этотъ мучительный вопль рѣзкимъ диссонансомъ прерывается грубымъ отчетливымъ карканьемъ ворона:

„Погибъ“.

Кровавыя, красныя пятна закружились, завертѣлись на одномъ мѣстѣ, выросли въ одну длинную колонну.

Нащупываю рукой подъ подушкой револьверъ, приподнимаюсь съ постели. Ярко кровавый цвѣтъ исчезъ и передо мной высокая, тонкая, длинная фигура.

Опять что-то знакомое.

Сиюсь припомнить.

Усиленно работаетъ мозгъ.

Великій Боже! опять тяжелое воспоминаніе.

Я не вижу его лица. Не слышу его голоса, но чувствую, что это онъ, тотъ, который когда то, давно, давно убѣдилъ меня оставить Православіе, удалить отъ себя святыя иконы, ихъ чудныя умиротворяющія душу лампы. И когда я это сдѣлалъ, онъ назвалъ меня „чадомъ Божиимъ, навсегда спасеннымъ отъ мукъ ада, отъ вѣчнаго суда“.

Будь ты проклятъ! прошепталъ я.

И призракъ, разсыпавшись на миллиарды красныхъ кровавыхъ пятенъ, съ торжествующимъ хохотомъ утонулъ во мракѣ.

Вслѣдъ за нимъ вырисовывались передо мною слагающіяся изъ этихъ мучительныхъ пятенъ всѣ, кто такъ или иначе отводилъ меня отъ правды, начиная съ докторовъ и кончая самой послѣдней кокоткой, которая подносила мнѣ чашу разврата.

А въ душѣ цѣлый хоръ мучительныхъ воплей.

Цѣлая симфонія отчаяннаго, непередаваемого мучительнаго стона.

Надъ всѣмъ этимъ царилъ проклятый голосъ проклятаго ворона:

„Погибъ“....

Кровавыя пятна, то лѣзли по стѣнамъ, то повсюду пресмыкались по полу, то взбирались по одѣялу моей постели и подходили чуть не къ самой груди, насѣдали на нее, давили ее.

Впервые за много лѣтъ рука моя искала на своей груди святое Распятіе.

Судорожно сжимались пальцы.

Но, увы, Его не было...

Я задыхался.

Нѣсколько разъ я брался за орудіе смерти.

Нѣсколько разъ я поднималъ его то къ виску, то къ сердцу.

Но вдругъ откуда-то передъ моими глазами появлялось острое, ярко-блестящее лезвіе какого то знакомаго мнѣ меча и отводило отъ меня это страшное орудіе.

Я чувствовалъ, что я схожу съ ума.

Наконецъ, довольно!

Нѣтъ больше силъ.

Я послѣдній разъ выхватилъ револьверъ и уже приложилъ холодное дуло его къ тревожно бьющемуся сердцу...

Въ мою комнату отворилась дверь, и я увидѣлъ жену, вносящую ко мнѣ образъ святителя Николая, тотъ самый, который давно, давно былъ въ моей дѣтской, а сзади съ зажженной лампадой шелъ тотъ святой докторъ, который много лѣтъ назадъ, руководимый цѣлителемъ и врачевателемъ Пантелеймономъ, давалъ мнѣ добрые совѣты, отвергнутые мною.

Соскользнуло безсердечное дуло съ области немного ниже лѣваго соска, дрогнула гашетка. Раздался выстрѣлъ...

И я впалъ въ глубокій обморокъ.

Черезъ два съ половиной часа при свѣтѣ брежжущей зари я въ сообществѣ страдальцы жены и врача молился передъ ликомъ святителя Николая.

И впервые за много лѣтъ я услыхалъ благовѣсть въ ближайшей церкви къ святой утрени.

Жена въ теченіе всей ночи, стоя у двери моего кабинета, слышала стоны, испускаемые мною во время всѣхъ перипетій моего страшнаго переживанія, и, наконецъ, не вытерпѣла и послала человѣка къ своему любимцу доктору,—великому христіанину, а когда онъ пріѣхалъ, она взяла у моей няни образъ святителя Николая съ зажженной лампадой и спасла меня отъ смерти.

Давно я такъ не молился.

Это была молитва спасеннаго отъ гибели.

Это была молитва воскресшаго, выравшагося изъ объятій смерти человѣка.

Не хотѣлось отрываться отъ этой молитвы.

Солнце уже ярко окрасило золотистыми лучами начавшійся день, а мы то молились, то проливали слезы радости, то съ ужасомъ вспоминали прошедшее, то съ душевнымъ восторгомъ благословляли настоящее.

Наконецъ, когда все было выплакано, я обратился съ вопросомъ къ своимъ искреннимъ друзьямъ: что же мнѣ теперь дѣлать?

Жена и милѣйшій Д. С.,—такъ звали врача,—въ одинъ голосъ отвѣтили мнѣ:

„Въ святую Оптину. Сейчасъ же съ первымъ отходящимъ поѣздомъ. Къ блаженнымъ старцамъ. Въ эту лечебницу отъ всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, и невзгодъ“.

Съ этого момента я снова возвратился въ лоно святого Православія.

Вернулся прежде всего къ благодатной Церкви и ея установленіямъ, а затѣмъ къ традиціямъ старины.

И потекла моя жизнь счастливо, спокойно и безмятежно.

Я былъ нищій, но былъ счастливѣе всякаго богача.

И стала мнѣ понятна одна великая міровая истина.

И стала для меня цѣнна святая роль Православной Церкви, какъ охранительницы традицій благодатной старины.

И стала мнѣ понятна нетерпимость по отношенію къ ней всего, что несетъ въ жизнь прогрессъ европейской культуры съ его новыми формами и знаніями и человѣческими взаимоотношеніями, и со стремленіями создать новыя вѣры для того, чтобы пошатнуть и ликвидировать старую.

И стало мнѣ понятно, почему по пути къ общему стремленію къ прогрессу, не смотря на всѣ удобства и усовершенствованія жизни, такъ много трагедій человѣческой души.

Такъ болитъ, такъ скорбитъ человѣческое сердце.

И почему эта же самая душа, -- когда перешагнетъ ту демаркаціонную линію своего существованія, за которой начинается поворотъ къ старому, къ охраненію золотого минувшаго, къ возврату прошедшаго, --- успокаивается, оживаетъ.

Посмотрите на исторію человѣческой жизни.

На исторію всего, существеннаго въ мірѣ, во вселенной.

Все идетъ по одному направленію **впередъ**.

По пути къ **про-грессу**.

По пути къ усовершенствованію **видимой** жизни.

Видимой, а не духовной.

И стремится быстро, энергично, все разрушая и ломая на своемъ пути.

Что же впереди не только у этого самаго прогресса, не только у человѣчества, но даже у всей вселенной?

И исторія человѣчества, и всѣ другія науки свидѣтельствуя одно:

*Впереди у **всѣхъ** и у **всего** **смерть**.*

Умираетъ человѣкъ, какъ отдѣльная личность.

Вымираютъ и исчезаютъ съ лица земли цѣлыя народности, цѣлыя государства.

Умирають и исчезаютъ изъ вселенной цѣлыя планеты, цѣлыя солнечныя системы.

Умираетъ и послѣдовательно умереть видимая нами солнечная система, наша земля, наши планеты.

Вѣдь объ этомъ даже говорить Божественный Спаситель міра.

„Солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба“... (Матѳ. 24, 29).

А вѣдь, замѣтите, Божественный Спаситель міра не говорилъ ничего, чтобы не подтверждалось наукою, не подтверждалось фактами.

Значить, всякое стремленіе **впередъ** въ этомъ направленіи есть стремленіе къ концу, къ смерти.

Стремленіе, только лишь въ одной части, изъ всего искусственнымъ путемъ забѣжать впередъ того, что должно придти своимъ чередомъ.

И все равно, какъ мы наблюдаемъ въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни, что всякое форсированіе нарушаетъ гармонію въ существующемъ, — какъ напримѣръ, люди, употребляющіе для передвиженія велосипедъ, страдаютъ разстройствомъ аккомодации зрѣнія, потому что наши глаза приспособлены обслуживать зрѣніе предметовъ при нашемъ передвиженіи пять верстъ въ часъ, а не пятнадцать верстъ—въ то же время,—такъ и въ этомъ случаѣ форсированіе по пути прогресса въ нашей видимой личной жизни, непропорціональное обычному теченію жизни, не можетъ пройти безнаказанно для нормальнаго теченія самой нашей жизни.

Поэтому у насъ наблюдается такая масса жизненныхъ скорбей, нестроений, дисгармоній, усталости жить.

Кромѣ того, во главѣ прогресса стоятъ подъ прикрытіемъ самыхъ благородныхъ побужденій горделивость, самочинность, и какъ это называлъ блаженной памяти покойный В. С. Соловьевъ, „ячество“.

А съ этимъ тѣсно связаны борьба за существованіе, за положеніе, вражда, озлобленіе, человѣконенавистничество.

Словомъ, — всѣ элементы, мѣшающіе людямъ спокойно жить, и антихристіанскіе.

Но въ самой жизни, въ людяхъ, и даже въ самой природѣ существуетъ направленіе, діаметрально противоположное первому, направленіе „охранительное“, „консервативное“, которое видитъ не только ясно и опредѣленно, но даже часто и инстинктивно печальныя послѣдствія описаннаго выше поступательнаго движенія впередъ.

Это охранительное направленіе несетъ въ своей основѣ полное подчиненіе волѣ Всемогущаго Бога, смиреніе и желаніе возможно прочнѣе и крѣпче удержать близъ себя не только настоящее, а даже и дорогое минувшее.

Во главѣ этого послѣдняго движенія стоитъ Церковь, которая не чуждается прогресса, — наоборотъ, она въ лицѣ апостола Павла говоритъ: „все испытывайте, но держитесь только хорошаго“. (1 Тесс. 5, 21).

И, обратите вниманіе, насколько близко и сродно человѣческой душѣ это послѣднее направленіе.

Человѣкъ чувствуетъ въ немъ себя спокойнѣе и уравновѣшеннѣе.

Онъ больше живетъ своей **духовной** жизнью.

Больше остается самъ съ собою.

И его духовныя богатства не растрачиваются, а пріобрѣтаются, не теряются, а преумножаются.

Вѣдь какъ часто мы слышимъ по отношенію, допустимъ, къ Китаю выраженіе полной, если хотите, зависти.

„О, да, это страна будущаго. Это новъ. Это непочатое богатство“.

А всѣ упускаютъ изъ виду, что Китай въ области прогресса и культуры давнымъ давно пережилъ то, къ чему мы только что стремимся, и за много сотенъ лѣтъ до Рождества Христова, во главѣ со своимъ мудрымъ отечествен-

нымъ „пророкомъ“, совершенно парализовалъ виѣшній, матеріальный прогрессъ и возвратился къ старой, самобытной, теперь кажущейся намъ сказочной, **духовной** культурѣ...

А Индія?...

Но это до будущей бесѣды.

Теперь я славу Богу ожилъ.

Теперь я питаюсь благодатными источниками Святой Православной Церкви.

Отдыхаю и укрѣпляюсь въ ея дивныхъ обителяхъ и храмахъ.

Исцѣляю свою душу и тѣло въ моменты заболѣванія у ея благотворныхъ святынь; у ея чудныхъ оживляющихъ души лампадъ; слышу ея голоса призыва къ себѣ, когда она церковнымъ благовѣстомъ призываетъ насъ, какъ птица птенцовъ своихъ, подъ крылья.

И, вкусивши ужасъ отпаденія отъ нея, вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, говорю, что теперь „если бы даже ангель съ неба сталъ благовѣствовать мнѣ не то, что благовѣствуетъ намъ Святая Апостольская Церковь, то да будетъ анаѣема“ (Гал. 1, 8), ибо Создатель моей родной религіи, Господь Іисусъ Христосъ не умеръ, не исчезъ, не измѣнился, а какъ тогда, во время Своей жизни на землѣ, такъ вчера, теперь и сегодня и во вѣки Тотъ же. (Евр. 3, 8).

И всякое отхожденіе отъ Него и отъ Церкви, всякое уклоненіе отъ Него, отъ Его ученія и отъ того, что говорятъ и говорили о Немъ благословенные отцы Церкви, это значить стремленіе окунуться въ ту область, въ которой говорятъ о Немъ то, что не благовѣствовали апостолы.

Опуститься съ головой въ ту трясины, которую мы выше, вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, предали анаѣемъ.

Найдутся, быть можетъ, люди, которые скажутъ: не довольно ли познать Христа по Его жизни и по Его ученію?

Нѣтъ, безусловно, нѣтъ.

Душѣ, полюбившей Господа, именно необходимо и Его ученіе, и **что** говорить о Немъ.

Вѣдь, если мы, стараясь освѣтить личность какого либо изъ отечественныхъ героевъ, изъ писателей, составляемъ прежде всего самую подробную его біографію, а затѣмъ его личные труды и сочиненія и, непременно, отзывы о немъ раньше насъ познавшихъ его, то можемъ ли мы иначе относиться къ Пострадавшему за насъ и Искупившему насъ Своею Кровію Господу нашему Иисусу Христу?...

А это все даетъ Св. Церковь, въ лицѣ ея отцовъ и учителей...

Итакъ, я у пристани.

Правда, пережитыя испытанія стоили мнѣ многолѣтнихъ страданій, и даже выстрѣлившій, какъ я рассказывалъ выше въ святую ночь моего возрожденія, револьверъ отшибъ мнѣ мизинецъ лѣвой ноги, но все это ничто въ сравненіи передъ душой, которая могла погибнуть въ этихъ страшныхъ тенетахъ.

„Лучше для тебя, сказалъ Христосъ“: чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену“. (Матѣ. 5, 29).

Слава Всемогущему Господу Иисусу Христу за мое спасеніе въ эту великую ночь моего возрожденія!

Слава Его Пречистой Богоматери, Приснодѣвѣ Маріи!

Слава святителю и угоднику Божію, чудотворцу Николаю!

Слава угодникамъ Божіимъ и подвижникамъ Святой Православной Церкви!

Слава ея настоящимъ молитвенникамъ и труженникамъ!

Слава и аллилуія!...

В. П. Быковъ.

Откликъ на „Письмо изъ Канады“.

Въ Мартовской кн. „Голоса Церкви“ было напечатано „Письмо изъ Канады“. Содержаніе этого письма въ высшей степени жгуче, какъ по современности намѣченнаго въ немъ къ рѣшенію вопроса, такъ и по безмѣрной цѣнности самаго вопроса.

Есть вопросы старыя, вѣковѣчныя и въ то же время всегда юнѣющіе и никогда не увядающіе. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ и намѣченный въ „Письмѣ изъ Канады“ вопросъ о бичѣ человѣчества—войнѣ. Авторъ письма, угнетаемый тяжестью настоящей великой брани народовъ и движимый христіанскою любовью, силится разрубить этотъ Гордіевъ узелъ—войну и сдѣлать это во имя христіанства, чѣмъ и избавить христіанство отъ нареканій въ его банкротствѣ и поднять значеніе христіанства въ жизни современнаго человѣчества.

Порывъ не только прекрасный, но и увлекающій. Цѣль въ самой основѣ своей глубоко христіанская. Ни о чемъ такъ не молится изо дня въ день Церковь Христова, какъ „о мирѣ всего міра“, ничто такъ не противно ея природѣ, какъ изреченіе язычества: „человѣкъ человѣку волкъ“,—ничто такъ не манитъ ее и ничего такъ она не лелѣетъ, какъ пророческую вѣсть: „и раскуютъ мечи свои на орала и копыя свои на серпы“...

Но какъ всего этого достигнуть? Пригодны ли тѣ сред-

ства, какія предлагаетъ авторъ „Письма изъ Канады“? Авторъ, оговоримся, полагаетъ возможнымъ употреблять въ этомъ направленіи тѣ или другія средства лишь по окончаніи этой войны, когда поправная тевтонами правда будетъ восстановлена и тевтонское зло получить должное возмездіе.

Однако, что же это за средство? *„Коллективное выступленіе“*, съ цѣлью *„вызвать движеніе въ пользу разумнаго разоруженія“*.

Но чтò значить такое „коллективное выступленіе“, базирующееся на силѣ моральной, когда приходится имѣть дѣло съ милліонами „культурныхъ“ германскихъ народовъ, которые считаютъ всякую мораль—блажью, а нравственные обязательства—„клочкомъ бумаги“, пригодной лишь для бумажнаго змѣя ребятишекъ?!. Что значить такое моральное „коллективное выступленіе“, когда приходится считаться съ милліонами уже и не германскихъ народовъ, которые не только остаются равнодушными къ варварству тевтоновъ, но еще тайно или явно содѣйствуютъ его за-силью, или даже цинично занимаются торгашествомъ на міровомъ земельномъ рынкѣ, отгрызая у барышниковъ себѣ тотъ или другой лакомый кусокъ?!. И, право, трудно сказать, кто омерзительнѣй въ этомъ кровавомъ кошмарѣ тевтоновъ: самъ - ли вампирно - образный тевтонъ, явно вскрывшій себя, или эти подворотные вампирчики, которые безъ риска, но также льнутъ утучниться на счетъ чужой крови!.. Пожалуй, все это торгашество итальянцевъ, грековъ, болгаръ, румынъ и имъ подобныхъ еще омерзительнѣе тевтонскаго варварства, такъ какъ, являясь таковымъ же по существу, совмѣщаетъ съ нимъ въ себѣ еще и пошлость торгашей.

Гдѣ ужъ тутъ, при такомъ господствѣ въ народахъ похотливаго звѣря, до морально „коллективнаго выступленія“!!!.

Нѣтъ, здѣсь уже вынуждаются поборники правды къ другого рода средствамъ. Это тѣ средства, которыя и Моисей вынужденъ былъ ввести „по жестокосердію“ своего народа и другихъ. Да, какъ это ни странно, но бываетъ надобенъ и „бичъ“, бываетъ надобенъ и „мечъ князя“ для уничтоженія зла. Народная мудрость давно уже оцѣнила подобныя трагическія положенія, когда приходится „клинь клиномъ вышибать“. Правда, авторъ „Письма изъ Канады“ явно и самъ склоняется въ эту сторону.

Онъ предлагаетъ гарантировать дѣйствіе моральной силы учрежденіемъ „международнаго трибунала“, который будетъ судьей во всѣхъ международныхъ спорахъ и свои рѣшенія будетъ проводить въ жизнь силою „военныхъ кораблей и артиллеріи“, что вполнѣ надежно, такъ какъ ни у кого, кромѣ этого трибунала, не должно быть ни „военныхъ кораблей“, ни „артиллеріи“.

Читая это предложеніе Жозефа С. Белля, автора „Письма изъ Канады“, я невольно вспомнилъ народное изреченіе: „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“. Дѣйствительно, предложеніе Ж. С. Белля и сказочное, и не осуществимое, да и для намѣченной имъ цѣли совершенно непригодное. Каждое государство обуревается опасностями не только изъ области вѣдѣнія гг. министровъ *иностранныхъ* дѣлъ, но еще болѣе своего домашняго внутренняго происхожденія. То въ государствѣ идетъ борьба за власть, то борьба экономическая, социальная, національная и т. п. Нерѣдко государство вынуждается прибѣгать къ вооруженной силѣ, къ силѣ „военныхъ кораблей и артиллеріи“, чтобы ввести внутри государства миръ и обезпечить себѣ дальнѣйшій ростъ и существованіе. Безъ такой военной силы любое государство скоро же превратится въ библейски-пророческаго истукана и падетъ отъ малѣйшаго удара отъ внутренней анархіи. Значитъ, военная сила ему нужна и тѣмъ болѣе огромная, чѣмъ об-

ширнѣе государство. И здѣсь уже возможно идти до безконечности... Но, быть можетъ, эту задачу государства приметъ на себя проектированный „международный трибуналъ“? Но тогда уже онъ явится и не въ своей роли, и съ непосильной ношей, если принять во вниманіе міровую территорію. А затѣмъ, что особенно важно, такой трибуналъ самъ заберется въ такія дебри столкновенія разныхъ интересовъ многочисленныхъ народовъ и народностей, да притомъ и самъ въ своей средѣ, какъ въ зеркалѣ, такъ отобразить волей-неволей всю эту сумятицу,—что и свою военную силу употребить прежде всего противъ себя-же и здѣсь, конечно, одни будутъ побѣдители, а другіе побѣжденные и такое же положеніе охватить весь опекаемый имъ міръ. Вообще предложеніе такого трибунала для рѣшенія столь сложнаго мірового вопроса, какъ война и вооруженія, настолько непригодно, настолько наивно,—я не смѣю подозрѣвать автора „Письма“ въ худыхъ намѣреніяхъ, хотя и они не невозможны, такъ какъ названный трибуналъ уже очень близокъ къ „диктатурѣ пролетаріата“, съ его „общечеловѣческимъ социальнымъ союзомъ“ и „рабочимъ вѣдомствомъ“,—что о немъ нѣтъ нужды много распространяться.

Но вотъ что удивительно, такъ это намѣреніе Ж. С. Белля проводить этотъ трибуналъ подъ знаменемъ христіанства и для поднятія авторитета Церкви Христовой и пр...

Удивительно, какъ это заграничные люди *инославныхъ* исповѣданій не могутъ и даже не хотятъ понять души или сердцевины христіанства! Никогда Христось, какъ и вѣрная Его завѣтамъ Православная Церковь, не училъ, что отъ внѣшняго того или иного строя зависить миръ міра, и въ людяхъ благоволеніе. Все это дается инымъ путемъ, иною міровою работою и эта работа *духовная*. Она состоитъ въ воспитаніи народныхъ сердецъ въ завѣ-

тахъ Христа, во внѣдреніи во внутренняго человѣка Христа, съ Которымъ бы человѣкъ вострапезовалъ въ сердцѣ своемъ. Тогда изъ чрева человѣческаго потекутъ рѣки воды живой и дѣла его просвѣтятся, яко солнце. Тогда изсохнутъ моря и рѣки крови и слезъ, провалятся въ бездну океаны горя и въ мірѣ водворится миръ и въ людяхъ благоволеніе. Помните: „ищите прежде Царства Божія и правды Его, а остальное все приложится вамъ... Царство же Божіе *внутрь* васъ есть“?... А если его нѣтъ *внутри*, то тщетны всѣ „трибуналы“... Звѣрь и укрощенный дрессировщикомъ—все жъ звѣрь и, при первомъ удобномъ случаѣ, дѣлаетъ жертвою своей дрессировщика. Міръ переживалъ эти трибуналы, хотя и въ другой формѣ, но съ тѣмъ-же содержаніемъ и давно мудрецъ произнесъ свое вѣщее слово надъ ними: „все суета суеть и томленіе духа“... Надобно не новое томленіе, а отдушина просвѣтъ... Надобна не новая міровая тьма, а Виѣлеемская Звѣзда... На ея свѣтъ надо идти и идти съ сердцемъ Виѣлеемскихъ пастуховъ,—и тогда міръ огласится Ангельскою пѣснью, которая снова спустится съ небесныхъ высотъ на землю и разольется повсюду отъ хижинъ до чертоговъ и всѣхъ плѣнитъ своими чарующими словами: „Слава въ Вышнихъ Богу, и на земли міръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“...

М. Правдолюбовъ.

Мало оцѣненное средство пастырскаго вліянія.

Для всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ устроенія христіанской жизни въ условіяхъ раскрывающагося передъ нами содержанія дѣйствительности, несомнѣнно важнымъ является вопросъ о пастырскомъ вліяніи. Особую остроту, конечно, онъ пріобрѣтаетъ для пастырей.

Если пастухъ не можетъ руководить своимъ стадомъ, онъ пастухъ негодный; если пастырь не оказываетъ желаемого вліянія на свою паству, онъ тогда напрасно носитъ и имя пастыря. А между тѣмъ вліять на своихъ пасомыхъ, создавать, если не внѣшній строй, то по крайней мѣрѣ, внутренній духъ ихъ жизни — дѣло, требующее и огромнаго напряженія, и обширнаго знанія, да при этомъ и встрѣчающее самыя разнообразныя препятствія. Это голосъ всѣхъ пастырей, „отъ лѣтъ древнихъ“, до нашего времени: „управлять человѣкомъ, этимъ хитрымъ животнымъ, самое труднѣйшее изъ искусствъ“. Поэтому все, что можетъ хоть сколько-нибудь облегчить это дѣланіе, что можетъ дать хоть одинъ лишній шансъ увѣренности въ приближеніи къ свѣтящимся идеаламъ пастырствованія, должно бы пользоваться особымъ вниманіемъ со стороны пастырей. Фактически же не всегда такъ бываетъ. Еще не такъ давно было время, когда пастыри не пользовались такимъ могучимъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, какъ проповѣдническое слово, да и не только не пользовались, но и не считали это нужнымъ... И теперь, правда есть цѣлые города у насъ на Руси, въ которыхъ обитатели слышатъ проповѣдь при наличности 5 церквей одинъ—два раза въ годъ (въ та-

комъ уѣздномъ городѣ мнѣ пришлось недавно быть), но теперь это скорѣе объясняется „немощью“ служителей алтаря и по крайней мѣрѣ не вызываетъ противодѣйствія проповѣдникамъ, имѣющимъ и желающимъ предложить слово.

Но если въ настоящее время въ сознаніе пастырей входитъ сознаніе пользы и важности въ дѣлѣ созиданія христіанской жизни проповѣдничества вообще, то далеко не съ такой отчетливостью предносится намъ значеніе живого пастырскаго слова при совершеніи требъ по частнымъ нуждамъ членовъ прихода.

Нельзя сказать, чтобы совершенно не возбуждался вопросъ о значеніи, характерѣ и особенностяхъ этого вида проповѣдничества. Есть даже цѣлые сборники словъ, бесѣдъ и поученій на разные случаи пастырской практики, но блѣдность этихъ сборниковъ, ихъ малое число уже свидѣтельствуютъ, что пастырское слово при требоисправленіи не оцѣнивается во всей полнотѣ.

А если взглянуть на практику жизни, то тутъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ встрѣтимъ молчаніе пастыря въ тѣ моменты, когда онъ тѣснѣе всего входитъ въ общеніе съ отдѣльной живой душою своего прихода.

Между тѣмъ, какую благодатную почву для сѣянія представляетъ душа человѣка, пожелавшаго помолиться со священникомъ потому или иному поводу... Зовутъ священника для молитвы—въ этомъ уже залогъ того, что человѣкъ ищетъ или духовнаго утѣшенія, или возможности излить полно, до конца охватившую душу радость, тутъ всякое одухотворенное слово западетъ на сердце. Проповѣдь „церковная“ (въ узкомъ смыслѣ) нерѣдко имѣетъ передъ собою инертную массу, духовно дремлющую; чтобы разбудить такихъ слушателей, увлечь ихъ за полетомъ своей мысли, проповѣднику необходима подъ-часъ великая внутренняя мощь, сила воодушевленія, которая заставляла

бы непремѣнную волю слушателя подчиняться волѣ проповѣдника. Не всѣмъ дано *властвовать* надъ толпой; при требоисправленіи же душа человѣка сама готова *подчиниться* вліянію пастырскому.

Это съ одной стороны. Затѣмъ, при требоисправленіи пастырь входитъ въ самую суть жизни своихъ пасомыхъ. Онъ не отвлеченно можетъ разсуждать о тѣхъ или иныхъ нуждахъ своихъ дѣтей духовныхъ, онъ призывается по опредѣленному поводу, и каждый этотъ частный случай въ жизни отдѣльнаго члена своего прихода можетъ освѣтить свѣтомъ Богооткровенія. А это-то особенно и важно въ дѣлѣ упроченія пастырскаго вліянія; пока христіанская проповѣдь является отвлеченной доктриной, она не получаетъ особенной цѣны въ устахъ пастыря—проповѣдника; послѣдній лишь тогда получить возможность вести въ народъ Евангельское благовѣстіе безрезультатно, когда будетъ видно всякому, что онъ не чуждъ всѣхъ мелкихъ радостей и горестей, которыя близки его пасомымъ. Заинтересованность въ положеніи другихъ естественно вызываетъ потребность сказать нѣчто по поводу самого предмета или случая, который вызвалъ интересъ, т.-е. иначе говоря, назидательное слово пастыря свидѣтельствуетъ о степени его близости къ пасомымъ.

Далѣе. Проповѣдь при требоисправленіи можетъ заставить запомнить много такихъ истинъ и положеній христіанскаго ученія, которыя въ общей проповѣди могутъ остаться висящими въ воздухѣ. Какая, напримѣръ, разница можетъ получиться, если вы говорите о крещеніи при совершеніи самого таинства крещенія въ сравненіи съ тѣмъ, если объ этомъ трактуется за другою службой... Нельзя забывать, что наше мірское общество въ громаднѣйшей своей части совершенно почти не свѣдуе въ истинахъ Евангелія; его нужно *учить*, и требы, тайносовершительнаго-ли, обрядоваго-ли характера, это—своего рода—на-

глядныя пособія, которыя помогаютъ усваивать церковное ученіе. Зачѣмъ же отдѣлять „пособіе“ отъ учительнаго слова? Церковь своимъ благодатнымъ попеченіемъ такъ все-сторонне охватываетъ теченіе жизни человѣческой и въ своихъ молитвословіяхъ остается вѣрной себѣ настолько, что, пользуясь различными случаями приходской жизни, при требоисправленіи, можно въ сознаніи пасомыхъ запечатлѣть всѣ не только важнѣйшія, но даже частныя истины христіанскаго благовѣстія.

Наконечъ, слово при требахъ есть, собственно, дѣло пастырской любви. Слово пастыря, вообще, должно быть срастворено „солью“ назидательной, небесной мудрости, которая есть плодъ любви. Любовь—стихія, въ которой всегда долженъ жить пастырь. Плоха эта любовь, если она не пользуется удобнымъ случаемъ проникнуть до самой души пасомаго; если человѣкъ дорогъ (а такимъ для пастыря долженъ быть всякій прихожанинъ), какъ не порадоваться его радостямъ, какъ не поскорбѣть объ его горѣ, какъ не предложить ему слово назиданія или утѣшенія изъ духовной сокровищницы, которой обладаетъ пастырь? Да если бы пастыри поставили для себя обязанностью не молчать при совершеніи требъ, ихъ любовь къ пасомымъ отъ этого только увеличилась бы.

Священникъ хочетъ сказать слово; ему естественно зранѣе узнать, чѣмъ вызвана треба, каково жизненное положеніе этого прихожанина, кто онъ, что дорого ему, чѣмъ задѣтъ отзывчивую струнку въ его сердцѣ и т. д. — а узнать „своихъ“ значитъ уже възгрѣвать любовь къ нимъ. Если даже узнаетъ пастырь и много отрицательнаго о какомъ-нибудь человѣкѣ, это вызоветъ лишь сострадательную любовь, если пастырь хочетъ спасти ввѣренныя ему души. Да и въ самомъ процессѣ творчества своего слова пастырь заставляетъ себя открывать свое сердце настолько, чтобы съ нимъ, проповѣдникомъ, слился слушатель во-едино,

себя онъ какъ бы ставить на мѣсто слушателя, а это и есть школа любви—чаще „отречься себя“.

Чтобы въ большей или меньшей степени соотвѣтствовать такому значенію, проповѣдническое слово при требоисправленіи должно отличаться особымъ характеромъ.

Оно должно быть обязательно „живымъ“ словомъ. Безъ предварительной подготовки, безъ спеціальнаго обдумыванія темы, пастырь вносить искорки свѣта во тьму жизни; натянуты до опредѣленной высоты струны сердечныя у пригласившихъ его на требу, такъ же должны натянуться и отзывчивыя струны въ душѣ пастыря—ихъ звукъ и есть проповѣдь при совершеніи требы. Чѣмъ полна душа пастыря, то и раскрывается въ этомъ непосредственно творимомъ словѣ; насколько отзывчивъ пастырь, настолько и дѣйственно его слово. Субъективный лирическій элементъ—существенная черта этой „живой“ проповѣди. Проповѣднику въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности слѣдить за всестороннимъ развитіемъ избранной темы, онъ отмѣчаетъ здѣсь лишь то существенное, что, по его мнѣнію, можетъ быть особенно цѣнно въ данномъ случаѣ. Для этого, конечно, необходима быстрая критическая оцѣнка какъ положенія, въ которомъ находится слушатель, такъ и отношенія къ нему проповѣдуемой темы. Соотвѣтствіе субъективныхъ переживаній и вдохновеній пастыря—проповѣдника по потребностямъ даннаго момента—вторая черта проповѣди при требоисправленіи.

Такой характеръ проповѣди приблизить ее къ тѣмъ задачамъ, которыя ею преслѣдуются.

Естественно, что общій характеръ проповѣди долженъ отразиться и на ея построеніи и на особенностяхъ ея языка.

Въ первомъ отношеніи, проповѣдники при требоисправленіи поставлены въ необходимость отдаваться непосредственно возникающимъ у нихъ чувствамъ и не могутъ заниматься вдумчивымъ всестороннимъ раскрытіемъ темы. Про-

повѣдникъ схватываетъ лишь самое существенное, центральное въ своей темѣ и стремится къ тому, чтобы возможно ярче напечатлѣть это въ сознаніи своихъ слушателей. Самыя условія произнесенія не позволяютъ въ этомъ случаѣ пастырю вдаваться въ мелочи и подробности; ему некогда размышлять надъ частными положеніями своей проповѣди, некогда подыскивать подходящіе аргументы, выбирая ихъ путемъ тщательнаго анализа. Пастырь для произнесенія поученія на требы долженъ обладать запасомъ нужныхъ знаній, богатствомъ жизненнаго опыта, разнообразіемъ переживаній и настроеній...

Чѣмъ ближе живетъ пастырь—проповѣдникъ къ своимъ прихожанамъ, тѣмъ успѣшнѣе и плодотворнѣе можетъ онъ поучать при совершеніи требъ. Какъ мудрый книжникъ, выбираетъ онъ тогда изъ сокровищницы души своей нужное для даннаго момента и представляетъ его сознанію слушателей. Все дѣло построенія проповѣди сведется тутъ къ тому, чтобы въ содержаніи душевной жизни своей найти то, что созвучно избранной темѣ; тогда по ассоціативной связи всплывутъ въ сознаніи пастыря и нужные примѣры, и ясныя обоснованія и характерные обороты, могущіе воздѣйствовать, именно, при наличныхъ условіяхъ на наличныхъ слушателей...

Вотъ въ этой связи построенія проповѣди не столько съ запросами теоретическаго разума, сколько съ настроеніемъ пастыря—залогъ дѣйственности пастырскаго поученія.

Если же построится проповѣдь, произносимая при требоисправленіи, какимъ-нибудь инымъ путемъ, она можетъ звучать диссонансомъ, потому что самая-то треба чаще всего вызывается потребностью сердца, желаніемъ создать настроеніе.

Такимъ образомъ, видно, что проповѣди при требоисправленіи должны быть строго-тематическими, чтобы расплывчатой массой побочныхъ мыслей не расхолодить настроенія.

Соотвѣтственно этому яркой краткостью и силой долженъ отличаться и языкъ проповѣди.

Проповѣдь, вообще, производить большее впечатлѣніе, если она кратка, но выразительна. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о проповѣди при требоисправленіи, когда самыя условія въ произнесеніи требуютъ отъ проповѣдника умѣнья въ нѣсколькихъ словахъ создать извѣстное настроеніе. Длинные періоды совершенно неумѣстны въ такой проповѣди. Съ рѣзкой отчетливостью должны вырисовываться мысли. Въ немногомъ должно быть выражено многое. Образныя выраженія въ данномъ случаѣ могутъ принести существенную пользу. Языкъ долженъ быть совершенно правильный, чтобы та или другая ошибка строя рѣчи не потребовала для себя дальнѣйшихъ объясненій. Если при этомъ будетъ соотвѣтствіе языку, который въ употребленіи у слушателей, то можно думать, что поученіе достигнетъ результатовъ.

Кромѣ обычной работы надъ усовершенствованіемъ языка рѣчи, для достиженія указанныхъ качествъ проповѣди нужно пастырю жить возможно тѣснѣе со своей паствой. Поэтому вниманіе пастыря къ проповѣди при требоисправленіи само побудитъ его искать этого сближенія—а это существенное въ дѣлѣ пастырскаго вліянія.

Эта же проповѣдническая дѣятельность заставитъ пастыря не забывать о должной высотѣ своего настроенія, она сама будетъ для него школой въ дѣлѣ „возгрѣванія благодати священства“. Всегда „на стражѣ своей“ стоитъ пастырь; внимательно всматривается онъ въ окружающее—не долженъ онъ пропускать безъ вниманія ни одной, даже мелкой черты въ жизни своихъ пасомыхъ.

Поэтому нельзя не пожелать, чтобы ширилась область примѣненія проповѣдническаго пастырскаго слова, чтобы мощной рѣкой лилось это слово въ пущу жизни, укрѣпляя вліяніе пастырства и черезъ него христіанства...

Священникъ Н. Платоновъ.

Библіографія.

Религіозно - философская бібліотека. Выпуски: XXXI— „Спасеніе и вѣра по православному ученію“ (Цѣна 35 к.), XXXII— „Спасеніе и вѣра по ученію католическому и протестантскому“ (Ц. 40 к.), XXXIII— „Церковь, Католичество и протестантство“ (Ц. 50 к.), XXXIV— „Папская непогрѣшимость“ (Ц. 25 к.), XXXV— „Идея католичества въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго“, XXXVI— „Іезуитизмъ и іезуиты“ (Ц. 45 к.), XXXVII— „Мистика Церкви“ (Ц. 30 к.).

„Религіозно-философская бібліотека“, руководимая М. А. Новоселовымъ, обогатилась за послѣднее время новыми вышеуказанными выпусками, представляющими собою цѣнный вкладъ въ научно-популярное религіозное просвѣщеніе русскаго общества. Отраднo отмѣтить тотъ рядъ вопросовъ, вокругъ которыхъ вращаются послѣдніе выпуски бібліотеки. „Спасеніе, вѣра, Церковь, православіе, католичество, протестантство“— вотъ вопросы выпусковъ бібліотеки и, должно сказать, все это является жгучимъ вопросомъ и современности. Искушенный безвѣріемъ умъ породилъ въ сердцѣ современнаго человѣка жажду вѣры, жажду мучительную, томительную. Человѣкъ отчаянно востосковалъ объ утерянномъ раѣ, когда онъ въ незлобіи и дѣтской простотѣ сердца пилъ воду живую изъ Божественнаго ручья. Человѣческіе водоемы оказались наполненными морской ропой, отъ которой еще сильнѣе загоралось внутри и еще сильнѣе томило жаждой. И вотъ человѣкъ ринулся къ водоемамъ Божественнымъ... Но здѣсь предъ нимъ сталъ роковой во-

прось: гдѣ они? куда идти? откуда испить воды *живой*? Какъ бы опять не сбиться на путь чловѣческихъ вымысловъ и снова не прійти къ мертвой водѣ?.. Гдѣ спасеніе? Во чтó вѣрить и гдѣ самая вѣра, въ чемъ она?.. Долгое блужданіе по распутьямъ міра густою пеленою задернуло отъ чловѣческаго духовнаго ока Божественную истину и ея хранилище—Церковь.

И вотъ на помощь блуждающимъ путникамъ и приходитъ „Религіозно-философская бібліотека“, раскрывая предъ ними вопросы о вѣрѣ и спасеніи, о Церкви, какъ спасительномъ пристанищѣ для алчущихъ и жаждущихъ правды и, наряду съ этимъ, предостерегая ихъ отъ блуждающихъ огней, несущихъ съ собою гибель, сбивающихъ путниковъ въ объятія чловѣческихъ вымысловъ и къ водоемамъ мертвой воды.

Такъ приблизительно и самъ издатель вышеупомянутыхъ выпусковъ опредѣляетъ ихъ цѣль. Въ „предисловіи“ къ XXXI-му выпуску онъ говоритъ: этотъ выпускъ „является, въ извѣстномъ смыслѣ, введеніемъ къ цѣлому ряду слѣдующихъ выпусковъ, направленныхъ къ одной и той же цѣли: съ разныхъ сторонъ *отграничить* Божественную область Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви (Православной) отъ сферы католическаго раскола и протестантскаго сектантства, ложно мнящихъ о себѣ, какъ о носителяхъ и обладателяхъ подлинной Христовой Истины.—Раскрывая *православное* ученіе о спасеніи, этомъ основномъ вопросѣ живого религіознаго сознанія, предлагаемый выпускъ очерчиваетъ часть того круга, внутри коего начертано: *Единая Христова Церковь*. Кругъ этотъ долженъ смыкаться по мѣрѣ выхода слѣдующихъ выпусковъ, стремящихся, каждый—съ своей стороны, ставить вѣхи вокругъ пажити Христовой, на тихихъ, текущихъ въ жизнь вѣчную, водахъ которой пасетъ Свое словесное стадо Пастыре-начальникъ Господь Исусъ. Каждый изъ ближайшихъ выпусковъ,

отрицательно или положительно, или и тѣмъ и другимъ способомъ, будетъ проводить границу между Церковью Божіей и обществами человѣческими, самовольно присвоивающими себѣ имя Невѣсты Христовой, и этимъ воздвигать ограду кругомъ Новозавѣтной Христовой Скинїи, чтобы какъ живущіе внутри Ея и укорененные тамъ, такъ и лишь взыскующіе драгоцѣнный бисеръ—Христа, не сбивались на распутья „внѣ церковныхъ стѣнъ“, гдѣ блуждаютъ овцы, не знающія должнымъ образомъ Единаго Пастыря—Иисуса, обитающаго въ Церкви Своей, „оставившія Его, источникъ воды живой“, и припадающія запекшимися устами къ „водоемамъ разбитымъ, которые не могутъ держать воды“.

Намѣченныя цѣли издатель выпусковъ осуществилъ прекрасно. Трактаты: „Спасеніе и вѣра по православному ученію“ и затѣмъ „Спасеніе и вѣра по ученію католическому и протестантскому“ изложены по лучшему въ этихъ вопросахъ сочиненію архіепископа Сергія (Финдляндскаго): „Православное ученіе о спасеніи“. Трактатъ: „Церковь, католичество и протестантство“—представляетъ собою очеркъ ихъ исторіи по А. С. Хомякову. Въ трактатъ о „папской непогрѣшимости“ вошли: 1) „Рѣчь Штроссмайера на Ватиканскомъ соборѣ“, направленная противъ папской непогрѣшимости и церковнаго главенства папъ. Эта „Рѣчь“ перепечатана изъ „Христ. Чт.“ за 1872 г. авг. м. и 2) Заявленія и письма Деллингера о ватиканскихъ декретахъ, въ переводѣ ихъ и съ примѣчаніями почившаго протопресвитера І. Л. Янышева. Выпускъ XXV-й излагаетъ „Идею католичества“, какъ ее изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскій. — „Иезуитизмъ и иезуиты“—вып. XXXVI-й изложенъ по Ю. Ѳ. Самарину. Заключительный вып. XXXVII-й посвященъ жгучему вопросу о „Мистикѣ Церкви“, по сравненію съ мистикой католичества. Этотъ выпускъ изложенъ по сочиненіямъ епископа Игнатія Брянчанинова, еп. Ѳеофана Затворника, М. В. Лодыженскаго и Вильяма Джемса. По-

слѣднія два источника не могутъ смутить своимъ неподходящимъ сосѣдствомъ съ столь видными святителями Церкви, потому что изъ сочиненій М. Лодыженскаго и В. Джемса издатель извлекъ лишь фактическія свѣдѣнія, но не пониманіе фактовъ.

Уже тѣ источники, откуда издатель почерпнулъ матеріалъ для своихъ выпусковъ, говорятъ краснорѣчивѣй всякихъ словъ о высокой назидательности и пользѣ этихъ выпусковъ. А если принять во вниманіе ту жгучую потребность, какая чувствуется нынѣ повсюду, въ разрѣшеніи намѣченныхъ выпусками вопросовъ, то ихъ цѣнность удесятерится. Издатель не забылъ, и за это ему великое спасибо, что въ наше время *газетнаго* царства любовь къ книгѣ оскудѣла и, чтобы заинтересовать ея, надо издавать ее изящно. И съ этой стороны выпуски „Религіозно-философской бібліотеки“ являются у насъ единственными, особенно если мы примемъ во вниманіе, что изящество ихъ изданія не отразилось губительно на ихъ цѣнѣ. И по цѣнѣ эти выпуски весьма доступны даже и для бѣднаго читателя.

Привѣтствуя это весьма полезное для Церкви издательство, мы не можемъ ограничиться одними только пожеланіями широкаго распространенія выпусковъ „Религіозно-философской бібліотеки“,—нѣтъ, мы взываемъ къ чувству долга пастырей—служителей Церкви особенно, а затѣмъ и православныхъ мірянъ,—поддержать изданіе подобныхъ выпусковъ широкимъ распространеніемъ ихъ повсюду—отъ хижинъ до палатъ, отъ бібліотекъ церковныхъ до мірскихъ включительно. Но особенно мы считаемъ обязательно необходимымъ въ столь тревожное для Церкви время имѣть эти выпуски въ бібліотекѣ каждаго пастыря и служителя Церкви, дабы дать вопрошающимъ отвѣтъ объ единомъ на потребу.

Въ природѣ ищите не зла, но святого.
Смотрите: въ ней свѣтлаго, чистаго много—
Здѣсь ясные отклики вѣка златого,
Тамъ отблескъ нетлѣнной премудрости Бога.
Встрѣчайте молитвой на лонѣ природы
И полдень священный, и пору заката,
Когда чуть замѣтно колышатся воды,
И лѣсъ и поля, такъ полны аромата,
Когда разгораются ярче и ярче
Таинственно блѣдныя звѣздныя очи.
Съ природой молитесь наивнѣй и жарче
Во тмѣ голубой и въ безмолвіи ночи.

Ты вышелъ на зарѣ. Сіяли небеса.
Въ туманной пеленѣ дремалъ весенній лѣсъ.
Съ надеждами ты шелъ, но собралась гроза,
Угасла въ тмѣ заря, и горизонтъ исчезъ.
До вечера идя подъ шумъ дождя и бури,
Ты такъ и не видалъ ни солнца ни лазури.
Братъ, надо отдохнуть. Засни съ молитвой къ Богу.
Быть можетъ, завтра Онъ дастъ лучшую дорогу.

В. Недзвецкій.

Открыта подписка

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ И МИССИОНЕРСКИЙ ЖУРНАЛЪ:

„Голосъ Церкви“.

Журналъ: „ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, вступая въ четвертый годъ своего изданія, имѣетъ цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной Вѣры и съ жизнью Православной Церкви.

==== Посему въ „ПРОГРАММУ“ журнала входятъ: =====

Отдѣлъ I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религиозно-назидательнаго содержанія. 2) Вѣроученіе и правоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніе запросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управленіе. 5) Вопросы современнаго пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православная миссія. 8) Внутренняя миссія. 9) Русское сектантство, расколъ, социализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Иконославіе и иновѣріе.

Отдѣлъ II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество. 14) Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь человека. 16) Церковь и современная пресса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библіографія и критика. 19) Политическое обозрѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

==== Въ журналѣ принимаютъ участіе: просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, миссіонеры, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни. =====

Журнальный итогъ

„ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, съ Божьей помощью, блестяще закончилъ *третій годъ* своего существованія.

Численность подписчиковъ возрасла. Составъ сотрудниковъ журнала значительно увеличился и вполне гарантируетъ достиженіе журналомъ своихъ цѣлей.

— Въ „Гол. Церкви“, между прочими, печатались статьи Петроградскаго Митрополита Владиміра, Московскаго Митрополита Макарія, Архіеписк. Антонія Харьковскаго, Архіеп. Николая

Варшавскаго, Архіеп. Арсенія Новгородскаго, Архіеп. Алексія Владимірскаго, Архіеп. Никона (б. Вологодскаго), Еписк. Θεодора, Ректора Москов. Дух. Академіи, Еписк. Арсенія Серпуховскаго, Еписк. Димитрія Можайскаго, профес. Моск. Д. Акад. архим. Иллариона (Троицкаго), профес. Казан. Д. Акад. Іером. Гурія, проф. Петроград. Дух. Акад. С. М. Зарина, проф. Кіев. Д. Академіи С. Т. Голубева, профес. Нѣжин. Инст. свящ. Н. Боголюбова, проф. Казанск. Унив. В. Ф. Залѣскаго, проф. И. С. Бердникова, проф. члена Г. Совѣта Т. И. Буткевича, профес. А. А. Бронзова, проф. свящ. В. Зыкова, проф. П. С. Смирнова, инспект. гимназіи А. Горайна, доктора В. Николаева, свящ. А. Введенскаго, город. головы доктора Е. Я. Дюкова, проф. Кіев. Д. Акад. Н. Фетисова, А. Макаровой-Мирской, П. Б. Мансурова, В. А. Кожевникова, И. Г. Айвазова, А. Ф. Платоновой, свящ. Н. Ф. Платонова, Попова-Пермскаго, свящ. М. Чельцова, Е. Воронца, Свящ. Н. Колосова, и мн. др. Въ редакціонномъ портфелѣ на 1915 г. имѣется вес. цѣнный матеріалъ по жгучимъ вопросамъ Церкви и Государства, принадлежащій перу извѣстныхъ ученыхъ, церковныхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

== Печатающіяся въ „Гол. Церк.“ важнѣйшія статьи издаются Редакціей, по соглашенію съ авторами, *отдѣльными брошюрами*, каковыя и можно получать въ Редакціи за вес. умѣренную цѣну.

КЪ СВѢДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ И СОТРУДНИКОВЪ:

1) Годовая цѣна журнала **ЧЕТЫРЕ** руб., За $\frac{1}{2}$ года **2** руб.; съ дост. и перес. За границу **ПЯТЬ** руб. Деньги адресовать: „Москва, Кремль, Чудовъ монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“. Подписка принимается и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ, какъ наприм. въ Петроградѣ. Гостинный дворъ № 45, книжный магаз. И. Л. Тузова и др., а также и въ „Конторѣ Объявленій и Подписки“, Н. Н. Печковской,—Москва. Петровскія Линіи“. За перемѣну адреса подписчики вносятъ **25** коп.

2) Плата за объявленія на послѣднихъ страницахъ: 1 стран. 20 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 3 руб. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) За прошлые годы „Голосъ Церкви“ высылается по **3** руб. за годъ съ перес. и доставк. Отдѣльныя книжки журнала высылаются за **50** коп. съ перес.

4) Литературный матеріалъ для „Гол. Церкви“ надлежитъ направлять и за справками обращаться по адресу: Петроградъ, Калашиковская набережная, д. 32, кв. 46. Телеф. 146—71. **Ивану Георгіевичу Айвазову.** Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

Реданторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова монастыря **Епископъ Серпуховскій Арсеній** и и. д. доцента Петроград. Духовн. Академіи Петроградскій епарх. миссіонеръ **Иванъ Айвазовъ.**
